

Карельский научный центр
Российской академии наук

ТРУДЫ

КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 8, 2015

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петрозаводск
2015

Главный редактор
А. Ф. ТИТОВ, член-корр. РАН, д. б. н., проф.

Редакционный совет

А. М. АСХАБОВ, академик РАН, д. г.-м. н., проф.; Т. ВИХАВАЙНЕН, доктор истории, проф.; А. В. ВОРОНИН, д. т. н., проф.; С. П. ГРИППА, к. г. н., доцент; Э. В. ИВАНТЕР, член-корр. РАН, д. б. н., проф.; А. С. ИСАЕВ, академик РАН, д. б. н., проф.; А. М. КРЫШЕНЬ (зам. главного редактора), д. б. н.; Е. В. КУДРЯШОВА, д. флс. н., проф.; В. В. МАЗАЛОВ, д. ф.-м. н., проф.; И. И. МУЛЛОНЕН, д. фил. н., проф.; Н. Н. НЕМОВА, член-корр. РАН, д. б. н., проф.; В. В. ОКРЕПИЛОВ, академик РАН, д. э. н.; О. Н. ПУГАЧЕВ, член-корр. РАН, д. б. н.; Ю. В. САВЕЛЬЕВ, д. э. н.; Д. А. СУБЕТТО, д. г. н.; Н. Н. ФИЛАТОВ, член-корр. РАН, д. г. н., проф.; В. В. ЩИПЦОВ, д. г.-м. н., проф.

Editor-in-Chief
A. F. TITOV, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.), Prof.

Editorial Council

A. M. ASKHABOV, RAS Academician, DSc (Geol.-Miner.), Prof.; N. N. FILATOV, RAS Corr. Fellow, DSc (Geog.), Prof.; S. P. GRIPPA, PhD (Geog.), Assistant Prof.; A. S. ISAEV, RAS Academician, DSc (Biol.), Prof.; E. V. IVANTER, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.), Prof.; A. M. KRYSHEN' (Deputy Editor-in-Chief), DSc (Biol.); E. V. KUDRYASHOVA, DSc (Phil.), Prof.; V. V. MAZALOV, DSc (Phys.-Math.), Prof.; I. I. MULLONEN, DSc (Philol.), Prof.; N. N. NEMOVA, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.), Prof.; V. V. OKREPILOV, RAS Academician, DSc (Econ.); O. N. PUGACHYOV, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.); Yu. V. SAVELIEV, DSc (Econ.); V. V. SHCHIPTSOV, DSc (Geol.-Miner.), Prof.; D. A. SUBETTO, DSc (Geog.); T. VIHAVAINEN, PhD (Hist.), Prof.; A. V. VORONIN, DSc (Tech.), Prof.

Редакционная коллегия серии «Гуманитарные исследования»

И. Ю. ВИНОКУРОВА, д. и. н.; А. С. ГЕРД, д. фил. н., проф.; Н. Г. ЗАЙЦЕВА, д. фил. н.; О. П. ИЛЮХА (зам. ответственного редактора), д. и. н.; [Н. А. КОРАБЛЕВ], к. и. н.; С. И. КОЧКУРКИНА, д. и. н.; Е. И. МАРКОВА, д. фил. н.; И. И. МУЛЛОНЕН (ответственный редактор), д. фил. н., проф.; А. В. ПИГИН, д. фил. н., проф.; Н. Н. СМИРНОВ, д. и. н., проф.; Т. ХЯМЮНЕН, доктор истории, проф.; Н. В. ЧИКИНА (ответственный секретарь), к. фил. н.

Editorial Board of the Research in the Humanities Series

N. V. CHIKINA (Executive Secretary), PhD (Philol.); A. S. GERD, DSc (Philol.), Prof.; T. HÄMYNEN, PhD (Hist.), Prof.; O. P. ILYUKHA (Deputy Editor-in-Charge), DSc (Hist.); S. I. KOCHKURKINA, DSc (Hist.); [N. A. KORABLYOV], PhD (Hist.); E. I. MARKOVA, DSc (Philol.); I. I. MULLONEN (Editor-in-Charge), DSc (Philol.), Prof.; A. V. PIGIN, DSc (Philol.), Prof.; N. N. SMIRNOV, DSc (Hist.), Prof.; I. Yu. VINOKUROVA, DSc (Hist.); N. G. ZAITSEVA, DSc (Philol.).

ISSN 1997-3217 (печатная версия)
ISSN 2312-4504 (онлайн-версия)

Зав. редакцией А. И. Мокеева
Адрес редакции: 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
тел. (8142)762018; факс (8142)769600
e-mail: trudy@krc.karelia.ru
Электронная полнотекстовая версия: <http://transactions.krc.karelia.ru>

УДК 902/904

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА: СТАТИСТИКО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. Ю. Тарасов¹, М. Б. Зобков²

¹ *Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН*

² *Институт водных проблем Севера Карельского научного центра РАН*

Анализ распределения находок проведен для раскопанной части двух стоянок-мастерских на западном побережье Онежского озера. Обе мастерские связаны с одной и той же индустрией (орудий т. н. русско-карельского типа), и вместе с тем виды и продолжительность происходившей на них деятельности различаются. Одна из стоянок являлась местом интенсивной, разнообразной и возобновляющейся деятельности, использовавшимся в течение, вероятно, более чем ста лет. Здесь представлен полный цикл изготовления рубящих орудий из камня, причем объемы этого производства были очень значительными. Несмотря на относительно длительный период существования памятника, основные особенности пространственной организации в пределах раскопанной площади оставались очень сходными. Вторая стоянка является памятником, сформировавшимся одномоментно. Ее раскопанная часть использовалась как место работы мастера по расщеплению, на котором в двух отчетливых скоплениях сконцентрированы отходы от завершения обработки заготовок-«полуфабрикатов». Оба скопления сформировались археологически одновременно. Различия между двумя памятниками, принадлежащими тем не менее к единой традиции, свидетельствуют о сложной организации данной индустрии.

Ключевые слова: археология; каменный век; энеолит; Карелия; рубящие орудия; русско-карельский тип; планиграфический анализ; стоянка-мастерская; ГИС.

A. Yu. Tarasov, M. B. Zobkov. ENEOLITHIC WORKSHOP SITES ON THE WESTERN COAST OF LAKE ONEGA: SPATIAL ANALYSIS

Interpolated density maps were used for exploring the patterns of artifact distributions of two archaeological workshop sites on the western coast of Lake Onega. Both workshops belong to the industry of the so-called Russian-Karelian (Eastern Karelian) type, and can be regarded mainly as production areas, and yet demonstrate considerable differences in the type and duration of activities that took place there. The first one was an area of intensive, various and recurring activities, and was used for at least even more than one hundred years. There was full-cycle production of wood-chopping tools of stone en masse. Despite a relatively long period of the site use, the main patterns of the spatial organization within the excavated area remained very similar testifying the existence of a continuous tradition. The other one, to the contrary, is a single-event site. The excavated area was used as a knapping floor with two distinct clusters of debitage accumulation, where the finishing of several half-made products took place just once. The differences between two sites of the same archaeological period functioning within the same tradition support our views concerning a complex logistical organization of the industry.

Введение

Изучение особенностей и закономерностей пространственного размещения археологических объектов относится к разряду основных исследовательских процедур, с которыми сталкивается любой археолог. Анализ пространственного размещения объектов культурного слоя в отечественной традиции обычно именуется планиграфическим анализом. Задачами такого анализа являются выявление особенностей их размещения и факторов, на него влияющих, установление взаимосвязей между ними с целью определения различных функциональных зон (пространственной структуры) и в конечном итоге – реконструкции человеческой деятельности. Планиграфический анализ начинается с простого графического и фотографического представления объектов культурного слоя, встреченных в ходе раскопок, и фиксации пространственных координат отдельных артефактов, которые производятся непосредственно в ходе раскопочных работ. В случае с простыми памятниками, оставленными в результате одномоментного и непродолжительного посещения каким-то человеческим коллективом, этих первичных графических материалов может быть вполне достаточно для понимания общей картины. Однако в некоторых случаях количество культурных остатков, попавших в культурный слой даже в ходе одного относительно непродолжительного эпизода обитания, может насчитывать тысячи предметов. Такое количество источников уже значительно усложняет аналитическую процедуру.

В последние десятилетия резко вырос интерес к использованию разного рода методов и технологий компьютерного анализа в археологических исследованиях, в том числе в исследованиях пространственной структуры археологических памятников. Одной из наиболее динамично развивающихся областей таких информационных технологий являются так называемые геоинформационные системы, или ГИС [Lock, 2001; Ebert, 2004; Harris, Lock, 2005; Copolly, Lake, 2006 и др.]. Такие системы представляют собой набор инструментов для оперирования пространственными данными в цифровой форме, включая их накопление, организацию, визуализацию и анализ [Harris, Lock 2005], и они вполне могут быть применены для планиграфического анализа отдельных памятников.

В настоящей работе делается попытка пространственного анализа особенностей распространения артефактов на раскопанной площади двух стоянок-мастерских западного побережья Онежского озера, датирующихся эпохой энеолита [Витенкова, 1996; Жульников, 1999].

Исследования энеолитических мастерских Онежского озера

Объектом рассмотрения настоящей работы являются стоянки-мастерские по изготовлению каменных рубящих орудий так называемого русско-карельского типа, расположенные на западном побережье Онежского озера, главным образом в устье р. Шуи (рис. 1).

Впервые эти орудия (рис. 2/7) привлекли внимание финляндских исследователей второй половины XIX в., локализовавших производственный центр на западном побережье Онежского озера и установивших, что некоторые изделия транспортировались отсюда в весьма удаленные регионы [Åyräpää, 1944; Heikkurinen, 1980; Nordquist, Seitsonen, 2008; Тарасов и др., 2010]. Российские археологи были осведомлены об исследованиях финляндских коллег, однако в России их интерпретация не была воспринята повсеместно [Брюсов, 1940, 1947, 1952. С. 104–106; Фосс, 1952. С. 196; Кларк, 1953. С. 246–247; Филатова, 1971; Гурина, 1974].

В 1980–90-х годах А. М. Жульников исследовал ряд памятников, датирующихся периодом энеолита, с т. н. асбестовой и пористой керамикой [Жульников, 1999]. Было установлено, что орудия русско-карельского типа характерны для памятников с такой керамикой, в то время как на памятниках с чистыми комплексами других культур они отсутствуют [Тарасов, 2008].

Картографирование находок русско-карельского типа впервые было произведено в середине XX века А. Яуряпяя [Åyräpää, 1944]. Эта работа возобновилась в 2008 г., когда были проанализированы археологические коллекции, происходящие с территории Эстонии [Тарасов и др., 2010], и продолжилась в 2009 г. в Латвии [Kriiska, Tarasov, 2011]. Также были просмотрены коллекции ряда музеев на территории Северо-Западной и Центральной России. В настоящее время учтены 3 466 предметов, включая готовые орудия и их фрагменты наряду с заготовками. Большинство заготовок

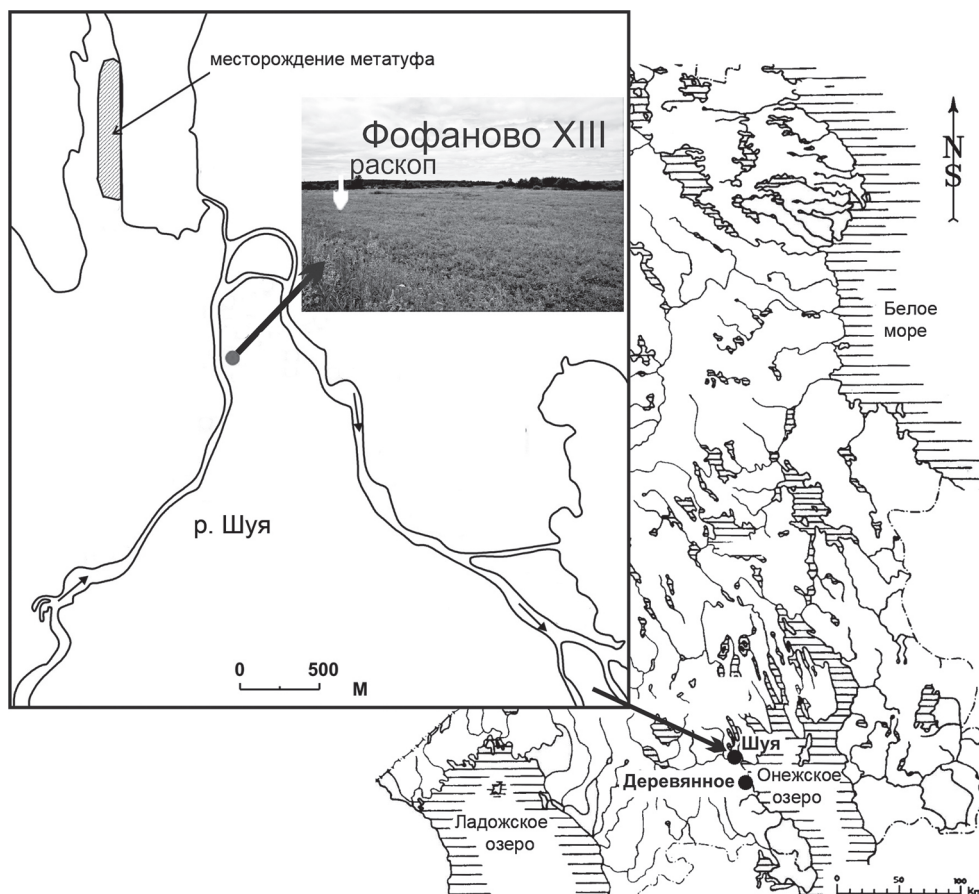

Рис. 1. Расположение стоянок-мастерских Фофаново XIII и Деревянное XVIII на западном побережье Онежского озера. Карта Республики Карелия заимствована из [Косменко, Кочкуркина, 1996]

происходят из низовьев р. Шуи. Некоторое их количество найдено на территориях в пределах бассейна Онежского озера, но не далее.

Материал орудий русско-карельского типа был определен во втором десятилетии XX в. финским геологом Э. Мякиненем. Исследователь установил, что им является слабо метаморфизованный туф (метатуф) с северо-западного побережья Онежского озера [см. Äyräpää, 1944]. Этот материал в археологической литературе был не совсем корректно обозначен также как «олонецкий зеленый сланец» [Tallgren, 1922. С. 67; Äyräpää, 1944; Neikkurinen, 1980. С. 5]. Петрографические исследования возобновились в 2009 г., когда был проведен анализ серии находок с территории Эстонии, показавший, что большинство их изготовлено из метатуфа, отсутствующего в Эстонии, но при этом аналогичного материалу образцов с западного побережья Онежского озера [Тарасов и др., 2010].

В течение послевоенного периода вплоть до 1990-х годов в устье р. Шуи имели место только эпизодические разведки. Регулярные исследования, преимущественно также разведочные работы и сборы подъемного материала,

начались только в 1990-е. В настоящее время в устье р. Шуи известно около 100 археологических памятников, не менее трети из которых содержат отходы производства орудий русско-карельского типа. В 2000 г. А. М. Жульниковым проведены первые раскопки стоянки-мастерской (Фофаново XIV), результаты которых частично опубликованы [Тарасов, 2003].

В 2010–2013 годах А. Ю. Тарасовым исследована серия из пяти стоянок-мастерских, содержащих отходы от изготовления орудий русско-карельского типа. Четыре из них находятся в устье р. Шуи: Фофаново XIII, Шуя XXI, Шуя XXV, Низовье I, и одна – в 40 км к югу от низовья р. Шуи (Деревянное XVIII). Раскопки производились на небольшой площади (от 6 до 30 м²). В настоящей работе рассматриваются материалы двух исследованных памятников – Фофаново XIII и Деревянное XVIII, являющиеся наиболее многочисленными.

Фофаново XIII. Стоянка открыта А. М. Спиридоновым в 1999 г. [Спиридонов, 2000], первоначально исследовалась с помощью шурфовки и сборов подъемного материала. Материалы сборов частично опубликованы [Тарасов, 2003; Жульников, 2011; Жульников,

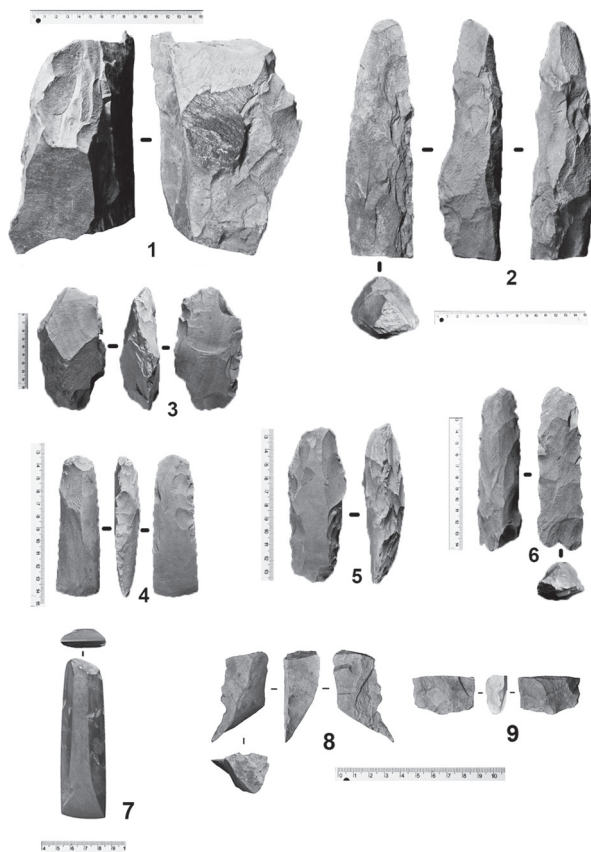

Рис. 2. Рубящие орудия русско-карельского типа (метатиф). 1–5 – заготовки со стоянки Фофаново XIII: 1 – заготовка 1-й стадии, 2–3, 5 – заготовки 2-й стадии, 4 – заготовка 4-й стадии (абразивной обработки); 6 – заготовка 3-й стадии; 7 – тесло со стоянки Фофаново XIII; 8–9 – фрагменты заготовок рубящих орудий со стоянки Деревянное XVIII: 8 – фрагмент обухной части, 9 – фрагмент лезвийной части

Тарасов, 2013]. В 2010 и 2011 гг. раскапывалась А. Ю. Тарасовым [Тарасов, 2011, 2012]. Это наиболее крупный памятник среди всех стоянок-мастерских низовья р. Шуи, общая площадь его около 40 000 м². Раскоп площадью 30 м² был заложен непосредственно на берегу реки (см. рис. 1). В раскопе обнаружено свыше 355 000 предметов, 84 % которых являются отходами от изготовления топоров и тесел русско-карельского типа. На стоянке представлены все технологические стадии изготовления рубящих орудий (см. рис. 2/1–6).

Примерная оценка количества произведенных здесь готовых орудий показывает, что их могло быть изготовлено от 500 до 1000 и более экз. [Тарасов, Stafeev, 2014]. Такое количество свидетельствует о больших объемах производства, ориентированного на обмен. На стоянке также обнаружена весьма многочисленная керамическая коллекция и изделия, связанные с производством других категорий инвентаря

(мелких бытовых орудий, наконечников стрел и копий, абразивных инструментов) из разных пород камня. Представлены и особо ценные вещи, активно использовавшиеся для обмена в этот период – янтарные украшения и кусочки самородной меди [Тарасов, 2012]. Уникальной для территории Карелии является коллекция костей, состоящая преимущественно из необожженных костей рыб.

Мощность культурного слоя составила 50–80 см, верхняя его часть подвергалась распашке. Кроме этого через всю центральную зону раскопа проходила зигзагообразная траншея шириной около 50 см, также заполненная пахотным слоем (рис. 3). Культурный слой снят тремя горизонтами, первым из которых являлся пахотный. Как показал типологический анализ керамики [Жульников, Тарасов, 2014], в нижнем, 3-м горизонте представлена наиболее ранняя разновидность энеолитической асбестовой керамики типа Войнаволоков (по А. М. Жульникову), которая может датироваться в пределах около 3500–3000 кал. лет до н. э. (около 4600–4300 BP) [Zhulnikov et al., 2012]. В верхних горизонтах – более поздняя асбестовая керамика типа Оровнаволоков. Керамика этого типа со стоянки Фофаново XIII имеет ранний облик [Жульников, Тарасов, 2014], что может рассматриваться как возможное свидетельство того, что формирование культурного слоя хоть и было относительно длительным и очевидно не одномоментным, вряд ли могло растянуться на многие сотни лет.

На настоящий момент с памятника получены пять радиоуглеродных дат, которые определяют слишком широкие хронологические рамки его существования (табл. 1). Эти рамки не согласуются с радиоуглеродной хронологией разновидностей асбестовой керамики, найденных в раскопе, основанной на более чем 40 датах с территории Карелии и Финляндии [Zhulnikov et al., 2012]. С ней, однако, вполне согласуется единственная AMS датировка, полученная по нагару. Очевидно, что требуются новые датировки, особенно датировки артефактов (нагара на керамике и костей животных). Однако нельзя отрицать и роль всестороннего анализа материалов данного памятника.

Помимо упоминавшейся уже поздней траншеи, на раскопанной площади встречены еще два объекта. Первый из них – участок, сильно насыщенный мелкими кусочками древесного угля и имеющий черную либо темно-коричневую окраску, условно обозначенный как «кострище». Объект проявился на уровне 2-го горизонта и фиксировался почти до конца культурного слоя. В раскоп попала только часть этого

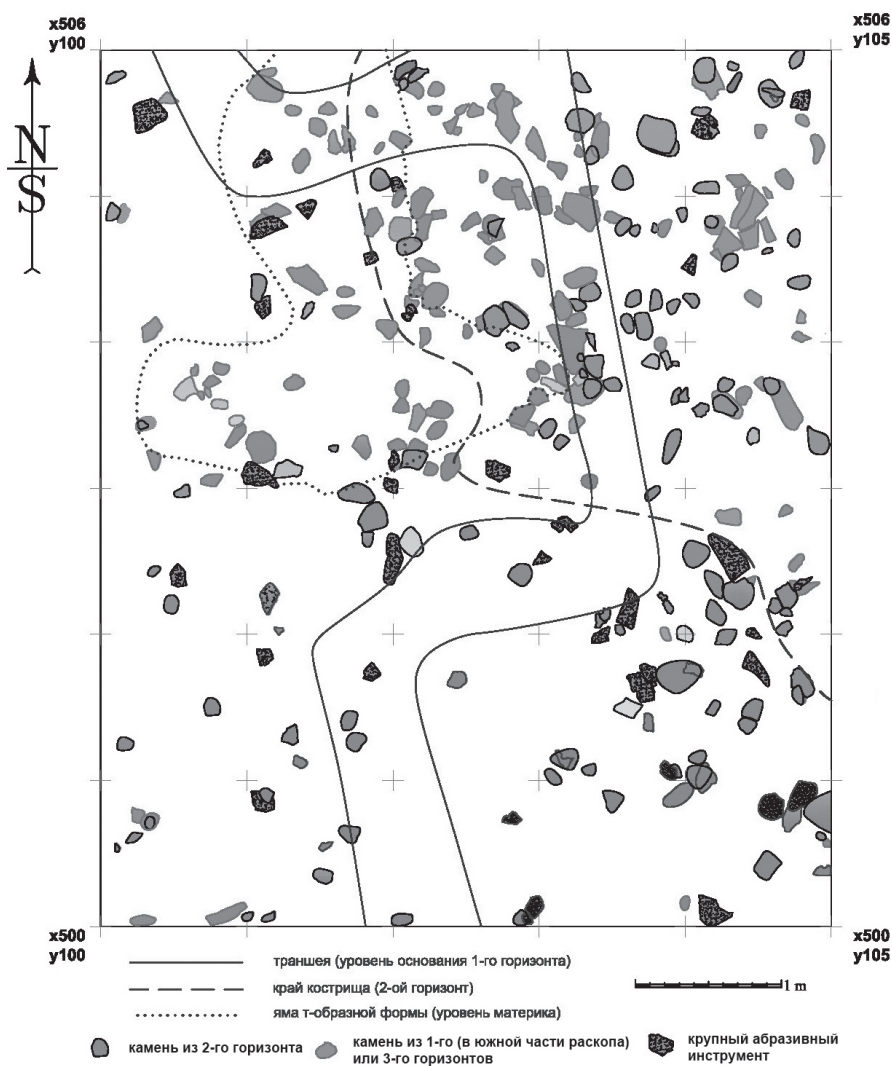

Рис. 3. План раскопа на стоянке Фофаново XIII

Таблица 1. Радиоуглеродные даты со стоянки Фофаново XIII (Атмосферные данные из Reimer et al., 2004; OxCal v3.10 Bronk Ramsey, 2005)

Лабораторный индекс	Дата (BP $\pm 1\sigma$)	Калиброванная дата 2 σ (BC)	$\delta^{13}C$	Материал
Hela-2812	4454 ± 42 BP	3340–2935 BC (95,4 %)	-27,5 ‰	нагар на керамике
SPb-781	3288 ± 70 BP	1740–1420 BC (95,4 %)	-25 ‰	уголь
SPb-782	3158 ± 80 BP	1630–1250 BC (94,1 %) 1240–1210 BC (1,3 %)	-25 ‰	уголь
SPb-783	5150 ± 80 BP	4250–3700 BC (95,4 %)	-25 ‰	уголь
SPb-784	5220 ± 80 BP	4260–3910 BC (88,6 %) 3880–3800 BC (7,8 %)	-25 ‰	уголь

кострища (около 8 м²), а вся его площадь, вероятно, могла достигать около 20 м². Во-вторых, это крупная яма Т-образной формы в северо-западном углу раскопа, проявившаяся на уровне 3-го горизонта (см. рис. 3).

Расположение расчищенных в раскопе камней и крупных абразивов явно следует какому-то плану – они вытягиваются в несколько

нечетких линий, следуя очертаниям кострищного пятна (см. рис. 3).

Деревянное XVIII. Памятник найден А. М. Жульниковым в 2012 г. [Жульников, 2013], в 2013 г. исследовался А. Ю. Тарасовым на площади 18 м² [Тарасов, 2014]. Общая его площадь определена в размере около 3 500 м² на основании топографических особенностей,

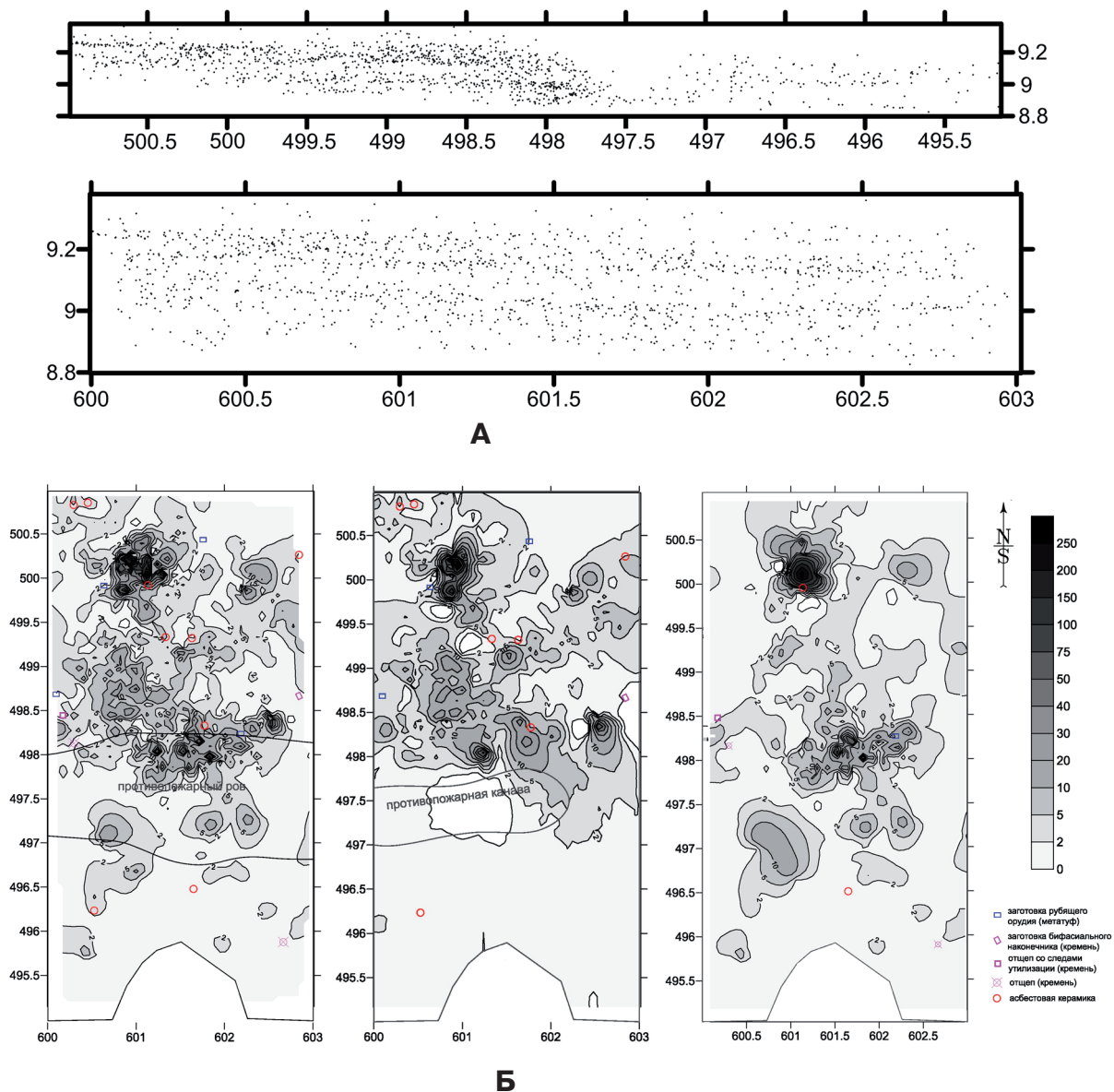

Рис. 4. Распределение находок в раскопе на стоянке Деревянное XVIII.

А – распределение отщепов из метатупа в раскопе на стоянке Деревянное XVIII в вертикальной проекции (вверху – проекция по оси север-юг; внизу – проекция по оси запад-восток). Б – распределение отщепов из метатупа на площади раскопа и расположение находок, встреченных в единичных экземплярах (слева направо: распространение всех находок; находки из 1-го горизонта, выявившегося при анализе распределения находок в вертикальной плоскости; находки из 2-го горизонта)

Таблица 2. Средние и медианные значения размеров отщепов из экспериментальной коллекции и коллекций со стоянок Фофаново XIII и Деревянное XVIII

выборка	параметр	Эксперимент		Фофаново XIII	Деревянное XVIII
		все отщепы	отщепы 3-й стадии		
все отщепы	сред. значение	12,16	10,51	20,88	9,24
	медиана	8,52	8,06	17,84	7,4
отщепы > 15 мм	сред. значение	26,09	23,5	26,38	21,7
	медиана	22,31	20,96	22,84	19,53

однако в действительности территория с культурными остатками может быть гораздо меньшей. Культурный слой мощностью 45 см снят тремя условными горизонтами. В раскопе найдены 12 120 предметов, 98 % которых составляют отходы производства орудий русско-карельского типа из метатифа. Имеется также некоторое количество отщепов из других пород, особенно кварца, единичные нуклеусы, мелкие бытовые орудия и фрагменты асбестовой керамики типа Оровнаволок. В настоящее время датировать стоянку можно только по керамическому материалу (около 3100–2400 кал. лет до н. э. или около 4400–3900 BP) [Zhulnikov et al., 2014].

В данном комплексе представлен неполный технологический контекст производства рубящих орудий. Во-первых, здесь практически нет заготовок, кроме четырех мелких обломков лезвия или обуха (см. рис. 2/8–9). Заготовки, оставленные в начале расщепления, а также действительно не удавшиеся экземпляры отсутствуют. Во-вторых, сравнение размеров отщепов из экспериментальной выборки, полученных в ходе специально проведенного эксперимента [подробнее см. Tarasov, Stafeev, 2014], с размерами отщепов из раскопок Фофаново XIII и Деревянного XVIII показывает, что значения, полученные для Деревянного XVIII, наиболее близки к значениям в выборке отщепов финальной стадии расщепления в эксперименте (табл. 2). Следовательно, отходы от начальных стадий в раскопе не представлены. Мы имеем дело не с полным циклом производства, а с завершением обработки почти готовых изделий.

Какие-либо объекты в пределах раскопа выявлены не были, однако непосредственно через раскоп в его южной половине проходил противопожарный ров шириной около 80–120 см. Ров сужался по мере углубления, и на уровне 3-го условного горизонта практически выклинился (рис. 4).

Методика фиксации артефактов и планиграфического анализа

На двух памятниках использовалась разная методика фиксации артефактов, но общей особенностью являлся отказ от замера координат каждого предмета. На Фофаново XIII он был связан с очень высокой плотностью находок. Замерять координаты каждого предмета с приемлемыми затратами времени было невозможно. Поэтому массовые категории находок собирались в один пакет с определенного участка – квадрата размером 50 x 50 см для нераспаханной части слоя и 1 x 1 м – для

распаханной, отдельно для каждого горизонта. Грунт просеивался на металлических ситах, обнаруживавшиеся при этом находки собирались в соответствии с их участком.

На Деревянном XVIII можно было ожидать, что культурный слой сформировался в течение одного-двух эпизодов – кратковременных, но интенсивных. Здесь было важно зафиксировать все артефакты на месте их нахождения. Однако при таком количестве находок, особенно очень мелких (размером менее 1 см), многие из них нашлись бы на этапе просеивания извлеченного грунта, что означало бы потерю информации об их точном местонахождении.

Нами избран вариант, который иногда применяется финляндскими археологами [Rankama, Kankapraa, 2011b] и который нам довелось наблюдать при раскопках стоянки Саареноя 2 [Jussila et al., 2012]. Грунт снимался небольшими блоками (не более 10 x 10 x 5 см) и просеивался на небольшом сите, имевшемся у каждого участника работ. Измерение координат производилось в центре блока, и все обнаруженные находки получали одинаковый номер в базе данных. Следует отметить, что так нами было выявлено существенно больше мелких артефактов, чем на Фофаново XIII [Tarasov, Stafeev, 2014].

В обоих случаях указание на плане местонахождений находок было невозможно, и для планиграфической визуализации требовалась статистическая обработка в том или ином виде. Для проведения анализа использованы карты плотности распределения объектов (density maps), в которых с помощью процедуры интерполяции – специальной серии математических преобразований – на основе точек, определяемых через пространственные координаты и интересующую исследователя количественную информацию, конструируются непрерывные поверхности [Ebert, 2004. С. 322; Hageman, Bennett, 2000. С. 122–125].

Построение таких карт производилось в программе Surfer®. Примеры использования данной программы для решения сходных задач можно встретить в литературе [Petraglia et al., 2002; Rankama, Kankapraa, 2011b]. В качестве пространственных координат x и y использовались координаты центра участка, с которого происходили находки. В качестве высотной координаты z – их количество. Интерполяция производилась с использованием метода *kriging*. Он ориентирован на иллюстрацию тенденций, проявляющихся в анализируемых данных, путем соединения точек со сходными значениями гладкими контурными линиями. Полученные таким образом карты хорошо иллюстрируют

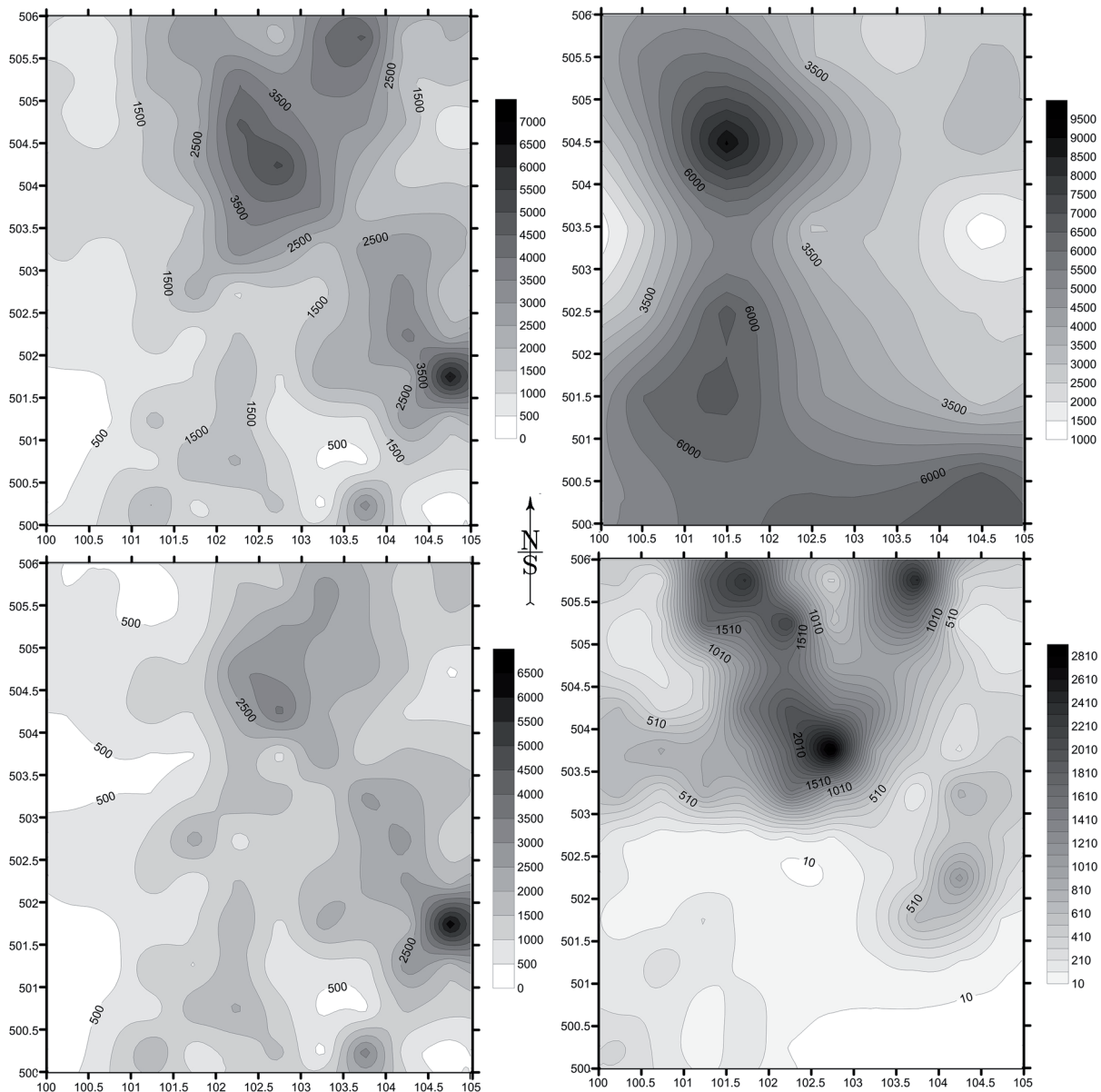

Рис. 5. Распределение находок на площади раскопа на стоянке Фофаново XIII.

Слева направо и сверху вниз: находки из нераспаханной части культурного слоя (из 2-го и 3-го условных горизонтов вместе); находки из 1-го горизонта (пахотного слоя); находки из 2-го условного горизонта; находки из 3-го условного горизонта

распределение артефактов и помогают идентифицировать наличие кластеров и аномалий [Hageman, Bennett, 2000. С. 122–125; Ebert, 2004. С. 322; Petraglia et al., 2002. С. 4].

Данные о количестве и размере находок, относящихся к наиболее массовой категории – отщепам-отходам от изготовления рубящих орудий из метатупфа, были получены с помощью разработанной нами ранее методики потокового анализа массовых материалов. Методика предполагает массовое фотографирование объектов (по несколько сот на одном снимке) и последующий анализ этих снимков в компьютере [Тарасов, Зобков, 2013].

Анализ распределения находок

Фофаново XIII. Нами была построена серия карт, показывающих распространение находок в каждом горизонте. Карты сделаны как для всех находок сразу, так и для всех отдельных категорий, представленных хотя бы несколькими десятками экземпляров. В связи с очень большим количеством таких карт (всего 70 шт.) показать их в статье не представляется возможным.

В нераспаханной части культурного слоя почти для всех категорий находок прослежена тенденция повышенной концентрации их

в пределах «кострища» в северо-восточной части раскопа, чаще всего со смещением к его внешним краям (рис. 5). Или по крайней мере увеличение их количества в направлении юго-запад – северо-восток, т. е. по мере приближения к «кострищу».

Есть три варианта объяснения данной закономерности. Во-первых, она может объясняться тем, что по мере приближения к «кострищу» увеличивалась мощность нераспаханного культурного слоя и основные находки за его пределами были выбраны при разборке пахоты. Во-вторых, можно предположить, что плотность находок увеличивалась по мере удаления от уреза воды в реке, в связи с тем, что основная деятельность древнего населения протекала на некотором расстоянии от берега. В-третьих, она может быть связана с тем, что человеческая активность в течение основного периода функционирования раскопанной части памятника действительно была сосредоточена вокруг данного объекта. Первый вариант можно отвергнуть, поскольку в 1-м горизонте (пахотном слое) зафиксирована точно такая же тенденция (см. рис. 5). Два других объяснения, в принципе, не противоречат друг другу.

Как уже было упомянуто, камни и крупные абразивные инструменты также вытягиваются вдоль «кострища». Их направление примерно соответствует направлению его юго-западной границы. Можно предположить, что камни размещались примерно по краям этого объекта.

Таким образом, в течение всего периода функционирования раскопанной части памятника здесь воспроизводились основные особенности пространственной структуры.

Деревянное XVIII. При раскопках на этом памятнике все находки фиксировались по высоте с точностью до 5 см, и в связи с этим перед планиграфическим анализом имело смысл проанализировать распределение находок по вертикали (см. рис. 4). Как выяснилось, они образуют два горизонта, разделенных прослойкой с минимальным количеством находок толщиной около 5 см, не совсем совпадающих с условными горизонтами, между которыми проводилась фотографическая и графическая фиксация поверхности раскопа. 1-й горизонт находок располагался в 1-м и частично во 2-м условном раскопном горизонте, 2-й горизонт находок – частично во 2-м и в 3-м.

Эти горизонты могут свидетельствовать о двух разных эпизодах использования площадки, поэтому планиграфический анализ был проведен как для всей коллекции сразу, так и для каждого из них (см. рис. 4). Карты построены только для отщепов из метатуфа и кварца,

являющихся действительно массовыми (всего 23 шт.). Для отщепов из метатуфа сделаны также карты распространения сколов разного размера.

Анализ показывает наличие трех более-менее значительных кластеров – в северо-восточной, центральной частях раскопа и между ними, в каждом из которых отмечается несколько отдельных пиков. При этом самым значительным из них по количеству находок является северо-восточный, намного опережающий два остальных. Кластеры в северо-восточной и центральной частях раскопа прослеживаются как в 1-м, так и во 2-м горизонте, отмеченном при изучении вертикального распределения находок. Во 2-м горизонте не обнаруживается только скопление, располагавшееся между ними – наименее насыщенное находками. В подобной ситуации приходится признать, что два проявившихся горизонта находок не связаны с двумя различными эпизодами обитания, разделенными значительным промежутком времени, т. е. достаточным для формирования стерильного слоя почвы. Скорее всего, мы имеем дело с погрешностями выполнения описанной выше методики раскопок и фиксации местоположения артефактов.

Фрагменты заготовок рубящих орудий располагались либо вблизи основных скоплений отщепов из метатуфа, либо в их краевых зонах. Остальные категории находок, в том числе относительно многочисленные кварцевые отщепы, концентрировались в северной половине раскопа – там же, где находятся отмеченные выше скопления. Вероятно, все категории находок взаимосвязаны и отложились в культурном слое условно одновременно.

Распределение отщепов из разных размерных классов можно признать одинаковым и соответствующим особенностям, выявленным для всей выборки. Отметим только, что уже начиная со сколов размером 30 мм на плане выявляется только один, северо-восточный, участок их концентрации. Данную особенность следует связывать с тем, что для этого участка в целом отмечена максимальная концентрация находок.

Чем меньше отщеп, тем меньше вероятность, что он будет перемещен куда-либо после того, как завершится изготовление изделий, побочным продуктом которого он является. Поскольку в нашем случае почти все размерные классы сосредоточены в пределах одних и тех же скоплений, можно констатировать, что данные скопления действительно возникли одновременно в ходе завершения обработки серии заготовок орудий русско-карельского типа.

Два основных проявившихся кластера – северо-восточный и центральный – очень неоднородны по количеству находок. Однако следует иметь в виду, что центральный кластер был поврежден рвом. При просеве перемешанного грунта из данного рва получено 2 668 отщепов, и с учетом их центральный кластер является не менее насыщенным находками, чем северо-восточный. Их распределение по размерным классам соответствует таковому в остальной коллекции. И можно отметить, что при разборке 3-го условного раскопного горизонта, благодаря тому, что ров к этому моменту был исчерпан, на его месте обозначились небольшие локальные пики (т. е. они заметны на карте плотности 2-го горизонта вертикального распределения находок и отсутствуют на карте для 1-го такого горизонта).

На наш взгляд, центральное и северо-восточное скопления маркируют те места, на которых происходила обработка заготовок. Все остальные найденные здесь отщепы, в том числе относящиеся к самому слабому кластеру, находящемуся между первыми двумя, оказались на своих местах в связи с разлетом отщепов. Разлет части снимаемых сколов на расстояние до 2–3 и иногда более метров связан с особенностями технологии, использовавшей технику удара через посредник [Тарасов, 2003; Tarasov, Stafeev, 2004]. Оставлены ли они одним мастером, менявшим свое местоположение, или двумя мастерами, работавшими одновременно, сказать невозможно.

Заключение

В связи с крайне небольшой раскопанной площадью проведенный здесь анализ не может претендовать на выявление всей пространственной структуры. Тем не менее полученные результаты важны как для «простой» критики источников, установления их структурных особенностей и времени существования, так и для интерпретации в более широком социокультурном контексте.

На стоянке Фофаново XIII результат анализа свидетельствует, что основные особенности деятельности, протекавшей в пределах раскопанного участка, воспроизводились в течение всего времени его функционирования.

С одной стороны, мы знаем, что памятник не являлся одномоментным комплексом, и об этом свидетельствует выявившаяся благодаря типологическому анализу керамического материала [Жульников, Тарасов, 2014] хроностратиграфическая последовательность накопления культурных остатков. С очень большой вероятностью мы можем экстраполировать

данный результат если не на всю, то на значительную часть оставшейся площади этого огромного памятника. Следовательно, в течение довольно длительного времени, как минимум нескольких десятилетий, здесь повторялась какая-то сложная, весьма интенсивная деятельность, привлекавшая значительное количество участников. Одной из наиболее важных составляющих этой деятельности было массовое изготовление каменных рубящих орудий. Однако большое количество находок других категорий, в том числе весьма ценных вещей, показывает, что производство рубящих орудий для обмена было не единственным ее компонентом. Мы не можем по итогам небольшого раскопа сказать, что именно представляло собой «кострище», вокруг которого концентрировалось наибольшее количество находок, однако очевидно, что этот объект играл одну из ключевых ролей в совершавшихся здесь действиях.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что эти действия воспроизводились в течение всего времени существования памятника. И поэтому период его функционирования вряд ли был настолько длительным, насколько велик хронологический диапазон радиоуглеродных датировок углей из культурного слоя.

Проведенный анализ позволил сделать еще одно наблюдение. Оно заключается в том, что распределение артефактов в распаханной части слоя принципиально не отличается от распределения в нераспаханной части слоя. Таким образом, пахотный слой никак нельзя считать «уничтоженным» культурным слоем.

Для второго памятника характерна совершенно другая ситуация. Раскопанная часть стоянки-мастерской Деревянное XVIII, и с очень большой вероятностью – вся стоянка, является археологически одновременным комплексом. С одной стороны, здесь мы сталкиваемся с более обыденной деятельностью, чем на Фофаново XVIII, заключающейся только в обработке заготовок рубящих орудий, и ни о какой сложной и интенсивной активности, значительном количестве участников в данном случае говорить не приходится. С другой стороны, вероятность того, что процесс работы могли наблюдать люди, сами не являвшиеся мастерами, здесь выше, чем на Фофаново XIII, поскольку вблизи этой стоянки известны обычные жилые поселения с долговременными жилищами.

Тот факт, что завершающий этап обработки заготовок орудий русско-карельского типа мог происходить вблизи обычных поселений, позволяет высказать два важных соображения. Во-первых, мастера, изготавливавшие такие орудия в устье р. Шуи, действительно могли основное

время проживать на поселениях с долговременными жилищами, расположенных по берегам Онежского озера. В комплексах таких поселений время от времени встречаются заготовки, относящиеся к поздним стадиям обработки [Тарасов, 2003]. Во-вторых, следует подчеркнуть, что вблизи обычных поселений происходила только завершающая обработка. Подобная ситуация отмечена Я. Апелем в его анализе индустрии скандинавских кремневых кинжалов. По его мнению, это давало мастеру возможность демонстрировать свое особое мастерство и тем самым повышать неформальный статус в своей социальной группе [Arel, 2001. С. 327].

Мы полагаем, что представленные в настоящей статье результаты подтверждают тезис о том, что индустрия рубящих орудий русско-карельского типа представляла собой сложное и многокомпонентное явление.

Авторы выражают глубокую благодарность А. М. Жульникову (Петрозаводский государственный университет) и А. Крийска (Тартуский университет) за многолетнюю поддержку исследований индустрии русско-карельского типа, а также коллегам из сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект «Онежское озеро и его водосбор: история геологического развития, освоение человеком и современное состояние», грант РНФ 14–17–00 766, 2014–2016) и Академии Финляндии в рамках проекта «The use of Materials and the Neolithisation of North-Eastern Europe (ca. 6000–1000 BC)».

Отчеты и материалы

Жульников А. М. Отчет об археологических разведках Беломорской археологической экспедиции Петрозаводского государственного университета на территории Республики Карелия в 2012 году. Петрозаводск, 2013.

Спирidonов А. М. Отчет о раскопках Петровской слободы в исторической зоне г. Петрозаводска и о разведочных работах в Карелии в 1999 году. Петрозаводск, 2000.

Тарасов А. Ю. Отчет о раскопках энеолитической стоянки-мастерской Фофаново XIII в Прионежском районе Республики Карелия в 2011 г. Петрозаводск, 2012.

Тарасов А. Ю. Отчет об археологических работах в Прионежском и Пряжинском районах Республики Карелия в 2010 г. Петрозаводск, 2011.

Тарасов А. Ю. Отчет об археологических работах в Прионежском, Пряжинском, Калевальском, Лоухском, Лахденпохском районах Республики Карелия в 2012–2013 гг. Петрозаводск, 2014.

Äyräpää A. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten koelmien tutkimuksista // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos. 1944. P. 53–73. Рукопись в Национальном музейном ведомстве Финляндии.

Литература

Косменко М. Г., Кочуркина С. И. Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1996. С. 174–184.

Брюсов А. Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1947. С. 9–34.

Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. Вып. IX. М., 1940. 320 с.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952.

Витенкова И. Ф. Памятники позднего энеолита с керамикой с примесью органики и асбеста // Археология Карелии / Ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочуркина. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1996. С. 174–184.

Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // Краткие сообщения Института археологии. Торговля и обмен в древности. М., 1974. Вып. 138. С. 12–23.

Жульников А. М. Комплексы энеолитической керамики типа Войнаволок в коллекциях НМ РК // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск: Национальный музей Республики Карелия, 2011. Вып. 6. С. 185–198.

Жульников А. М. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999. 224 с.

Жульников А. М., Тарасов А. Ю. К вопросу о керамике «переходного» типа (по материалам поселения Фофаново XIII) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. 1. С. 259–260.

Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.: Наука, 1953.

Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические Вести. СПб: ИИМК РАН, 2003. Вып. 10. С. 60–74.

Тарасов А. Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. СПб.: Наука, 2008. Вып. 1. С. 190–201.

Тарасов А. Ю., Зобков М. Б. Методика потокового анализа продуктов расщепления камня с использованием программ распознавания изображений // Археологические Вести. СПб., 2013. Вып. 19. С. 195–210.

Тарасов А. Ю., Крийска А., Кирс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии

в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстолии // Труды КарНЦ РАН. 2010. № 4. С. 56–65.

Филатова В. Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // Советская археология. 1971. № 2. С. 32–38.

Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1952. Вып. 29. 280 с.

Apel J. Daggers knowledge and power: The social aspects of flint dagger technology in Scandinavia (2350–1500 cal BC). Uppsala: Wikströms, 2001.

Bronk Ramsey C. OxCal (computer program). Version 3.10. The Manual. 2005. URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal3/oxcal.htm> (дата обращения: 13.08.2015).

Conolly J., Lake M. Geographical Information Systems in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Ebert D. Applications of archaeological GIS // Canadian Journal of Archaeology 28. 2004. P. 319–341.

Hageman J. D., Bennett D. Chapter Seven. Construction of digital elevation models for archaeological applications // Practical applications of GIS for archaeologists. A predictive modeling kit. Eds. Westcott K. L., Brandon R. J. London: Taylor & Francis, 2000. P. 121–136.

Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste no 21. Helsinki, 1980.

Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. Saarenoja 2 – an Early Mesolithic site in South-Eastern Finland: Preliminary results and interpretations of studies conducted in 2000 and 2008–2010 // Fennoscandia Archaeologica. 2012. Vol. XXIX. P. 3–27.

Kriiska A., Tarasov A. Wood-Chopping Tools of Russian-Karelian type from Latvia // Arheologija Un Etnografija. Laid 25. Riga, 2011. P. 57–72.

Lock G. Theorizing the practice or practicing the theory: archaeology and GIS // Archaeologia Polona. 2001. Vol. 39. P. 153–164.

Lock G., Harris T. Visualizing spatial data: the importance of Geographic Information Systems // Archaeology and the Information Age. A global perspective. Eds. P. Reilly, S. Rahtz. London: Routledge, 1992. P. 49–58.

Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.

Petraglia M. D., Susan B. L., Fitzell S. P., Cunningham K. W. Hickory Bluff: Changing perceptions of Delmarva archaeology // Delaware Department of Transportation Archaeology Series No.175. Delaware Department of Transportation, 2002. Section 16. Spatial distribution and analysis. URL: https://www.deldot.gov/archaeology/hickory_bluff/ (дата обращения: 13.08.2015).

Rankama T., Kankanpaa J. The Kaaranenkoski site in Pello, South-Western Lapland – at the interface between the «East» and the «West» // Mesolithic interfaces. Variability in lithic technologies in Eastern Fennoscandia. Ed. T. Rankama. Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2011. P. 212–253.

Reimer P. J., Baillie M. G. L., Bard E. et al. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // Radiocarbon. 2004. Vol. 46 (3). P. 1029–1058.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, Universität Dorpat, 1922.

Tarasov A., Stafeev S. Estimating the scale of stone axe production: A case study from Onega Lake, Russian Karelia // Journal of Lithic Studies. 2014. Vol. 1 (1). P. 239–261.

Zhulnikov A., Tarasov A., Kriiska A. Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with Asbestos and Porous Ware – probable result of «reservoir effect» // Fennoscandia Archaeologica. 2012. Vol. XXIX. P. 79–86.

Поступила в редакцию 18.02.2015

References

Bryusov A. Ya. Arheologicheskiye pamyatniki III–I tysyacheletij do nashej ery v Karelo-finskoj SSR [Archaeological sites of the 3rd–1st centuries BC in the Karelo-Finnish SSR]. Arheologicheskij sbornik [Collected archaeological papers]. Petrozavodsk: Gos. Izd-vo Karelo-Finskoj SSR, 1947. P. 9–34.

Bryusov A. Ya. Istoriya drevnej Karelii [History of ancient Karelia]. Trudy GIM [Proceedings of State Historical Museum]. Iss. IX. Moscow, 1940. 320 p.

Bryusov A. Ya. Oчерки po istorii plemen Evropejskoj chasti SSSR v neoliticheskuju epohu [Essays on the history of tribes in the European part of the USSR in the Neolithic]. Moscow: AN SSSR, 1952.

Clark D. G. D. Doistoricheskaya Evropa: Ekonomicheskij oчерk [Prehistoric Europe: The economic basis]. Moscow: Nauka, 1953

Filatova V. F. Russko-karelskij tip orudij v neolite Karelii [Russian-Karelian type of tools in the Neolithic in Karelia]. Sovetskaya arheologiya. 1971. No 2. P. 32–38.

Foss M. E. Drevnejshaya istoriya severa evropejskoj chasti SSSR [Ancient history of the Northern European part of the USSR]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and research in the archaeology of the USSR]. Moscow: Izd AN SSSR, 1952. Iss. 29. 280 p.

Gurina N. N. K voprosu ob obmene v neoliticheskuju epohu [On the question of exchange in the Neolithic epoch]. Kratkiye soobscheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology]. Torgovlya i obmen v drevnosti [Trade and exchange in ancient times]. Moscow, 1974. Iss. 138. P. 12–23.

Kosmenko M. G., Kochkurkina S. I. Arheologiya Karelii [Archaeology of Karelia]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 1996. P. 174–184.

Tarasov A. Yu. Centr Izgotovleniya kamennyh makroorudij eneoliticheskogo vremeni na territorii Karelii [A centre of stone macrotools manufacture of Eneolithic period in Karelia]. *Arheologicheskiye Vesti [Archaeological News]*. St. Petersburg: IIMK RAN, 2013. Iss. 10. P. 60–74.

Tarasov A. Yu. Eneoliticheskaya industriya kamennyh makroorudij Karelii v ryadu evropejskih industrij pozdnego kamennogo veka [Eneolithic macrotool industry in Karelia among European industries in the late Stone Age]. *Hronologiya, periodozatsiya i kross-kulturnye svyazi v kamennom veke [Chronology, periodization and cross-cultural communications in the Stone Age]*. St. Petersburg: Nauka, 2008. Iss. 1. P. 190–201.

Tarasov A. Yu., Zobkov M. B. Metodika potovkovogo analiza produktov rasschepleniya kamnya s ispolzovaniem program raspoznavaniya izobrazhenij [Mass-analysis of chipped stone assemblages with the aid of image-recognition software]. *Arheologicheskiye Vesti [Archaeological News]*. St. Petersburg, 2013. P. 195–210.

Tarasov A. Yu., Kriiska A., Kirs Yu. Svidetelstva obmena mezhdru naseleniyem Karelii i Estonii v finalnom kamennom veke: Po rezultatam arheologicheskogo i petrographicheskogo izucheniya rubyaschih orudij russko-karelskogo tipa s territorii Estonii [Evidence of exchange between inhabitants of Karelia and Estonia in the Final Stone Age: basing on archaeological and petrographical study of wood-chopping tools of the Russian-Karelian type from the territory of Estonia]. *Trudy KarNC RAN [Transactions KarRC RAS]*. 2010. No 4. P. 56–65.

Vitenkova I. F. Pamyatniki pozdnego eneolita s keramikoj s primes'yu organiki i asbesta [Late Eneolithic artefacts with ceramics, organic matter and asbestos]. *Arheologiya Karelii [Archaeology of Karelia]*. Eds. M. G. Kosmenko, S. I. Kochkurkina. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 1996. P. 174–184.

Zhulnikov A. M. Eneolit Karelii: Pamyatniki s poristoj i asbestovoj keramikoj [Eneolithic of Karelia: artefacts with porous ceramics and asbestos]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 1999. 224 p.

Zhulnikov A. M., Tarasov A. Yu. K voprosu o keramike «perehodnogo» tipa (po materialam poseleniya Fofanovo XIII) [To the question of «transitional» type of ceramics (based on the settlement Fofanovo 13)]. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani 2014 g [Proceedings of the 4th (20th) All-Russian archaeological congress in Kazan, 2014]*. Kazan, 2014. Vol. 1. P. 259–260.

Apel J. Daggers knowledge and power: The social aspects of flint dagger technology in Scandinavia (2350–1500 cal BC). Uppsala: Wikströms, 2001.

Bronk Ramsey C. OxCal (computer program). Version 3.10. The Manual. 2005. URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal3/oxcal.htm> (accessed: 13.08.2015).

Conolly J., Lake M. *Geographical Information Systems in archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Ebert D. Applications of archaeological GIS. *Canadian Journal of Archaeology*. 2004. P. 319–341.

Hageman J. D., Bennett D. Chapter Seven. Construction of digital elevation models for archaeological applications. *Practical applications of GIS for archaeologists*.

A predictive modeling kit. Eds. K. L. Westcott, R. J. Brandon. London: Taylor & Francis, 2000. P. 121–136.

Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. *Hel-singin yliopiston arkeologian laitus. Moniste no 21*. Helsinki, 1980.

Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. Saarenoja 2 – an Early Mesolithic site in South-Eastern Finland: Preliminary results and interpretations of studies conducted in 2000 and 2008–2010. *Fennoscandia Archaeologica*. 2012. Vol. XXIX. P. 3–27.

Kriiska A., Tarasov A. Wood-Chopping Tools of Russian-Karelian type from Latvia. *Arheologija Un Etnografija*. Laid 25. Riga, 2011. P. 57–72.

Lock G. Theorizing the practice or practicing the theory: archaeology and GIS. *Archaeologia Polona*. 2001. Vol. 39. P. 153–164.

Lock G., Harris T. Visualizing spatial data: the importance of Geographic Information Systems. *Archaeology and the Information Age. A global perspective*. Eds. P. Reilly, S. Rahtz. London: Routledge, 1992. P. 49–58.

Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944. *Fennoscandia Archaeologica*. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.

Petraglia M. D., Susan B. L., Fitzell S. P., Cunningham K. W. Hickory Bluff: Changing perceptions of Delaware archaeology. *Delaware Department of Transportation Archaeology Series No. 175*. Delaware Department of Transportation, 2002. Section 16. Spatial distribution and analysis. URL: https://www.deldot.gov/archaeology/hickory_bluff/ (accessed: 13.08.2015).

Rankama T., Kankapaa J. The Kaaranenkoski site in Pello, South-Western Lapland – at the interface between the «East» and the «West». *Mesolithic interfaces. Variability in lithic technologies in Eastern Fennoscandia*. Ed. T. Rankama. Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2011. P. 212–253.

Reimer P. J., Baillie M. G. L., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Bertrand C. J. H., Blackwell P. G., Buck C. E., Burr G. S., Cutler K. B., Damon P. E., Edwards R. L., Fairbanks R. G., Friedrich M., Guilderson T. P., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Ramsey C. B., Reimer R. W., Remmele S., Southon J. R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F. W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C. E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP. *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46 (3). P. 1029–1058.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis)*, III: 6. Dorpat, Universität Dorpat, 1922.

Tarasov A., Stafeev S. Estimating the scale of stone axe production: A case study from Onega Lake, Russian Karelia. *Journal of Lithic Studies*. 2014. Vol. 1 (1). P. 239–261.

Zhulnikov A., Tarasov A. & Kriiska A. Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with Asbestos and Porous Ware – probable result of «reservoir effect». *Fennoscandia Archaeologica*. 2012. Vol. XXIX. P. 79–86.

Received February 18, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Тарасов Алексей Юрьевич

старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: taleksej@drevlanka.ru
тел.: +79114016414

Зобков Михаил Борисович

научный сотрудник, к. т. н.
Институт водных проблем Севера
Карельского научного центра РАН
пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, Россия, 185030
эл. почта: ya-mikhailz@yandex.ru
тел.: +79114075363

CONTRIBUTORS:

Tarasov, Alexei

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: taleksej@drevlanka.ru
tel.: +79114016414

Zobkov, Mikhail

Northern Water Problems Institute,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo St., 185030 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: ya-mikhailz@yandex.ru
tel.: +79114075363

УДК 903.024:550.84 (470.22)

РОЛЬ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ КАРЕЛИИ

Т. А. Хорошун, И. М. Сумманен

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Керамика является первым искусственным материалом, созданным человеком, что позволяет значительно расширить спектр методов для ее изучения. В статье представлены данные по физико-химическому, петрографическому и геохимическому анализам керамики эпохи неолита и Средневековья. Комплексное исследование древней посуды с применением естественно-научных методов с четко поставленными исследовательскими задачами необходимо для решения актуальных проблем древнего керамического производства. На основе данных физико-химического исследования неолитической керамики Карелии и петрографического анализа материалов гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики бассейнов Белого моря, Ладожского и Онежского озер удалось определить и охарактеризовать основные компоненты формовочных масс и их количественное соотношение, условия термической обработки. Новейшие методы геохимических исследований апробированы на материале из раскопок средневековых древнекарельских городищ. Получены новые данные по химическому и минералогическому составу керамического теста, а также выделены привозные изделия в посуде древних карелов и частично установлено место их изготовления.

Ключевые слова: керамика; древнее гончарное производство; неолит; Средневековье; физико-химические методы; петрографический и геохимический анализ; метод электронно-зондовой микроскопии; ICP-MS.

T. A. Khoroshun, I. M. Summamen. THE ROLE OF NATURAL SCIENCE METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF ANCIENT CERAMICS IN KARELIA

Ceramics is the first artificial material ever created by a human, which allows us to apply various methods to ancient pottery research. The article contains data on physical, petrographic, chemical and geochemical analyses of Neolithic and medieval ceramics. A complex analysis of ancient pottery using natural science techniques aimed at achieving definite research objectives is essential in tackling actual problems of archaeological study. Considering the data obtained from physicochemical analysis of Neolithic ceramics of Karelia and petrographic analysis of comb-pit and rhomb-pit ceramics of the White Sea, Ladoga and Onega Lake basins we managed to identify and characterize the main components of ceramic pastes, its quantitative relation and firing process conditions. The latest techniques of geochemical analyses were applied to the study of medieval pottery from ancient Karelian hillforts. New data on chemical and mineralogical composition of ceramic paste was obtained; moreover, imported vessels in Karelian ware and the place of their production were identified.

Key words: ceramics; ancient pottery; Neolithic; Middle Ages; physical and chemical methods; petrographic analysis; geochemical analysis; SEM; ICP-MS.

История становления и развития методологии исследования керамики в отечественной археологии насчитывает более полутора веков. Вскоре после создания в 1864 г. Московского археологического общества, образование которого стало началом российской археологии, появились первые работы, направленные на анализ коллекций доисторической керамики [Городцов, 1899]. Исследования дореволюционного периода в целом носили любительский характер. По мнению Ю. Б. Цетлина, в этот период сформировался «эмоционально-описательный подход» к изучению керамики, основанный на визуальном анализе и попытках интуитивной систематизации материала [Цетлин, 2001. С. 65].

В советский период значительно совершенствуется теория и методология исследования керамики. Большая заслуга в этом принадлежит В. А. Городцову, внесшему неоценимый вклад в разработку главных принципов и методов изучения древней посуды. Именно он определил типологический метод как наиболее подходящий инструмент для систематизации керамического материала и одним из первых обратился к экспериментальной археологии, освоив реконструкцию способов формовки сосуда [Городцов, 1922, 1927]. В 1930-е годы появились результаты первых опытов использования методов естественных наук [Красников, 1931], однако распространение они получили значительно позже.

Во второй половине XX в. керамика впервые становится предметом живого интереса исследователей, и керамическое направление в археологии претерпевает качественные изменения. В данный период превалирует «формально-классификационный подход» [Цетлин, 2001. С. 66], и место наиболее дискуссионных проблем занимают такие, как построение типологических шкал керамики и датировка выделенных типов. Активно разрабатываются вопросы методики технологического анализа глиняной посуды. Широко применяются методы микроскопического исследования образцов керамики [Августиник, 1956; Кульская, 1940], впоследствии дополненные прогрессивными аналитическими методиками естественно-научных дисциплин (петрография).

С 1990-х годов начинается современный этап в истории изучения древней посуды, где в исследованиях сочетается традиционное и новое, теоретическая и экспериментальная археология [Сайко, Жущиховская, 1990; Глушков, 1996; Керамика..., 1989]. Теоретическая археология начинает тяготеть к привлечению методов естественных и точных наук. С учетом

развития технологий, их увеличивающейся доступности, а также придания особой роли междисциплинарным направлениям в современных научных исследованиях активный рост числа публикаций, освещающих результаты подобных работ, неудивителен. Первые наработки в данной области были осуществлены еще в 1960–1980-х годах [Гражданкина, 1965; Круг, 1965; Сайко, 1982]. Современные геофизические и геохимические методы исследования позволяют успешно определять химический и минералогический состав глин и примесных неорганических фракций, температуру обжига керамики, возраст сосуда, физико-механические свойства глиняной посуды [Дребушак, 2006; Ковалюх, Скрипкин, 2007].

Керамика является первым искусственным материалом, созданным человеком, что позволяет значительно расширить спектр методов для ее изучения. Сравнительно-типологический анализ по праву занимает первостепенное место при исследовании смешанных комплексов по основным морфо-типологическим и орнаментальным признакам. Между тем высокоинформативными являются методы смежных дисциплин, позволяющие решать сложные вопросы, связанные с древними технологиями.

Известно, что **физико-химические методы** для определения составов глиняной посуды использовались П. Н. Верюковым применительно к керамическим материалам поселений в бассейне Ладожского озера [Иностранцев, 1882. С. 168–170]. Первые попытки исследования археологической керамики на территории Карелии с использованием **методов естественных наук** предприняты совместно с сотрудниками Института геологии КарНЦ РАН¹. В задачу входило выяснение химического и минералогического состава формовочных масс керамики разных культурных типов среднего неолита – раннего энеолита (ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики).

Для определения химического состава использованы **полный силикатный и спектральный анализы, электронно-зондовая микроскопия**; для выяснения минералогического состава – **метод оптической микроскопии (петрографический) и рентгенофазовый анализ** [Хорошун, Ильина, 2006]. Полный силикатный анализ позволил установить процентное соотношение химических элементов

¹ Т. А. Хорошун выражает глубокую признательность директору Института геологии КарНЦ РАН д. г.-м. н. В. В. Щипцову и к. т. н. В. П. Ильиной за предоставленную помощь, поддержку в проведении исследования и консультации в ходе работы.

в составе глиняных масс. Полуколичественным спектральным анализом определен состав петрогенных (Ti, Mn) и редких (Ba, Cr) химических элементов в процентном соотношении. Элементы с содержанием >1 % являются породообразующими минералами и входят в состав глины (Na, Al, Fe). С помощью электронно-зондовой микроскопии установлен элементный состав образцов. Выделены составляющие компоненты глиняной массы: полиминеральная глина, плагиоклаз, наличие которых подтверждается результатами оптической микроскопии. Полученные сведения в основном характеризуют глину и ее свойства. Обобщенные показатели не позволили осуществить качественный анализ данных. Между тем этот опыт оказался полезным и необходимым условием для дальнейших изысканий.

На следующем этапе изучено 60 образцов из 14 поселений северного, юго-западного и восточного побережий Онежского озера [Хорошун, 2008, 2009]. Для определения процентного соотношения основных компонентов формовочной массы по химическому составу использованы **полный силикатный анализ** (ГОСТ 26 318–84) и результаты **электронно-зондовой микроскопии**. По результатам пересчета данных химического анализа содержание глинистого компонента варьирует в пределах 85–90 %, отощителя – 8–12 % и органического компонента – 2–7 %. Выяснено, что в качестве минеральной примеси использовался кварцевый песок либо тонкие фракции измельченных силикатных пород (на шлифах наблюдаются остроугольные и частично окатанные зерна). Установлено, что во всех образцах присутствует P_2O_5 , и это, возможно, свидетельствует о введении в массу в качестве добавки обожженных костей животных (по результатам **рентгенофазового анализа** наличие фосфорных соединений не обнаружено, что подтверждает наличие органического компонента).

Ранее высказывалось мнение, что состав формовочной массы (в том числе наличие примесей) может рассматриваться наряду с другими признаками керамики как культурный и хронологический показатель [Гурина, 1961. С. 50]. Полученные данные свидетельствуют, что для теста исследуемых типов керамики эпохи неолита можно выделить три составляющих: основное сырье – глина, отощающий компонент – окатанный песок или дресва, а также органический раствор в виде связки. При этом доля минерального компонента возрастает с уменьшением содержания органического компонента. Сочетание минеральных отощителей в формовочных массах поздненеолитической

керамики различается. Вероятно, их применение непосредственно связано с культурной традицией, физико-механическими свойствами исходного сырья и назначением сосудов.

Визуально состав глиняной массы ямочно-гребенчатой керамики отличается от составов более поздних типов (гребенчато-ямочная и ромбо-ямочная) по содержанию минеральных примесей (песок, дресва); их увеличение количественно совпадает с уменьшением показателя P_2O_5 , который характеризует наличие органического компонента. Возможно, это следствие приспособления к природным условиям или технологическая традиция. Отсутствие специальных исследований не позволяет проследить подобные зависимости в ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамике на других территориях. Между тем эти данные остаются достаточно обобщенными и не дают возможности детально охарактеризовать составы формовочных масс изучаемых образцов. Кроме того, сложной является и техническая подготовка образцов к дальнейшему лабораторному исследованию, в результате аргументация данных приобретает условный характер.

Древнее гончарство как сложный многоступенчатый процесс, включающий поиск и добычу сырья, его подготовку, конструирование и обжиг глиняной посуды, недостаточно изучен на территории Карелии. Попытки визуальных определений зачастую не дают полную информацию в связи с качественными характеристиками глиняной посуды – толстые стенки (до 1,3 см), рыхлое тесто, насыщенное минеральными включениями, плохо читаемые поры. Наиболее апробированным методом является **петрографическая и бинокулярная микроскопия**, позволяющая установить минералогический состав глинистого компонента и отощителя, определить естественные и искусственные добавки, а также их количественное соотношение, режим и температуру обжига изделия [Кулькова, 2012]. Преимуществом метода является увеличение информативных возможностей источника и получение более полных данных по минералогическому составу пластичной основы и примесей теста.

При изучении неолитической керамики отбирались образцы по разработанной методике анализа керамики смешанных комплексов [Хорошун, 2013], при которой приоритетными являются памятники с «чистыми» или условно «чистыми» комплексами, а также поселения, исследованные широкими площадями. Петрографический анализ позволил выявить минералогический состав формовочных масс (глинистый компонент и отощитель),

идентифицировать примеси и их происхождение (естественные/искусственные), определить их пропорции, условия температурной обработки сосудов.

Анализ образцов теста неолитической керамики выполнен в лаборатории кафедры геологии и геоэкологии факультета географии РГПУ им. Герцена. Изучение фрагментов произведено в шлифованных образцах с использованием бинокля МСБ-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое исследование осуществлено в шлифах под поляризационным микроскопом Leica в РЦ «Геомодель» СПбГУ [Хорошун, Кулькова, 2014].

По различному составу формовочных масс и режиму обжига обозначено несколько рецептов изготовления древней глиняной посуды. Полученные данные важны для характеристики глины как основного компонента формовочных масс. Ее качественные особенности связаны с разным составом и условиями формирования месторождений (глины гидрослюдистого, смектитового и смешанных составов) [Глины..., 2010. С. 96–111]. Фиксируется разнообразие рецептов как внутри выделенных типов, так и по районам распространения. Количественно доля глинистого компонента в тесте варьирует от 30 до 90 % (чаще всего 40–70 %). Показатель минеральных примесей, как правило, постоянный и не меняется в зависимости от качественных характеристик состава глин (тощие или жирные).

В некоторых образцах, за исключением керамики внутренних районов Сямозера и Водлозера, в глине обнаружены органические примеси. Так, в бассейне Ладожского озера органика содержится в 12 % образцов гребенчато-ямочной и 16 % ромбо-ямочной керамики. Для бассейна Онежского озера наблюдается иная статистика: образцы ромбо-ямочной керамики с органикой более чем в два раза превышают показатели гребенчато-ямочной керамики (41 и 16 %).

Выделено равное количество рецептов с органической и без органической составляющей. Составы без органической примеси включают глину, дресву и шамот (размельченная керамика, не до конца высушенная и растертая глина); с органической добавкой – пух-перо, возможно, органический раствор, добавленный в глину вместе с дресвой и песком. Самые высокие показатели относятся к бассейнам оз. Сямозера, Ладожского озера и оз. Водлозеро (25–37 % для гребенчато-ямочной и 25–50 % для ромбо-ямочной керамики), исключение составляет гребенчато-ямочная керамика Онежского озера.

Общий рецепт без органики, состоящий из глины и дресвы, является наиболее распространенным для исследуемой керамики на всей территории Карелии. Минеральные добавки также представлены песком, шамотом-керамикой и шамотом-глиной. Совместное использование дресвы и песка в формовочных массах связано с ромбо-ямочной керамикой Белого моря, а также с гребенчато-ямочной Ладожского озера и оз. Сямозера и ромбо-ямочной керамикой Онежского озера, но вместе с органическим компонентом. Уникальный рецепт, состоящий из глины и органического компонента (пух-перо) без минерального отщителя, отмечен в образце гребенчато-ямочной керамики из Залавруги IV (бассейн Белого моря).

Важно отметить, что шамот фиксируется с дресвой и характерен для обоих типов керамики Ладожского озера и гребенчато-ямочной Онежского озера. Похожий состав, но с органической примесью – для ромбо-ямочной керамики памятников Ладожского озера и оз. Водлозеро и гребенчато-ямочной оз. Сямозера. Между тем в бассейне Ладожского озера чаще всего добавлялись дресва и шамот, на памятниках Онежского озера – песок, что непосредственно связано с особенностями распространения этих компонентов на локальных участках. Рецепты с минеральными добавками наиболее характерны для гребенчато-ямочной керамики в бассейне Ладожского озера (47 %) и для ромбо-ямочной в бассейне Онежского озера (40 %). Таким образом, составы формовочных масс изученных типов характеризуются разнообразием и находят между собой аналогии.

Несмотря на то что по результатам петрографического исследования чаще всего встречается кратковременный или долговременный обжиг при 600–750 °С, имеются данные по возможному восстановительному обжигу (ромбо-ямочная керамика поселения Залавруга IV). На нескольких образцах керамики отмечены следы воздействия высоких температур 800–950 °С. В последующем при получении дополнительных сведений и проведении серии экспериментов можно будет подойти к реконструкции процесса термической обработки изделий.

В целом эти результаты свидетельствуют о сложных процессах, интерпретация которых требует дальнейших исследований. Важно отметить, что впервые получены аргументированные данные по составам формовочных масс для поздне-неолитической керамики районов Белого моря и в особенности Ладожского и Онежского озер (включая озера Сямозера

и Водлозеро), откуда происходят серии образцов. На данном этапе изучения прослеживается преобладание технологических традиций в изготовлении гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики. По всей видимости, разнообразие рецептов обусловлено приспособлением населения к природным ресурсам и функциональным назначением посуды. В последующем планируется продолжить начатое исследование с привлечением серий образцов, в особенности ромбо-ямочной керамики, не только памятников Карелии, но и сопредельных территорий для решения вопросов, связанных с развитием технологии древнего гончарства в позднем неолите.

Новейшие **методы геохимических исследований** апробированы на керамическом материале из раскопок древнекарельских городищ эпохи Средневековья [подробнее об истории и результатах их исследования см. Кочуркина, 2010]. Объектом геохимических анализов стали образцы теста гончарной керамики, изготовленной из ожелезненной и, в значительно меньшей степени, неожелезненной глины. Хронология бытования основных типов посуды на памятниках не выходит за рамки XII–XV веков.

Метод электронно-зондовой микроскопии (SEM) относительно недавно вошел в инструментарий археологических исследований в России [Хорошун, 2009; Ситдилов, Храмченкова, 2011], хотя за рубежом используется для изучения керамики с 1980-х годов [Maniatis, Tite, 1981; Tite et al., 1982]. Микронзондовый анализ успешно применяется для изучения формовочных масс керамики.

Абсолютное преимущество метода заключается в возможности точечного определения химического и минералогического состава как глинистой основы керамического теста, так и примеси – неорганических включений. Более того, микронзондовый анализ выявляет структурные особенности образца, что в ряде случаев позволяет установить наличие органической примеси в тесте, однако идентификация включений органики остается за пределами возможностей указанного метода. Опираясь на данные о структуре исследуемого образца, а именно – на степень спекания компонентов формовочной массы, можно определить относительную температуру обжига керамики. Так, визуально фиксируемое на изображении исчезновение четких границ между матрицей (глина) и искусственно введенных примесей (дресва, песок) свидетельствует о пребывании керамики в условиях высокотемпературного обжига (более 900–1000 °С).

Примечательна наглядность метода: микронзондовый анализ позволяет получать микронснимки широкого диапазона разрешений. Данное обстоятельство имеет важное значение, так как, исходя из качественного состава теста (глина и минеральный отощитель), имеется возможность перейти к определению их количественного соотношения. Долю пластичной основы и примесей в процентах можно вычислить методом площадного подсчета.

Метод электронно-зондовой микроскопии также подходит для решения задач, связанных с определением источников сырья. Исследуя химический состав глины, можно установить вид сырья и приблизительно локализовать его источник, сопоставив данные химических составов образца керамики и пробы сырья из предполагаемого месторождения, однако для получения надежных результатов о близости месторождений по геохимическим характеристикам необходим прецизионный анализ (ICP-MS).

Исследования состава и морфологии минералов в образцах керамики осуществлялись на сканирующем электронном микроскопе VEGA 11 LSH фирмы TESCAN с энергетической анализирующей приставкой INCA Energy Oxford Instruments [Поташева и др., 2013]¹. Микронзондовым анализом исследована небольшая серия образцов (шесть проб) с целью получения информации о составе теста сосудов и определения потенциальных возможностей метода. Каждый образец просматривался на предмет пористости, химического состава матрицы – основы формовочной массы (глины) и включений отощителя – дресвы или песка, для которого отдельно учитывались размеры и форма. Для выявленной органической примеси фиксировались размер и структура.

В результате проведенного исследования установлено, что для изготовления большинства сосудов использовалась ожелезненная иллитовая или монтмориллонитовая глина. Значительно реже применялась слабо ожелезненная или неожелезненная глина, основу которой составлял каолинит. В качестве минеральной примеси широко добавлялась гранито-гнейсовая дресва, тогда как в тесте керамики типов, распространившихся с XIII–XIV вв., зафиксирован песок кварц-полевошпатового состава. В процессе изучения структуры теста установлено наличие органики в формовочной массе:

¹ И. М. Сумманен выражает искреннюю благодарность к. г.-м. н. С. Ю. Чаженгиной (ИГ КарНЦ РАН) за помощь в проведении SEM-анализа образцов круговой керамики и интерпретации результатов.

в некоторых образцах часть ее выгорела и оставила лакуны в тесте, в других обнаруживались редкие остатки углеродистого вещества, которое предположительно идентифицировано как древесный уголь. По этнографическим и археологическим данным известно, что толченый древесный уголь и древесная зола могли применяться в качестве отощителя теста [Бобринский, 1978. С. 99].

Таким образом, микронзондовый анализ является эффективным инструментом изучения технологии производства керамики: рецептуры составления формовочных масс, обжига изделий. Полученная информация крайне важна для осуществления экспериментов, связанных с реконструкцией процесса изготовления посуды. Электронный микроскоп позволяет вести фотофиксацию в ходе работы, что обеспечивает наличие наглядных иллюстративных материалов исследования. Недостатки метода электронно-зондовой микроскопии главным образом связаны с временными затратами, связанными с длительным процессом подготовки проб и непосредственно анализа образцов. За пределами возможностей метода также остается идентификация состава органических веществ, ввиду того что одна из стадий подготовки образцов заключалась в напылении шлифованной поверхности фрагмента керамики углеродом.

Одним из последних достижений в геохимических исследованиях археологической керамики стало применение **масс-спектрометрии с индуктивно-связанной (ICP-MS)**. За рубежом метод ICP-MS активно привлекается для решения различных археологических задач, в том числе связанных с изучением керамического производства [Pillay, 2001; Hein et al., 2002; Robertson et al., 2002; Little et al., 2004]. В отечественной науке методика масс-спектрометрического исследования керамики впервые апробирована на гончарной керамике средневековой Карелии [Поташева, Светов, 2013, 2014]¹.

Проблема идентификации привозных и импортных изделий всегда вызывала особенный интерес, ввиду того что наличие подобных вещей в коллекциях указывает на связи использовавшего их населения с представителями других культур. Как правило, данная задача является непростой и решается с помощью технологического анализа предметов. Тем не менее

новшества технологий производства зачастую заимствовались мастерами и быстро усваивались в чужой среде, и традиционный технико-технологический анализ продукции не всегда дает надежный результат. С этой точки зрения высокоточный геохимический анализ объектов является универсальным инструментом для идентификации материалов, из которых изготовлены различные категории находок. В основе метода лежит принцип обнаружения редких и редкоземельных элементов (REE) в образцах, в данном случае – пробах керамического теста. Концентрация этих элементов в веществах настолько мала, что они используются как геохимические маркеры и по идентификационным возможностям сравнимы с папиллярным узором на пальцах человека.

Данная методика заимствована из геологии, где ICP-MS анализ используется для распознавания горных пород и различных геологических объектов. Фрагмент средневековой керамики фактически представляет собой гетерогенный объект, в состав которого входят минералы осадочных пород (глина) и магматических пород кислого состава (гранито-гнейсы). Органика, которая могла присутствовать в составе формовочной массы, не влияет на геохимический результат, ввиду нечувствительности анализатора прибора к ее наличию. Таким образом, древняя керамика анализировалась, по сути, как геологический объект, однако неоднородность состава впоследствии сказалась на интерпретации результатов.

Для геохимического анализа керамики отобрано 104 образца, из которых 75 проб представлены образцами теста гончарных сосудов городищ Северо-Западного Приладожья, пять – пробами посуды из крепости Орешек, 11 – фрагменты гончарных горшков из Новгорода, один – экспериментально взятый образец керамики из древнего Олонца. В качестве эталонных проб для керамики с городищ Хямеенлахти, Терву и Соскуа взяты пробы глин с близлежащих территорий, для новгородской керамики – материковая глина из раскопок в Славенском конце Новгорода, для образцов посуды из Тиверска и Паасо – фрагменты глиняной обмазки (глина применялась жителями для обмазывания фундаментов жилых построек, соответственно добывалась поблизости), для олонцкого сосуда – проба глины из современной гончарной мастерской г. Олонца.

В результате аналитических исследований определена концентрация в пробах следующих элементов: Li, Be, P, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, Rb, Sr, Y, Zr, Nb, Mo, Ag, Cd, In, Sn, Sb, Te, Cs, Ba, Hf, Ta, Tl, Pb, Bi, Th, U и группы

¹ И. М. Сумманен выражает глубокую признательность д. г.-м. н. С. А. Светову и д. г.-м. н. А. И. Слабунову за поддержку в организации и проведении исследования, консультации в ходе работы.

лантаноидов. Анализ результатов, сопровождаемый построением бинарных диаграмм, традиционно используемым для обработки данных, полученных методом ICP-MS, показал, что наибольшее различие в глинах, используемых для изготовления керамики, отмечается для таких элементов, как Ti, V, Cr, Y, REE и лантаноиды. На диаграммах маркеры химических составов теста сосудов образовали несколько групп. Критерием для подобного разделения послужила различная концентрация элементов, выступающих в качестве идентификаторов видов сырья различных по генетическому типу месторождений. Близость расположения фигуративных точек и их приуроченность к одной зоне свидетельствует о схожести их химического состава. Соответственно, сосуды, маркеры теста которых образовали различные области, изготовлены из глины, происходящей из разных месторождений. Так, установлено, что основная масса гончарной посуды городищ является продуктом местного керамического производства, базировавшегося на местных запасах сырья. В керамике выделены привозные изделия, для которых частично установлен производственный центр – древний Орешек.

Таким образом, выбранная методика оправдала ожидания и позволила решить поставленные задачи. Высокая точность анализа обеспечивает надежность полученных результатов. Немаловажным является такое качество ICP-MS исследования, как экспрессность, что позволяет изучать крупные серии образцов за короткий срок.

С другой стороны, в процессе интерпретации результатов мы столкнулись с трудностями, обусловленными экстраполяцией методики исследования геологических объектов природного происхождения на объект, по сути, составленный теми же материалами, но искусственно созданный человеком. Другими словами, на результаты геохимического исследования влияет процесс контаминации химического состава глины материалом отощителя (происходит в процессе замешивания глины и примеси), что необходимо учитывать при оценке полученных данных. Возможное решение сложившейся ситуации состоит в выявлении зависимости распределения элементов-маркеров в химическом составе пробы от рецептуры составления формовочной массы. Следовательно, следующим шагом в исследованиях данного направления видится создание эталонов керамического теста с различной концентрацией компонентов (глина, дресва, песок) и их последующий анализ с целью определения

закономерности влияния геохимического состава минеральных добавок на валовой химический состав образца.

Таким образом, используя различные аналитические методики естественно-научных дисциплин (петрографический, полный силикатный, спектральный, рентгенофазовый, масс-спектрометрический анализы, петрография, электронно-зондовая микроскопия) в исследовании доисторической керамики памятников Карелии эпохи неолита – Средневековья, удалось установить химический и минералогический состав формовочных масс, охарактеризовать основные компоненты теста и их количественное соотношение, определить условия термической обработки готовых изделий. В гончарной керамике средневековой корелы выделены привозные изделия, часть из которых получила производственный адрес. Зафиксированные изменения в технологии изготовления посуды свидетельствуют о более масштабных процессах, связанных с развитием материальных культур населения Карелии в рассматриваемые периоды.

Следовательно, комплексное исследование древней керамики с применением естественно-научных методов, в особенности для решения актуальных аспектов древнего керамического производства, оправданно и обосновано поставленными исследовательскими задачами. Разумное использование достижений смежных дисциплин позволяет значительно расширить информационные возможности археологических источников и критически подойти к анализу материала и историческим интерпретациям.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Карелия, в рамках проекта проведения научных исследований («Гончарное производство и сырьевая база на территории Карелии (эпоха каменного века – Средневековье»), проект № 14–11–10 002.

Литература

Августиник А. И. К вопросу о методике исследования древней керамики // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 149–156.

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: СамГПУ, 1999. 233 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.

Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.

- Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1996. 327 с.
- Городцов В. А. К выяснению древнейших приемов гончарного дела // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 178–187.
- Городцов В. А. Типологический метод в археологии // Труды общества исследователей Рязанского края. Серия методическая. Рязань, 1927. Вып. VI. С. 1–8.
- Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899. М., 1901. Т. 1. С. 576–672.
- Гражданкина Н. С. Методика химико-технологического исследования древней керамики // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 152–160.
- Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87. 588 с.
- Дребушак В. А. Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного периода) // Интеграционные проекты СО РАН. Новосибирск, 2006. Вып. 6. 98 с.
- Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. 177 с.
- Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 120–126.
- Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск; СПб.: Взлет, 2010. 264 с.
- Красников И. П. Трипольская керамика // СГАИМК. 1931. № 3. С. 10–12.
- Круг О. Ю. Применение петрографии в археологии // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 146–151.
- Кулькова М. А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 152 с.
- Кульская О. А. Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий // Ольвия. Киев, 1940. С. 171–185.
- Осипов В. И., Соколов В. Н. Глины России. Состав, строение и формирование свойств. М.: ГЕОС, 2013. 576 с.
- Поташева И. М., Светов С. А. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2013. № 3. С. 136–142.
- Поташева И. М., Светов С. А. ICP-MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. Петрозаводск, 2014. № 4 (141). С. 71–77.
- Поташева И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. Возможности применения микрозондового анализа образцов круговой керамики к изучению технологии древнего гончарства карелов в эпоху Средневековья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. № 8 (137). Петрозаводск, 2013. С. 44–50.
- Сайко Э. В., Жущиховская И. С. Методы микроскопии в исследовании древней керамики. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. 52 с.
- Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 210 с.
- Ситдииков А. Г., Храмченкова Р. Х. Типология поливной керамики Казанского ханства и анализ ее элементного состава // Вестник ТГГПУ. 2011. № 3 (25). С. 125–132.
- Хорошун Т. А. Физико-химическое исследование неолитической керамики южной Карелии // Вестник Поморского университета. № 3. Архангельск, 2008. С. 100–103.
- Хорошун Т. А. К вопросу использования местных ресурсов для изготовления древней глиняной посуды (развитый неолит – энеолит) // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 4. С. 98–110.
- Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н. э.): автореф. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2013. 18 с.
- Хорошун Т. А., Ильина В. П. Использование физико-химических методов при изучении керамики неолита–энеолита (по материалам памятника Вигайнаволок I) // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 315–318.
- Хорошун Т. А., Кулькова М. А. Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география. Том XII / Под ред. Е. М. Нестерова, В. А. Снытко. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 252–259.
- Цетлин Ю. Б. Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 54–74.
- Tite M. S., Freestone I. C., Meeks N. D., Bimson M. The Use of Scanning Electron Microscopy in the Technological Examination of Ancient Ceramics // Ceramics as Archaeological Material. Washington, 1982. P. 109–120.
- Maniatis Y., Tite M. S. Technological Examination of Neolithic-Bronze Age Pottery from Central and South-east Europe // Journal of Archaeological Science. 1981. No 8. P. 59–76.
- Hein A., Tsolakidou A., Iliopoulos I. et al. Standardisation of elemental analytical techniques applied to provenance studies of archaeological ceramics: an inter laboratory calibration study // Analyst. 2002. 127 (4). P. 542–553.
- Little N. C., Kosakowsky L. J., Speakman R. J. et al. Characterization of Maya pottery by INAA and ICP-MS

// Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry. 2004. Vol. 262, No 1. P.103–110.

Pillay A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? // Journal of Radioanalytical

and Nuclear Chemistry. 2001. Vol. 247, iss. 3. P. 593–595.

Поступила в редакцию 25.02.2015

Список сокращений

ДВО АН СССР – Дальневосточное отделение Российской академии наук

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук, Москва

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН

КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской академии наук

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии, Москва

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, Москва-Ленинград

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград

РГПУ им. А. И. Герцена – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск

ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск

References

Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of ancient pottery investigation]. Samara: SamGPU, 1999. 233 p.

Avgustinik A. I. K voprosu o metodike issledovaniya drevnei keramiki [On the question of methodology in the study of ancient ceramics]. KSIIMK. 1956. Iss. 64. P. 149–156.

Bobrinskii A. A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka, 1978. 275 p.

Drebushchak V. A. Fiziko-khimicheskoe issledovanie keramiki (na primere izdelii perekhodnogo perioda) [Physicochemical studies of ceramics (example of transitional period wares)]. *Integratsionnye proekty SO RAN* [Integration projects of SB RAS]. Novosibirsk, 2006. Iss. 6. 98 p.

Glushkov I. G. Keramika kak arkhelogicheskii istochnik [Ceramics as archaeological source]. Novosibirsk: In-t arkhologii i etnografii SO RAN, 1996. 327 p.

Gorodtsov V. A. K vyasneniyu drevneishikh priemov goncharnogo dela [Exploring ancient pottery techniques]. *Kazanskii muzeinyi vestnik* [Kazan Museum Herald]. 1922. No 2. P. 178–187.

Gorodtsov V. A. Russkaya doistoricheskaya keramika [Russian prehistoric pottery]. *Trudy XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve 1899* [Transactions of the 11th Archaeological Congress in Kiev, 1899]. Moscow, 1901. Vol. 1. P. 576–672.

Gorodtsov V. A. Tipologicheskii metod v arkhologii [Typological method in archaeology]. *Trudy obshchestva issledovatelei Ryazanskogo kraja. Seriya metodicheskaya* [Proceedings of the Society of the Ryazan region researchers. Methodological series]. Ryazan', 1927. Iss. VI. P. 1–8.

Grazhdankina N. S. Metodika khimiko-tekhnologicheskogo issledovaniya drevnei keramiki [Chemo-technological methods of studying ancient pottery]. *Arkheologiya i estestvennye nauki* [Archaeology and natural sciences]. Moscow: Nauka, 1965. P. 152–160.

Gurina N. N. Drevnyaya istoriya Severo-zapada Evropeiskoi chasti SSSR [The ancient history of the North-West of the European part of the USSR]. *MIA*. 1961. No 87. 588 p.

Keramika kak istoricheskii istochnik [Ceramics as a historical source]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 177 p.

Khoroshun T. A. Fiziko-khimicheskoe issledovanie neoliticheskoi keramiki yuzhnoi Karelii [Physicochemical study of Neolithic ceramics from South Karelia]. *Vestnik Pomorskogo universiteta* [Herald of Pomor University]. Arkhangel'sk, 2008. No 3. P. 100–103.

Khoroshun T. A. K voprosu ispol'zovaniya mestnykh resursov dlya izgotovleniya drevnei glinyanoi posudy (razvityi neolit – eneolit) [On the use of local resources in the manufacture of ancient pottery (developed Neolithic – Eneolithic)]. Adaptatsiya kul'tury naseleniya Karelii k osobennostyam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – Srednevekov'ya. Gumanitarnye issledovaniya [Adaptation of Karelian culture to local environmental features in the Mesolithic – Medieval period. Humanities]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2009. Iss. 4. P. 98–110.

Khoroshun T. A. Pamyatniki s yamochno-grebenchatoi i rombo-yamochnoi keramikoi na zapadnom poberezh'e Onezhskogo ozera (konets V – nachalo III tys. do n. e.) [Comb-pit and rhomb-pit pottery from the sites on the western coast of Lake Onega (the end of the 5th – beginning of the 3rd millennium BP)]:

avtoref. ... kand. ist. nauk [abstract of Ph. D. thesis, Hist.]. Moscow: IA RAN, 2013. 18 p.

Khoroshun T. A., Il'ina V. P. Ispol'zovanie fiziko-khimicheskikh metodov pri izuchenii keramiki neolita-eneolita (po materialam pamyatnika Vigainavolok I) [Application of physicochemical methods for studying Neolithic-Eneolithic ceramics (based on the data from Vigainavolok I site)]. Severnaya Evropa v XXI veke: priroda, kul'tura, ekonomika: Mater. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 60-letiyu KarNTs RAN [Northern Europe in the 21st century: nature, culture, economy. Proc. of intern. scien. conf., dedicated to the 60th anniversary of KarRC RAS]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2006. P. 315–318.

Khoroshun T. A., Kul'kova M. A. Tekhnologiya izgotovleniya i sostav glinyanoi posudy neolita Karelii [Neolithic ceramics of Karelia: manufacturing technologies and composition]. Geologiya, geoekologiya, evolyutsionnaya geografiya [Geology, geoecology and evolutionary geography]. Eds. E. M. Nesterova, V. A. Snytko. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2014. Vol. XII. P. 252–259.

Kovalyukh N. N., Skripkin V. V. Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskoi keramiki zhidkostnym stsintillyatsionnym metodom [Radiocarbon dating of archaeological ceramics by liquid scintillation method]. Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh. St. Petersburg: IIMK RAN, 2007. P. 120–126.

Kochkurkina S. I. Drevnekarel'skie gorodishcha epokhi Srednevekov'ya [Ancient Karelian hillforts in the Middle Ages]. Petrozavodsk; St. Petersburg: Vzlet, 2010. 264 p.

Krasnikov I. P. Tripol'skaya keramika [Tripoli ceramics]. *SGAIMK*. 1931. No 3. P. 10–12.

Krug O. Yu. Primenenie petrografii v arkheologii [Application of petrography to archaeology]. *Arkheologiya i estestvennye nauki* [Archaeology and natural sciences]. Moscow, 1965. P. 146–151.

Kul'kova M. A. Metody prikladnykh paleolandshaftnykh geokhimicheskikh issledovaniy [Methods of applied paleolandscape geochemical studies]. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2012. 152 p.

Kul'skaya O. A. Khimiko-tekhnologicheskie issledovaniya ol'viiskikh keramicheskikh izdelii [Chemico-technological studies of Olvian pottery]. *Ol'viya*. Kiev, 1940. P. 171–185.

Osipov V. I., Sokolov V. N. Gliny Rossii. Sostav, stroenie i formirovanie svoystv [Russian clays. composition, structure and formation of their properties]. Moscow: GEOS, 2013. 576 p.

Potasheva I. M., Svetov S. A. Geokhimicheskie issledovaniya v arkheologii: ICP-MS analiz obraztsov krugovoi keramiki drevnekarel'skikh gorodishch [Geochemical research in archaeology: ICP-MS analysis of wheel-thrown pottery samples from ancient Karelian hillforts]. *Trudy KarNTs RAN* [Transactions of the KarRS of RAS]. Petrozavodsk, 2013. No 3. C. 136–142.

Potasheva I. M., Svetov S. A. ICP-MS analiz drevnei keramiki kak metod opredeleniya istochnikov syr'ya i mesta proizvodstva goncharnoi produktsii [ICP-MS analysis of ancient ceramics as identification method of clay sources and pottery production area]. *Uchenye*

zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki [Proc. of Petrozavodsk State Univ. Series: Natural and engineering sciences]. Petrozavodsk, 2014. No 4 (141). P. 71–77.

Potasheva I. M., Chazhengina S. Yu., Svetov S. A. Vozmozhnosti primeneniya mikrozonodovogo analiza obraztsov krugovoi keramiki k izucheniyu tekhnologii drevnego goncharstva karelov v epokhu Srednevekov'ya [Possibilities of using electronic microscopy analysis of wheel-thrown pottery samples in study of ancient Karelian pottery production technology used in Middle Ages]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki* [Proc. of Petrozavodsk State Univ. Series: Natural and engineering sciences]. Petrozavodsk, 2013. No 8 (137). P. 44–50.

Saiko E. V., Zhushchikhovskaya I. S. Metody mikroskopii v issledovanii drevnei keramiki [Microscopic methods in the study of ancient pottery]. Vladivostok: DVO AN SSSR, 1990. 52 p.

Saiko E. V. Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Srednei Azii v istoricheskom razvitii [The technique and technology of ceramic production of Middle Asia in historical development]. Moscow: Nauka, 1982. 210 p.

Sitdikov A. G., Khramchenkova R. Kh. Tipologiya polivnoi keramiki Kazanskogo khanstva i analiz ee elementnogo sostava [Classification of glazed ceramic of Kazan khanate and analysis of its elemental composition]. *Vestnik TGGPU*. 2011. No 3 (25). P. 125–132.

Tsetlin Yu. B. Evolyutsiya issledovatel'skikh podkhodov k izucheniyu keramiki v arkheologii [Evolution of scientific approaches in the study of ancient ceramics in archaeology]. *Drevnie remeslenniki Priural'ya* [Ancient artisans of the Urals]. Izhevsk: UIYaL UrORAN, 2001. P. 54–74.

Vitenkova I. F. Pamyatniki pozdnego neolita na territorii Karelii [The Late Neolithic sites on the territory of Karelia]. Petrozavodsk: KarRS of RAS, 2002. 183 p.

Hein A., Tsolakidou A., Iliopoulos I. et al. Standardisation of elemental analytical techniques applied to provenance studies of archaeological ceramics: an inter laboratory calibration study. *Analyst*. 2002. 127 (4). P. 542–553.

Little N. C., Kosakowsky L. J., Speakman R. J., Glascock M. D., Lohse J. C. Characterization of Maya pottery by INAA and ICP-MS. *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2004. Vol. 262, No 1. P. 103–110.

Maniatis Y., Tite M. S. Technological Examination of Neolithic-Bronze Age Pottery from Central and Southeast Europe. *Journal of Archaeological Science*. 1981. No 8. P. 59–76.

Pillay A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2001. Vol. 247, iss. 3. P. 593–595.

Tite M. S., Freestone I. C., Meeks N. D., Bimson M. The Use of Scanning Electron Microscopy in the Technological Examination of Ancient Ceramics. *Ceramics as Archaeological Material*. Washington, 1982. P. 109–120.

Received February 25, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Хорошун Татьяна Анатольевна

научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: tattya@list.ru

Сумманен Ирина Михайловна

младший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: irina.potasheva@mail.ru

CONTRIBUTORS:

Khoroshun, Tatiana

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: tattya@list.ru

Summanen, Irina

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: irina.potasheva@mail.ru

УДК 940

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ

Н. А. Кораблев, Е. Ю. Дубровская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье впервые рассматривается глубокое и разностороннее воздействие Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь Карелии. Основанная на архивных материалах и опубликованных источниках, она освещает возросшее геополитическое значение края в 1914–1918 годах. Олонецкая губерния и Кемский уезд Архангельской губернии стали важным звеном в системе коммуникаций, связывавших Российскую империю через порты Европейского Севера с союзными государствами. Геостратегическое значение Карелии определялось строительством Мурманской железной дороги, соединившей российскую столицу с портами на побережье Мурмана. В Петрозаводске, губернском центре Олонецкого края, работал Александровский снарядолитейный завод – относительно крупное и хорошо оснащенное предприятие военно-промышленного комплекса России. На основе сравнительного анализа делается вывод, что в период Первой мировой войны завод работал на пределе своих производственных возможностей.

Исследование проливает свет на отдельные нереализованные экономические проекты военного времени, впоследствии востребованные в советский период истории Карелии и послужившие основой для дальнейшего развития производственной инфраструктуры республики. Изучение влияния военного фактора на условия жизни населения Карелии показывает особую остроту по сравнению с общероссийской ситуацией продовольственного кризиса в регионе, вызванного слабой развитостью аграрного сектора и большим притоком мигрантов в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Однако, несмотря на постепенное снижение уровня жизни различных слоев населения в ходе войны и рост социальной напряженности, обстановка в Карелии изменялась медленнее, чем в центре страны, и отличалась меньшей политизацией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война; Карелия; социально-экономическая жизнь; геополитическое значение края; население; экономические проекты.

N. A. Korablyov, E. Yu. Dubrovskaya. THE EFFECTS OF WORLD WAR I ON SOCIOECONOMIC LIFE OF THE POPULATION OF KARELIA

The paper comprises the first overview of profound and many-sided impact of World War I on socioeconomic life of Karelia. Based on archive materials and published sources the paper shows the growing geopolitical significance of the region in 1914–1918. The Olonets province and Kemsky district of the Arkhangelsk province became an important link in the communication system connecting the Russian Empire through the North European ports with the allied states. Geostrategic significance of Karelia was determined by the construction of the Murmansk railway, which joined the capital of Russia and the harbors on the Murman coast. Petrozavodsk as the centre of the Olonets province had at its disposal the Alexandrovsky cannon casting factory – a relatively big and well-equipped

enterprise of the military and industrial complex of Russia. The comparative analysis indicates that during World War I the factory worked at its maximum capacity. The paper throws light upon some unrealized economic projects dealing with the war-time needs, yet relevant in the soviet period of Karelian history as a basis for the future development of industrial infrastructure of the republic. The study of the impact of military factor on the living conditions of the population of Karelia demonstrates particularly severe food crisis in the region compared to the Russian average, due to the poorly developed agrarian sector and great influx of migrants for the construction of the Murmansk railway. Still, despite a gradual fall of living conditions among various population strata during the war and an increase of social tension, the situation in Karelia was changing slower than in the centre of the state and was less politically determined.

Key words: World War I; Karelia; socioeconomic life; geopolitical significance of the region; population; economic projects.

Первая мировая война, столетие с начала которой отмечалось в 2014 году, – один из важнейших переломных этапов не только в российской, но и во всемирной истории. В войне участвовало 35 из 59 существовавших тогда независимых государств [Виноградов, 2014. С. 3]. Ее итогом стал революционный крах четырех могущественных мировых империй – Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской. Первая мировая война явилась войной нового типа. В ней впервые в истории участвовали массовые армии, вооружение и снабжение которых потребовали мобилизации всех экономических возможностей страны. Правящие круги России оказались не в состоянии в полной мере адаптировать народное хозяйство огромной державы к реалиям мировой войны, что в конечном итоге и привело к масштабному революционному кризису.

Вопреки расхожему представлению, Первая мировая война никогда не являлась для историков, в том числе и отечественных, забытой войной. На самом деле накоплена весьма обширная литература. Историографическая проблема заключалась не в малом количестве монографических трудов, а в том, что рассмотрение вопросов военной стратегии и тактики, внутренней политики, социально-экономической и общественно-политической жизни велось специалистами, как правило, в общероссийском масштабе [Беспалов, 2014. С. 152; Козенко, 2001. С. 4–6].

Специальное монографическое изучение социально-экономических и общественно-политических процессов, развертывавшихся в период Первой мировой войны в Карелии – одном из самобытных национальных районов Российской империи, до сих пор не предпринималось, хотя данная проблема представляет несомненный научный интерес. За годы войны Карелия (имеется в виду территория Петрозаводского, Пудожского, Повенецкого, Олонецкого уездов

Олонецкой губ. и Кемского уезда Архангельской губ.) разительно преобразилась. События всемирно-исторической важности, связанные с Первой мировой войной, сыграли особую роль для Русского Севера, став своего рода проектом дальнейшего социального и экономического развития края на протяжении всего XX столетия [Трошина, 2014. С. 289–294].

Карельский край, как и весь Европейский Север, оказавшийся в послепетровскую эпоху на периферии интересов правящих кругов Российской империи, вследствие блокады Черного и Балтийского морей и закрытия западной границы приобрел в годы Первой мировой войны особое, первостепенное стратегическое значение. Правительство спешно разработало и осуществляло на территории Карелии целый ряд проектов общегосударственного значения.

Задачи, стоявшие перед авторами статьи, – показать отношение населения Карелии к войне и процесс мобилизации людских и материальных ресурсов для нужд фронта, охарактеризовать специфику экономического развития края под влиянием изменившегося в условиях мировой войны геополитического и стратегического положения Карелии, а также проследить перемены в положении основных социальных слоев местного населения и миграционных групп, появившихся в ходе войны. Ответив на эти вопросы, можно приблизиться к пониманию особенностей воздействия фактора Первой мировой войны на развитие социально-политических процессов в крае.

Источниками послужили архивные документы из фондов Национального архива Республики Карелия (НАРК) и материалы новейшего сборника документов, изданного карельскими архивистами [Карелия..., 2014], фундаментальные публикации из фондов центральных архивов России [Журналы..., 2013; Особые журналы..., 2008], а также материалы

периодической печати исследуемого периода и мемуарная литература.

Вспыхнувшая в июле 1914 г. Первая мировая война оказала глубокое воздействие на все сферы жизни Российской империи, выступившей в составе Антанты против милитаристской Германии и ее союзников. Невиданное по своим масштабам вооруженное противостояние опрокинуло расчеты стратегов и политиков на кратковременность конфликта и потребовало предельного напряжения людских и материальных ресурсов обеих противоборствующих сторон [Агеев, 2014. С. 15–29]. Вместе со всей необъятной страной тяжесть и боль небывалых военных испытаний разделил и северный карельский край.

Вступление России в войну вызвало среди населения Карелии мощный подъем патриотических настроений, наиболее ярким проявлением которых стали массовые манифестации в административном центре Олонецкой губернии – Петрозаводске. Организованно и при высокой явке призывников прошла мобилизация в действующую армию. Торжественные проводы запасных (резервистов) и ополченцев на фронт в конце июля – августе 1914 г. в городах и селах края вылились, по существу, в народные демонстрации под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество!» [ОГВ, 1914. 17 авг.]. Население восприняло начавшуюся войну как вторую Отечественную. В результате мобилизации и последующих призывов 1914–1917 годов из Карелии, как и в целом на Европейском Севере, в действующую армию ушла половина всего трудоспособного мужского населения (28 тыс. человек). По подсчетам, наиболее высокая доля – 59 % – призванных мужчин рабочего возраста отмечалась в Повенецком уезде, наиболее низкая – 39 % – в Кемском уезде [Поуездные итоги..., 1923. С. 2–3, 74–75].

В подавляющем большинстве наши воины-земляки – карелы, вепсы и русские – достойно сражались с врагом на фронтах великой войны, многие из них проявили образцы мужества и героизма и были удостоены боевых наград. Достаточно сказать, что, по неполным данным, 135 воинов из Карелии за ратные подвиги были отмечены почетнейшими солдатскими наградами – георгиевскими крестами. Среди них двое – карел Иван Герасимович Романов из Ребольской волости и русский Сергей Степанович Халаимов из Корбозера – стали полными георгиевскими кавалерами, то есть были удостоены георгиевских крестов всех четырех степеней. Офицерскими орденами св. Георгия были отмечены петрозаводчане – штабс-капитан, командир батальона 4-го Сибирского

полка Николай Николаевич Гурьев, павший смертью храбрых 5 декабря 1914 г., и командир 25-го Сибирского полка подполковник Федор Григорьевич Миронов. Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» был отмечен командир 11-го гренадерского Фанагорийского полка уроженец г. Пудожа полковник Павел Эмильевич Вильчевский [Олонецкая неделя, 1915. 15 февр.; Шлейкин, 2014. С. 64–65, 67].

Фронтовые судьбы солдат и офицеров складывались по-разному. По официальным данным, за период 1914–1917 гг. 2,4 тыс. воинов из Олонецкого края навсегда остались на полях кровавых сражений, более 1,4 тыс. человек испытали участь подневольного пребывания во вражеском плену [Карелия..., 2014. С. 4; Трошина, 2014. С. 271]. Сотни вернулись в родные города и селения инвалидами. Тем же, кому посчастливилось возвратиться с фронта домой живыми и здоровыми, вскоре довелось пережить невиданные социальные потрясения и послевоенную разруху.

В первые же дни войны на волне патриотических настроений в крае, как и во всей России, возникло общественное движение по оказанию помощи фронту и жертвам боевых действий. По инициативе губернатора М. И. Зубовского в Петрозаводске были образованы губернский и уездные комитеты для сбора пожертвований раненым воинам и семьям фронтовиков. Собранные средства направлялись на оказание помощи раненым и на дополнительные, помимо казенных пособий, выплаты нуждающимся семьям фронтовиков. Аналогичные благотворительные организации создавали также органы городского и волостного самоуправления, церковные приходы. Для сбора пожертвований использовались различные формы (кружечные сборы, подписные листы, лотереи, благотворительные спектакли и концерты) [ОГВ, 1914. 5 авг.; Крылов, 1914. С. 53].

Активизировало деятельность Олонецкое губернское управление общества Красного Креста. Деятельное участие в движении помощи фронту и жертвам войны принимали учителя и учащиеся школ и специальных учебных заведений края. Но по мере затягивания войны материальные возможности благотворителей снижались, да и их энтузиазм, вследствие нарастающего хаоса в тылу и неудач на фронтах, ослабевал.

С созданием в конце июля 1914 г. Всероссийских земского и городского союзов, поставивших целью оказание содействия правительству в организации тыла, в Карелии также возникли структуры этих союзов [ОГВ, 1914. 5 авг.; Россия, 2014. С. 501; Крылов, 1914. С. 53].

Губернский и уездные комитеты Земгора провели подготовительную работу к развертыванию госпиталей [История..., 2001. С. 315]. Однако до завершения постройки железной дороги эвакуация раненых в наш край была признана нецелесообразной. Дело ограничилось открытием лазарета на 40 человек при Александро-Свирском монастыре летом 1915 г. и позднее, в июне 1917 г. – госпиталя на 130 коек в Петрозаводске. Комитетами Земгора предпринимались меры по мобилизации мелкой промышленности. При их посредничестве силами крестьян-кустарей было сшито и поставлено интендантству более 30 тыс. пар солдатских сапог [НАРК, ф. 301, оп. 1, д. 1/2, л. 214 об.; д. 1/5, л. 55, 69 об.–70].

Олонецкий комитет Земгора занимался также помощью беженцам. К сентябрю 1915 г. ему удалось собрать за счет пожертвований 1,4 тыс. рублей и 5 тыс. детских и женских вещей. Большую часть собранного отправили в Петроград, в распоряжение Главного комитета союза. Для беженцев в Петрозаводске открыли справочное бюро по розыску родственников и бюро труда [ОГВ, 1915. 22 нояб.; Отклики..., 1916. С. 69–70]. Проблема беженцев не была для Олонии острой, их насчитывалось примерно 300–400 человек (для сравнения: в Архангельской губернии более 6 тыс.). Материальное пособие оказывалось им «точечно», по личным заявлениям [Кораблев, 2014. С. 382].

Хотя Карелия являлась тыловым районом, мировая война привела к повышению геостратегической роли края и дала значительный импульс его экономическому развитию. Край был призван стать важным звеном коммуникационной системы, связывавшей центр России через незамерзающее Мурманское побережье с союзными державами Антанты. Блокада Германией и ее союзниками Балтийского и Черного морей побудила руководство страны поспешить с сооружением железной дороги на Мурман, хотя проекты строительства магистрали, выдвигавшиеся с 70-х годов XIX в., ранее неоднократно откладывались. В декабре 1914 г. Совет министров России принял решение о сооружении Мурманской железной дороги силами и на средства казны, незамедлительно утвержденное Николаем II [Особые журналы..., 2006. С. 571, 644].

Несмотря на трудности военного времени, на стройку удалось привлечь квалифицированные инженерные кадры и обеспечить ее рабочей силой, которая подразделялась на пять категорий: вольнонаемные рабочие из российских губерний, а также автономного Великого

княжества Финляндского, специализировавшиеся на разработке скальных пород, китайцы-контрактники из Манчжурии, солдаты железнодорожных и рабочих батальонов и военнопленные германской и австро-венгерской армий. В среднем в разгар строительства на трассе одновременно было занято около 60–77 тыс. человек [НАРК, ф. 320, оп. 3, д. 52/421, л. 70–70 об.; д. 117/914, л. 60; д. 139/1078, л. 3 об.].

Ценой невероятных усилий десятков тысяч рабочих и благодаря ряду новаторских инженерных решений прокладка рельсового пути была завершена 3 ноября 1916 г., и на всей 1250-верстной линии от ст. Званка (ныне – Волховстрой) до Мурмана стало возможным сквозное движение поездов [История..., 2001. С. 318]. Ввод в эксплуатацию мурманской линии имел для Европейского Севера России и карельского края первостепенное значение. Дорога связала между собой многие ранее разобщенные населенные пункты, обеспечила прямую и надежную связь Карелии и Кольского полуострова с крупнейшими политическими, экономическими и культурными центрами страны [Федоров, 2014. С. 22–24].

Проблема строительства Мурманской железной дороги нашла определенное отражение в исторической литературе [Арьева, 1955; Агамирзоев, 2008; Голубев, 2011; Нахтигаль, 2011; Laskman, 2012 и др.]. Однако до сих пор совершенно не обращалось внимание на то, что уже непосредственно в период Первой мировой войны строящаяся магистраль послужила базой для развертывания в Карелии ряда других крупных транспортных и промышленных проектов общероссийского значения.

Так, в тесной взаимосвязи с железнодорожным строительством велись работы по созданию морских портов – дублеров Архангельска в Сороке и Кеми. Уже в конце 1914 г. Совет министров Российской империи при принятии решения о прокладке железной дороги от Петрозаводска до Сорокской бухты как первого звена Мурманской магистрали отмечал необходимость создания порта в районе Сороки. Обсудив вопрос о постройке железной дороги Петроград–Сорока, Совет министров отпустил на строительство магистрали 20 млн руб. и 500 тыс. руб. на первоначальные работы по устройству порта в Сороке [Архангельск, 1914. 14 дек.]. В дальнейшем вопрос прорабатывался специалистами отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности, а 7 апреля 1916 г. Совет министров принял специальное постановление о проведении работ по приспособлению Сорокского и Кемского портов к усиленному грузообороту в навигацию

1916 г. Для этой цели был выделен кредит в 5 млн руб. [НАРК, ф. 773, оп. 1, д. 1/1, л. 42–42 об.; 49 об.; Особые журналы..., 1916, 2008. С. 656]. Проектный грузооборот Кемского порта определялся в 30 млн пудов, и предполагалось, что грузооборот обоих портов составит третью часть от оборота крупнейшего тогда российского порта – Архангельска [НАРК. Там же. Л. 66].

По документам Управления военно-морского начальника Кемского района, до выхода России из войны и вывода российских войск из Финляндии в соответствии с условиями Брестского мира, в 1918 г. через Кемский порт осуществлялась отправка угля для кораблей действующего Балтийского флота российских военно-морских баз в Свеаборгский порт Гельсингфорса (Хельсинки), в Ганге (Ханко), в Або (Турку), а также в Ревель (Таллин) и Архангельск [НАРК, ф. 808, оп. 1, д. 6].

По ряду причин (неприспособленность импортных землечерпалок к местным условиям, стихийные бедствия, нараставший хозяйственный и общественный кризис) работы не удалось выполнить в запланированном объеме. Тем не менее созданные портовые устройства (складское хозяйство, две причальных эстакады в Сороке, шесть глубоководных причалов в Кеми) впоследствии послужили основой для превращения Кеми и Беломорска в советский период в важные лесозэкспортные порты.

Крупнейшим проектом общероссийского значения, порожденным оборонными потребностями, стало строительство Онежского завода по производству азотной кислоты в с. Кондопога [Юргенс, 1962. С. 60–72]. Ранее в России азотную кислоту, служившую важнейшим компонентом для выработки взрывчатых веществ, получали из чилийской селитры, но в условиях войны доставка данного сырья стала проблематичной. К 1914 г. в ряде стран, в том числе в России, проводились успешные лабораторные опыты по получению азотной кислоты из воздуха с помощью электрической дуги, а в Норвегии уже действовали крупные промышленные предприятия, выпускавшие «воздушный» азот. Российское военное ведомство первоначально пыталось договориться с авторами норвежского проекта физиком Х. Биркеландом и инженером С. Эйде о постройке их фирмой азотного завода в Кондопоге, но переговоры успеха не имели. Тогда было принято решение о возведении предприятия на основе отечественных технологических и технических разработок заведующего химической лабораторией Николаевской инженерной академии А. И. Горбова, профессора столичного

политехнического института, впоследствии академика, физика В. Ф. Миткевича и инженера-технолога А. Е. Маковецкого. Проектная мощность завода определялась в 500–550 тыс. пудов (8–8,8 тыс. т) азотной кислоты в год, что позволило бы в основном удовлетворить потребности пороховой промышленности в данном виде сырья [Поликарпов, 2013. С. 71]. Для обеспечения энергоемкого производства электричеством намечалось соорудить на р. Суна гидроэлектростанцию мощностью до 25 тыс. лошадиных сил, на основе схемы, предложенной профессором, впоследствии академиком Г. О. Графтио. Для реализации масштабного проекта, одобренного императором в начале августа 1915 г., в ноябре того же года Главное артиллерийское управление сформировало «Временную хозяйственно-строительную комиссию для постройки завода» во главе с полковником В. В. Гуном. В июне 1916 г. на стройку в Кондопогу прибыла первая партия в 400 военнопленных германской, австро-венгерской и турецкой армий. В дальнейшем их численность была доведена до 2000 чел. [НАРК, ф. 40, оп. 1, д. 4/20, л. 138]. Проходила также вербовка рабочих из среды местных крестьян и беженцев. Однако в условиях нараставшей разрухи работы разворачивались медленно, и азотный проект не был завершен. К 1917 г. удалось построить жилой поселок; проложить внутрихозяйственные дороги и железнодорожную ветку до д. Сопоха, где планировалось возвести водонапорную плотину; провести нивелировку трассы канала ГЭС; расчистить площадку будущего завода. Была заказана также часть оборудования. Однако в мае 1919 г. при наступлении войск Антанты и белогвардейцев в полосе Мурманской железной дороги личный состав управления азотной стройки и наиболее ценное оборудование были эвакуированы в г. Череповец.

После Гражданской войны вновь встал вопрос о судьбе кондопожского азотного проекта. К тому времени электролитический способ получения азотной кислоты устарел. Разработанный накануне Первой мировой войны группой немецких ученых-химиков во главе с Ф. Габером метод каталитического получения азотной кислоты путем прямого синтеза из азота и водорода оказался намного экономичнее. Благодаря этому методу Германия не испытывала в годы войны дефицита в азотной кислоте. В промышленных масштабах он был успешно апробирован и в России на заводе в Юзовке в Донбассе [Шухардин и др., 1982. С. 169–171]. От постройки азотного завода в Кондопоге было решено отказаться.

Принятое Совнаркомом РСФСР в 1921 г. постановление по развитию народного хозяйства Карелии предусматривало в качестве приоритетной задачи создание в Кондопоге крупного промышленного узла в составе ГЭС, целлюлозной и бумажной фабрик [История..., 2001. С. 458]. При этом необходимо подчеркнуть преемственность между дореволюционным проектом и новым, который развертывался на основе ранее созданной инфраструктуры и уже имевшихся наработок. Карельский совнархоз прямо предписывал руководству стройки: «организовать бумажное производство и использовать строения и работы бывшего завода азотной кислоты в селе Кондопога, так как имеется свыше 100 построек как жилых, так и хозяйственного назначения, нуждающихся в ремонте. Все постройки представляют прекрасную базу для продолжения работ по использованию водной силы и установке промышленного производства из древесины» [НАРК, ф. Р-115, оп. 1, д. 3/34, л. 22–23]. Возведение ГЭС осуществлялось по проекту, опиравшемуся на проектную схему времен Азотстроя. Одним из руководителей сооружения Кондопожской ГЭС в должности заместителя главного инженера был С. В. Григорьев, служивший на Азотстрое специалистом по гидротехнике [НАРК, ф. 40, д. 4/20, л. 67 об.; оп. 2, д. 1/3, л. 12 об.; Григорьев, 1973. С. 90, 158–159].

Значимость края в оборонном отношении в годы Первой мировой войны определялась и наличием на его территории относительно крупного предприятия военно-промышленного комплекса России – Александровского снарядолитейного завода. Выпуск снарядов здесь за период с 1913 по 1916 г. увеличился почти в 2,5 раза. Завод специализировался на производстве стальных шрапнелей для тяжелой полевой артиллерии. По отдельным видам снарядов доля завода достигала пятой части их общероссийского выпуска [НАРК, ф. 37, оп. 1, д. 13/2535, л. 21; д. 145/2557, л. 19; оп. 29, д. 6/66, л. 159 об.; оп. 41, д. 52/707, л. 62; Барсуков, 1928. С. 12–13; Петрозаводск..., 2003. С. 19]. С 1915 г. предприятие работало на пределе технических возможностей, и его руководство выдвинуло идею модернизации и расширения завода с учетом ввода в действие железной дороги. При участии крупнейшего отечественного специалиста в области металлургии, профессора, впоследствии академика М. А. Павлова была разработана «большая программа переоборудования Александровского завода». Она предусматривала возможность без остановки предприятия путем монтажа дополнительного энергетического,

сталелитейного и станочного оборудования в срок от 9 до 12 месяцев увеличить выпуск снарядов втрое [Карелия..., 2014. С. 9]. В результате этого завод превратился бы в крупнейшего в России производителя шрапнельных боеприпасов. Рассмотрение «большой программы» в Петрограде затянулось до начала февральских революционных событий 1917 г., и она так и не была в полной мере профинансирована и реализована.

За счет кредита в 450 тыс. руб. (вместо 3,5 млн), выделенного заводу Главным артиллерийским управлением из особого военного фонда, были осуществлены лишь отдельные частные мероприятия, предусмотренные «большой программой» [НАРК, ф. 37, оп. 1, д. 145/2575, л. 87, 94, 124, 129; оп. 68, д. 1/6, л. 21–23]. Тем не менее потенциал, в немалой степени созданный в предвоенные и военные годы, позволил Онежскому (бывшему Александровскому) заводу выполнить роль лидера промышленности Карелии в период довоенных пятилеток и гибко менять свой производственный профиль в связи с запросами времени.

В условиях незавершенной модернизации экономики страны правительству не удалось найти оптимальный баланс между фронтом и тылом. Следствием этого стал постепенно нараставший кризис мирных отраслей хозяйства, транспорта и продовольственного снабжения. Нарастание кризисных явлений было характерно и для ряда важных секторов экономики карельского края. Из-за блокады морских путей на Балтике, падения спроса на лесоматериалы на внутреннем рынке и нехватки рабочих рук глубокий спад переживала ведущая отрасль промышленности Карелии – лесопиление. Ряд лесозаводов (Громова и Беляева в Соломенном, Шальский, Кемский) были закрыты, большинство остальных предприятий отрасли работали с недогрузкой. Негативные изменения происходили в сельском хозяйстве. Посевные площади в Карелии к 1917 г. сократились по сравнению с предвоенным уровнем на 21,5 % [Социалистическая индустриализация..., 1935. С. 22]. поголовье крупного рогатого скота за 1914–1917 годы уменьшилось на 10 %. Увеличивалось число безлошадных и бескоровных хозяйств. Численность лиц, занятых промыслами, за время войны уменьшилось почти вдвое [Олонецкая губерния..., 1913. С. 196; Поуездные итоги..., 1923. С. 2–3, 74–75; Статистический ежегодник..., 1929. С. 152–153].

Война и вызванные ею хозяйственные трудности привели к резкому ухудшению положения широких слоев населения. С начала войны

стала ощущаться нехватка продовольствия, так как из-за недостатка транспорта сократился привоз в Карелию хлеба и других съестных припасов. Используя продовольственные трудности в целях наживы, торговцы припрятавали продукты и взвинчивали цены. Попытки властей сдержать рост цен путем административного установления их предельного уровня не дали результатов. Стоимость основных продуктов (хлеб, мясо, масло, рыба, соль) в Карелии к 1916 г. выросла в 2–3 раза по сравнению с летом 1914 г. Олонецкий губернатор М. И. Зубовский весной 1915 г. отмечал «удрученное настроение» крестьянского населения «по случаю крайнего недостатка хлеба и отсутствия корма для скота». «Крестьяне, – признавал он, – раздражены чрезвычайной дороговизной хлеба, не устранимой мерами губернской администрации, так как ржаную муку приходится закупать по невероятно высокой цене, установившейся на хлебных биржах в Рыбинске и Ярославле» [НАРК, ф. 1, оп. 9, д. 12/430, л. 4].

В годы войны ухудшились условия труда рабочих на предприятиях. На Александровском заводе в 1915 г. был введен 12-часовой рабочий день, а затем отменены выходные дни. Такой же распорядок вводился на некоторых лесозаводах, обслуживавших строительство Мурманской железной дороги. Расширилось применение женского и детского труда. Если в 1913 г. на предприятиях края женщины и подростки составляли 21 % работающих, то в 1916 г. – 36 % [Никулина, 1984. С. 73]. В номинальном исчислении зарплата в промышленности повышалась, но ее реальный уровень вследствие инфляции и дороговизны в 1916 г. уменьшился по сравнению с 1913 г. на треть. В особенно тяжелом положении находились строители железной дороги из-за систематических задержек зарплаты, нерегулярных поставок продовольствия, одежды и обуви, недостаточного медицинского обслуживания (с трассы было эвакуировано свыше 10 тыс. тяжелобольных) [Карелия..., 2014. С. 11].

Экономический кризис постепенно перерастал в социальный. У жителей края усиливалась социально-психологическая усталость от войны и зрело недовольство существующими порядками. После затишья в начальный период войны возобновилось стачечное движение. Наиболее значительные выступления происходили на стройке Мурманской железной дороги, где в 1915 – январе 1917 г. состоялось более двадцати экономических забастовок. В 1916 г. усилилось брожение на Александровском заводе, где участились случаи подачи коллективных петиций с требованиями о повышении

зарплаты [НАРК, ф. 1, оп. 52, д. 9/166, л. 6; ф. 19, оп. 2, д. 65/16, л. 29–29 об.; ф. 320, оп. 3, д. 4/24, л. 27, 29, 30; Олонецкое эхо, 1916. 24 апр.; Балагуров, 1968. С. 177, 179–180, 182; Петрозаводск..., 2003. С. 91–92].

Однако особенно показательным проявлением роста социальной напряженности стали не характерные ранее для края стихийные уличные волнения, происходившие в 1916 г. на почве нехватки продовольствия и дороговизны в Петрозаводске, Пудоже, Вознесенье и Шокше; главными участниками волнений явились женщины-солдатки [НАРК, ф. 1, оп. 2, д. 51/84, л. 1 об., 4, 16; ф. 30, оп. 11, д. 9/87, л. 3–4, 17; Олонецкое эхо. 1916. 22 июня].

Итогом социального кризиса, вызванного Первой мировой войной, стало участие населения Карелии в общероссийских революционных событиях 1917 года. Важной особенностью общественных процессов в Карелии являлось то, что они развертывались на беспартийной основе [Белова, 2011. С. 92–104]. Прекратившие свою деятельность в период реакции местные ячейки общероссийских политических партий – кадетов, эсеров, социал-демократов и др. – вновь возродились в крае только весной-осенью революционного 1917 года [Дубровская, 2007. С. 270–294].

Анализ развития ситуации в Карелии показывает, что в условиях слабо развитого аграрного сектора, сохранявшего потребительское значение, и с притоком населения в связи с постройкой железной дороги особую остроту в Карелии на общероссийском фоне приобрел продовольственный кризис. Но, несмотря на постепенное снижение уровня жизни в годы войны и рост социальной напряженности, обострение общественно-политической ситуации здесь происходило медленнее, чем в центре страны, отличаясь меньшей политизацией. Вплоть до 1917 г. в крае отсутствовали организации политических партий, профсоюзные и национальные объединения. Волнения на почве продовольственных трудностей и общей усталости от тягот войны, происходившие в ряде населенных пунктов накануне февральских событий 1917 г., носили исключительно стихийный характер. На завершающем этапе мировой войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов иностранной интервенции и гражданской войны.

Итак, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Воины из Карелии внесли свой достойный вклад в дело вооруженной борьбы с германскими милитаристами и их союзниками на фронтах Первой мировой войны. В годы войны был сделан первый шаг на пути преобразования экономики края из традиционной аграрно-промышленной в индустриальную. Однако имевшая место недооценка стратегической роли Севера дорого обошлась Российской империи и в прямом и переносном смысле. Планы мобилизации экономического потенциала карельского тыла разрабатывались с запозданием, уже в ходе войны, и в силу этого не были полностью воплощены в жизнь.

Определенную роль в разразившемся, прежде всего в тылу, общем кризисе сыграла недооценка правящими кругами Российской империи в довоенный период стратегического значения и экономического потенциала Европейского Севера России, включая Карелию. Осознание этой ошибки и спешные меры по ее исправлению, предпринятые уже в ходе войны, во многом оказались запоздалыми. В известной мере этот урок истории был в дальнейшем учтен советским руководством, уделявшим в своей экономической и геостратегической политике значительно больше внимания северному вектору. Вместе с тем, широкое применение принудительного труда военнопленных в годы Первой мировой войны при реализации форсированных программ хозяйственного развития Европейского Севера нашло в дальнейшем своеобразное продолжение в практике социалистической индустриализации в конце 1920-х – 1930-х годах. Проблема обеспечения новых строителей рабочими руками в этот период также решалась за счет использования принудительного труда с применением сходных методов, опробованных в годы войны.

Первая мировая война привела к огромному количеству человеческих жертв и перевернула существовавшее мироустройство. Россия вышла из войны, подписав 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске сепаратный мирный договор с Центральными державами. Полгода спустя, 11 ноября 1918 г., между Антантой и Германией было заключено соглашение о прекращении военных действий (Компъенское перемирие). Итоги войны подвел Версальский договор, подписанный 28 июня 1919 г. державами-победительницами и Германией. При этом война не привела к кардинальному разрешению накопившихся геостратегических проблем. Ее окончание принесло, по существу, не прочный мир, а лишь краткое перемирие в два десятилетия, завершившееся Второй мировой войной.

Источники и литература

Агамирзоев К. Путь на север. Исторический очерк. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 156 с.

Агеев А. И. Пролог. Расплата за место под солнцем // Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 880 с.

Арьева Е. К. История сооружения Мурманской (Кировской) железной дороги: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск: КФГУ, 1955. 14 с.

Балагуров Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. 1861–1917. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1968. 215 с.

Барсуков Е. З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. Приложения. М., 1928. С. 12–13.

Белова И. В. Социалисты в российской провинции в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие. М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 92–104.

Беспалов С. В. Социально-экономическое развитие имперской России в годы Первой мировой войны (по материалам научных конференций: реферативный обзор) // Первая мировая война: Современная историография. Сб. обзоров и реф. М., 2014. С. 152–168.

Виноградов В. Н. Первая мировая война: взгляд историка // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 3–15.

Голубев А. А. История строительства Мурманской железной дороги (1894–1917). СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.

Григорьев С. В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1973. 291 с.

Дубровская Е. Ю. Население Карелии в революционном 1917-м: общественно-политические перемены и историческая память // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН, МаГУ. 2007. С. 270–294.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства) 1915–1918. Т. 1–3. М.: РОССПЭН, 2013. 1304 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Карелия в годы Первой мировой войны: сб. докум. и материалов. Петрозаводск: Verso, 2014. 494 с.

Крылов В. И. Отклики в Олонецкой губернии великой европейской войны // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1914. № 5/8. Прил. С. 1–55.

Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.

Кораблев Н. А. Общественное движение помощи фронту и жертвам боевых действий в Карелии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 377–385.

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НАРК).

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-история, 2011. 320 с.

Никулина Т. В. Пролетариат Европейского Севера России в годы империалистической войны // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 1984. С. 71–79.

Олонецкая губерния: Стат. справочник. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. VII. 347 с.

Олонецкие губернские ведомости (в тексте – ОГВ).

Особые Журналы Совета Министров Российской империи, 1914 год. М.: РОССПЭН, 2006. 700 с.

Особые Журналы Совета Министров Российской империи, 1915 год. М.: РОССПЭН, 2008. 716 с.

Особые Журналы Совета Министров Российской империи, 1916 год. М.: РОССПЭН, 2008. 760 с.

Отклики войны. Отчет Петрозаводского Губернского комитета Всероссийского Союза городов с 3 мая по 1 ноября 1915 г. // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1916. Т. 7. № 1–2. Петрозаводск, 1916. С. 69–70.

Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Т. 3. Петрозаводск: Карелия, 2003. 574 с.

Поликарпов В. В. Воздух как стратегическое сырье России начала XX в. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 64–76.

Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. Т. 5, вып. 2. М., 1923.

Россия в Первой мировой войне 1914–1918: Энциклопедия: в 3-х т. Т. 1. М.: Полит. энциклопедия, 2014. 823 с.

Социалистическая индустриализация Карельской АССР. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. 319 с.

Статистический ежегодник Карелии. Вып. 3. Петрозаводск, 1929.

Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 347 с.

Федоров П. В. Стратегическая периферия: Кольский Север в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 21–28.

Шлейкин Ю. В. Герои забытой войны. Штрихи к портретам жителей Олонецкой губернии – участников Первой мировой войны // Север. 2014. № 9/10. С. 60–67.

Шухардин С. В., Ламан Н. К., Федоров А. С. Техника в ее историческом развитии (70-е годы XIX – начало XX в.) М.: Наука, 1982. 510 с.

Юргенс Б. А. Первая гидростройка на Суне (Из истории электрификации в Карелии) // Вопросы истории. Ученые записки ПетрГУ. Петрозаводск, 1962. Т. 11, вып. 1. С. 60–74.

Lackman M. Sotavankien rak. Muurmannin ratatyömaalta 1915–1918. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012. 357 s.

Поступила в редакцию 11.06.2015

References

Agamirzoev K. Put' na sever. Istoricheskii ocherk [Road to the North. Historical essay]. Petrozavodsk: Skandinaviana, 2008. 156 p.

Ageev A. I. Prolog. Rasplata za mesto pod solntsem [Preface. Payback for a place in the sun]. *Evropa i Rossiya v ogne Pervoi mirovoi voiny*. K 100-letiyu nachala voiny [Europe and Russia in the fire of the First World War. On the 100th anniversary of the beginning of the war]. Moscow: INES, RUBIN, 2014. 880 p.

Ar'eva E. K. Istoriya sooruzheniya Murmanskoi (Kirovskoi) zheleznoi dorogi [History of the Murmansk (Kirovsk) railroad construction]. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [PhD Diss. (Hist.)]. Petrozavodsk: KFGU, 1955. 14 p.

Balagurov Ya. A. Fabrichno-zavodskie rabochie do-revolutsionnoi Karelii. 1861–1917 [Factory workers of pre-revolutionary Karelia (1861–1917)]. Petrozavodsk: Karel'skoe kn. izd-vo, 1968. 215 p.

Barsukov E. Z. Rabota promyshlennosti na boevoe snabzhenie russkoi armii v mirovuyu voynu. Prilozheniya [The work of the industry for supplying the Russian Army during the world war. Appendices]. Moscow, 1928. P. 12–13.

Belova I. V. Sotsialisty v rossiiskoi provintsii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.) [Socialists in Russian provinces during World War I (1914 – February

1917)]. *Pervaya mirovaya voina. Vzglyad spustya stolyetie* [World War I. Looking back over a century]. Moscow: MNEPU, 2011. P. 92–104.

Bespalov S. V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie imperskoi Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam nauchnykh konferentsii: referativnyi obzor) [Socio-economic development of Imperial Russia during World War I (based on the proceedings of scientific conferences: overview)]. *Pervaya mirovaya voina: Sovremennaya istoriografiya*. Sb. obzоров i ref. [World War I. Modern historiography. Collect. overviews and refs.]. Moscow, 2014. P. 152–168.

Dubrovskaya E. Yu. Naselenie Karelii v revolyutsionnom 1917-m: obshchestvenno-politicheskie peremeny i istoricheskaya pamyat' [Karelian population in the revolutionary year of 1917. Sociopolitical changes and historical memory]. *Problemy rossiiskoi istorii* [Problems of Russian history]. Moscow; Magnitogorsk: IRI RAN, MaGU. 2007. Iss. VIII. P. 270–294.

Fedorov P. V. Strategicheskaya periferiya: Kol'skii Sever v gody Pervoi mirovoi voiny [Strategic periphery: the Kola North during World War I]. *Pervaya mirovaya voina i Evropeiskii Sever Rossii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [World War I and the European North of Russia: proc. intern. sci. conf.]. Arkhangel'sk: ID SAFU, 2014. P. 21–28.

Golubev A. A. Istoriya stroitel'stva Murmanskoi zheleznoi dorogi (1894–1917) [History of the Murmansk railroad construction (1894–1917)]. St. Petersburg: Peterburgskii gos. un-t putei soobshcheniya, 2011. 205 p.

Grigor'ev S. V. Biograficheskii slovar'. Estestvoznaniye i tekhnika v Karelii [Biographical dictionary. Science and technology in Karelia]. Petrozavodsk: Kareliya, 1973. 291 p.

Istoriya Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk: Periodika, 2001. 943 p.

Kareliya v gody Pervoi mirovoi voyny: sb. dokum. i materialov [Karelia during World War I. Collect. docs. and mtl.]. Petrozavodsk: Verso, 2014. 494 p.

Krylov V. I. Otkliki v Olonetskoj gubernii velikoi evropeiskoi voyny [Echoes of Great European War in the Olonets province]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Olonetskoj gubernii* [Proceedings of the Society of Olonets province study]. 1914. No 5/8. P. 1–55.

Kozenko B. D. Otechestvennaya istoriografiya Pervoi mirovoi voyny [National historiography of World War I]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and current history]. 2001. No 3. P. 3–27.

Korablev N. A. Obshchestvennoe dvizhenie pomoshchi frontu i zhertvam boevykh deistvii v Karelii v gody Pervoi mirovoi voyny [Civil movement in support of the front lines and victims of the military operations in Karelia during World War I]. *Pervaya mirovaya voyna i Evropeiskii Sever Rossii: materialy mezhdunar. nauch. konf. [World War I and the European North of Russia: proc. intern. sci. conf.]*. Arkhangel'sk: ID SAFU, 2014. P. 377–385.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya [National Archive of the Republic of Karelia] (in text – NARK).

Nakhtigal' R. Murmanskaya zheleznyaya doroga (1915–1919 gody): voennaya neobkhodimost' i ekonomicheskie soobrazheniya [The Murmansk Railway, 1915–1919. Military necessity and economic considerations]. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2011. 320 p.

Nikulina T. V. Proletariat Evropeiskogo Severa Rossii v gody imperialisticheskoi voyny [Proletariat in the Russia's European North during the imperialistic war]. *Voprosy istorii Evropeiskogo Severa* [Issues of the history of the European North]. Petrozavodsk: PetrGU, 1984. P. 71–79.

Olonetskaya guberniya: Stat. spravochnik [The Olonets province. Stat. digest]. Petrozavodsk: Severnaya skoropechatnaya R. G. Kats, 1913. VII, 347 sp

Olonetskie gubernskie vedomosti [Olonets provincial bulletin] (in text – OGV).

Osobyje zhurnaly Soveta Ministrov Rossiiskoi imperii, 1914 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1914]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 700 p.

Osobyje zhurnaly Soveta Ministrov Rossiiskoi imperii, 1915 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1915]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 716 p.

Osobyje zhurnaly Soveta Ministrov Rossiiskoi imperii, 1916 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1916]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 760 p.

Otkliki voyny. Otchet Petrozavodskogo Gubernskogo komiteta Vserossiiskogo Soyuza gorodov s 3 maya po 1 noyabrya 1915 g. [Echoes of the war. Report of

Petrozavodsk provincial committee of the All-Russian city unit. May 3 – Oct. 1, 1915]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Olonetskoj gubernii* [Proceedings of society for the Olonets province study]. 1916. Vol. 7. No 1–2. Petrozavodsk, 1916. P. 69–70.

Petrozavodsk. 300 let istorii. Dokumenty i materialy [Petrozavodsk. 300 years of history. Documents and materials]. Petrozavodsk: Kareliya, 2003. Vol. 3. 574 p.

Polikarpov V. V. Vozdukh kak strategicheskoe syr'e Rossii nachala XX v. [Air as a strategic resource of Russia in the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2013. No 9. P. 64–76.

Pouezdnye itogi Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi i pozemel'noi perepisi 1917 g. po 57 guberniyam i oblastyam [District results of the All-Russian agrarian and land census of 1917 (by 57 provinces and districts)]. *Trudy TsSU* [Proc. Cntrl. Stat. Admin.]. Moscow, 1923. Vol. 5, iss. 2.

Rossiya v Pervoi mirovoi voine 1914–1918: Entsiklopediya [Russia in World War I, 1914–1918. Encyclopedia]. Moscow, Polit. entsiklopediya, 2014. Vol. 1. 823 p.

Shleikin Yu. V. Geroi zabytoi voyny. Shtrikhi k portretam zhitel'ei Olonetskoj gubernii – uchastnikov Pervoi mirovoi voyny [Heroes of the forgotten war. Touches to the portraits of the residents of the Olonets province participating in World War I]. *Sever* [North]. 2014. No 9/10. P. 60–67.

Shukhardin S. V., Laman N. K., Fedorov A. S. Tekhnika v ee istoricheskom razvitii (70-e gody XIX – nachalo XX v.) [Technics in its historical development (the 70's of the 19th – beginning of the 20th century)]. Moscow: Nauka, 1982. 510 p.

Sotsialisticheskaya industrializatsiya Karel'skoi ASSR [Socialist industrialization of the Karelian ASSR]. Moscow; Leningrad: OGIZ, 1935. 319 p.

Statisticheskii ezhegodnik Karelii [Statistical yearbook of Karelia]. Petrozavodsk, 1929. Iss. 3.

Troshina T. I. Velikaya voyna i Severnyi kraj: Evropeiskii Sever Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Great War and Northern Region. European North of Russia during the First World War]. Arkhangel'sk: ID SAFU, 2014. 347 p.

Vinogradov V. N. Pervaya mirovaya voyna: vzglyad istorika [The First World War: a view of the historian]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and current history]. 2014. No 5. P. 3–15.

Yurgens B. A. Pervaya gidrostroika na Sune (Iz istorii elektrifikatsii v Karelii) [The first hydropower station on the Shuya River (from the history of electrification of Karelia)]. *Voprosy istorii. Uchenye zapiski PetrGU* [Issues of History. Proc. PetrSU]. Petrozavodsk, 1962. Vol. 11, iss. 1. P. 60–74.

Zhurnaly Osobogo soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob'edineniya meropriyatiy po oborone gosudarstva (Osoboe soveshchanie po oborone gosudarstva) 1915–1918 [Journals of the Special meeting for elaboration and implementation of the national defense measures (Special meeting on national defense), 1915–1918]. Moscow: ROSSPEN, 2013. Vol. 1–3. 1304 p.

Lackman M. Sotavankien pako. Muurmannin rata-työmaalta 1915–1918. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012. 357 s.

Received June 11, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кораблев Николай Александрович
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910

Дубровская Елена Юрьевна
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: dubrovskaya@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 781886

CONTRIBUTORS:

Korablyov, Nikolay
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia

Dubrovskaya, Elena
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: dubrovskaya@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 781886

УДК 398

«ФОЛЬКЛОР»: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОЙ НАУКЕ

Н. В. Дранникова

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова*

Актуальность исследования заключается в том, что в статье впервые рассматривается вся история существования термина «фольклор» в русской науке на протяжении XIX–XX веков. Неустойчивость и известная неопределенность этого термина, как он понимался в 1880–1890-е годы, стали причиной того, что русские ученые пользовались им редко. В XIX веке в область фольклора включалось все народное знание. Рассмотрев различные точки зрения, мы приходим к выводу о том, что в XX веке в России термин имел более узкое значение, чем в зарубежной науке, и означал устное народное поэтическое творчество. Окончательно узаконил такое понимание слова «фольклор» Ю. М. Соколов. Широкое распространение термина стало возможным благодаря речи А. М. Горького на I Всесоюзном съезде советских писателей. На рубеже XIX–XX веков существует не менее четырех концепций в отношении понимания фольклора (социологическая, эстетическая, филологическая, теоретико-коммуникативная). В советский период фольклористики основными чертами фольклора считаются устность и коллективность, в более поздний период науки – традиционность. В современной фольклористике произошло изменение объектов и методов исследования, которое привело к изменению научной парадигмы и расширению предметного поля слова «фольклор» – оно стало соотноситься не только с самим предметом, но и с представлениями о нем. В число объектов фольклористики включились продукты современной урбанистической «спонтанной» культуры, ранее не замеченные наукой. Современная фольклористика занимается изучением речевых практик, практик коммуникации. Более предпочтительным является изучение фольклора с позиций прагматики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фольклор; термин; история; значение; русская наука; устное народное творчество; современные подходы.

N. V. Drannikova. "FOLKLORE": THE HISTORY OF THE TERM'S USE AND ITS IMPORTANCE IN THE RUSSIAN SCIENCE

The study is relevant given that it contains a complete historical overview of the term «folklore» in the Russian science throughout the 19th–20th centuries. Due to certain variability and ambiguity of the term in the 1880–1890's, Russian scientists seldom used it. In the 19th century the field of folklore included everything related to the folk knowledge. Having analyzed different viewpoints, we have come to the conclusion that the term had a more narrow meaning in the Russian folklore studies of the 20th century than in the foreign ones and meant oral folk arts. Yu. M. Sokolov was the one who ultimately adopted such an understanding of the word "folklore". The term became widespread due to the A. M. Gorkiy's speech at the First All-Union Congress of Soviet Writers. At the turn

of the 19th–20th centuries there existed 4 concepts regarding the understanding of folklore (sociological, aesthetic, philological, theoretical-communicative). In the Soviet period of the folklore studies the basic features of folklore are its oral and collective character, but in the later period of the studies – its traditional character. The change of the objects and methods of research has taken place in the modern folklore studies, which has led to the changes of the scientific paradigm and to the broadening of the meaning of the word “folklore”, which now correlates not only with the subject itself, but also with its concept. The objects of the folklore studies now also include the products of modern urban “spontaneous” culture which have not been scientifically analyzed before. The modern folklore studies are focused on speech practices and communication practices. The study of folklore from the perspective of pragmatics is more preferable nowadays.

Key words: folklore; term; history; meaning; Russian science; oral folk arts; modern approaches.

Понятие «фольклор» было впервые употреблено в 1846 году [Ambrose, 1846. С. 862/III – 863/I]. Однако неустойчивость и известная неопределенность этого термина, как он понимался в 1880–1890-е годы, стали причиной того, что русские ученые пользовались им редко. Свидетельством поисков значения термина является редакционная статья В. И. Ламанского, открывшая первый выпуск журнала «Живая старина». Автор пишет о «неуловимой цели и задаче фольклористов» [Ламанский, 1890. С. 43]. В статье отмечается неупорядоченность употребления термина «фольклор»: он обозначает то предмет исследования, то историко-культурную науку, то метод изучения этнографического материала, то народную психологию, то метод ее изучения [Ламанский, 1890. С. 43].

В русской дореволюционной науке термин «фольклор» не был особенно популярен, тем не менее в отношении содержания данного понятия сформировались принципиальные позиции. Раньше и полнее всех на эту тему высказался В. Лесевич. Он описал поле фольклора как «общую совокупность народного знания – все то, что знает народ по преданию... Эта обширная и сложная масса разнообразных высказываний народа о всей своей внутренней и внешней жизни во всех ее разветвлениях» [Лесевич, 1899. С. 343].

В XX веке, в частности в работах М. К. Азадовского, наметилась тенденция к тому, чтобы закрепить термин «фольклор» за устной словесностью. Однако саму эту словесность ученый никак не ограничивал рамками «художественности». Он включал в нее, наряду с песнями и сказками, суеверия, народный календарь, приметы и т. д., а главное, не упускал из виду единой программы «подлинно краеведческого познания страны», установления «лика современной деревни» и рассматривал с этой точки

зрения устные тексты как «этнографические единицы» [Азадовский, 1928. С. 70–72].

В 1926 г. начал выходить ежегодник с характерным названием «Художественный фольклор». В программной статье ежегодника один из ведущих советских фольклористов Ю. М. Соколов предложил использовать термин «фольклор» вместо традиционных для русской науки терминов «народная словесность», «народная поэзия», «устная словесность» [Соколов, 1926а. С. 5]. Одновременно он подчеркнул необходимость изучения фольклора «силами... словесников, этнографов, искусствоведов, музыкантов, артистов художественного рассказа и вокального искусства» [Соколов, 1926б. С. 153]. Однако несколькими годами позже, в 1931-м, в докладе «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период», Ю. М. Соколов расстается с прежними идеями под влиянием советской идеологии: «Фольклор – одна из важнейших областей поэтического творчества, а фольклористика – одна из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения. К изучению фольклора должны быть применены все те основные методологические установки, которые применяются к литературоведению и искусствоведению вообще... Актуальные задачи современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора – те же, что и актуальные задачи пролетарской литературы» [Дискуссия..., 1931. С. 92].

Термин «фольклор» получил широкое распространение благодаря речи А. М. Горького на I Всесоюзном съезде советских писателей. Фольклор для Горького – «устное творчество трудового народа», в котором большая роль отводится индивидуальному началу – создателю, творцу [Горький, 1935. С. 12].

Обращаясь к проблеме определения понятия «фольклор», другой выдающийся фольклорист, В. Я. Пропп, писал: «Подходя к делу исторически, мы должны будем сказать, что для

доклассовых народов фольклором мы назовем творчество всей совокупности этих народов. Все поэтическое творчество первобытных народов целиком является фольклором и служит предметом фольклористики. Для народов, достигших ступени классового развития, фольклором мы будем называть творчество всех слоев населения, кроме господствующего, творчество которого относится к литературе. Прежде всего, сюда относится творчество угнетенных классов, как крестьян и рабочих, но также и промежуточных слоев, тяготеющих к социальным низам. Так, можно еще говорить о мещанском фольклоре, но говорить, например, о фольклоре дворянском уже невозможно» [Пропп, 1998. С. 157]. Такое определение фактически базируется на историко-эволюционном и классовом подходах, закономерных для отечественной науки советского периода. В. Я. Пропп противопоставляет собственную точку зрения на понятие «фольклор» мнениям западных ученых, отмечая, что фольклор – явление интернациональное и фольклористика охватывает творчество всех народов. В связи с этим ученый делает вывод: «под фольклором понимается творчество социальных низов всех народов, на какой бы ступени развития они ни находились. Для доклассовых народов под фольклором понимается творчество совокупности этих народов» [Пропп, 1998. С. 158].

Характеризуя ситуацию с пониманием «фольклора», сложившуюся на рубеже XX–XXI веков, К. В. Чистов отмечал, что в современной ему науке складывается представление о фольклоре в значениях узком и широком. Среди многообразных подходов к определению данного понятия ученый выделил четыре основных концепции [Чистов, 2005. С. 12]:

а) социологическую (и историко-культурную), в рамках которой под фольклором понимаются «устно передаваемые простонародные опыт и знания. При этом имеются в виду все формы духовной культуры», а при максимально расширительном толковании – и некоторые формы материальной культуры. Вводятся только социологическое ограничение («простонародные») и историко-культурный критерий – архаические формы, господствующие или функционирующие в качестве пережитков»;

б) эстетическую, для которой «фольклор – это простонародное художественное творчество или, по более современному определению, «художественная коммуникация» («artistic communication»). Эта концепция позволяет распространять употребление термина «фольклор» на сферу музыкального,

хореографического, изобразительного и т. д. простонародного творчества»;

в) филологическую, в соответствии с которой фольклор понимается как «простонародная вербальная традиция»;

г) теоретико-коммуникативную, которая рассматривает фольклор как знаково-символическую систему, возникающую в границах дописьменной культуры: «фольклор – это устная традиция. При этом устности придается первостепенное значение. Это позволяет выделять фольклор из других вербальных форм (прежде всего противопоставлять его литературе)».

В данной работе К. В. Чистов дает следующее определение сегменту традиционной культуры, который принято называть фольклором: «...это совокупность структур, интегрированных словом, речью, вне зависимости от того, с какими несловесными элементами они связаны» [Чистов, 2005. С. 15]. Ученый ставит вопрос о возможности дать «сквозное» определение фольклора, корректное для разных народов на разных этапах их развития, и дает следующий ответ: «Если ориентироваться на узкое определение фольклора, связанное с филологической и теоретико-информативной концепцией, но при этом учитывать и более широкий этнографический контекст, то можно было бы сказать, что фольклор – совокупность вербальных или вербально-невербальных структур, функционирующих в быту. При этом имеются в виду структуры, функционирующие изустно в контактных группах (в семье, общине, населенном пункте, районе, регионе, этносе и в рамках ареала того или иного языка или двуязычия). В этом определении нет характеристики содержания, стилистических особенностей, жанрового, сюжетного репертуара и т. п. Нет, потому что при всей традиционности фольклора он, если рассматривать его многовековую историю, был явлением динамичным. По крайней мере, на разных этапах истории духовной культуры он приобретал определенные (далеко не всегда нам известные) особенности» [Чистов, 2005. С. 19–20].

В работе «Фольклор и культура этноса» К. В. Чистов предложил такое определение: «...фольклором мы будем называть совокупность словесных текстов, вошедших в устную бытовую традицию того или иного этноса или – уже – какой-либо локальной, профессиональной и т. п. общности. Одним словом, в соответствии с традицией, сложившейся в советской фольклористике, в термин «фольклор» мы будем вкладывать только такое содержание, оставляя в стороне обряды (или, вернее, невербальные компоненты обряда), народные

знания, верования, изобразительное искусство и т. п., несмотря на то что в некоторых странах они тоже включаются в состав фольклора» [Чистов, 1986. С. 30].

Рассматривая проблему определения объема границ категории «фольклор» в науке, Б. Н. Путилов в своей книге «Фольклор и народная культура» выделил пять основных позиций в отношении к предметному полю фольклора [Путилов, 1994. С. 23–24].

1. Фольклор включает в себя всю совокупность, все многообразие форм традиционной культуры.

2. К фольклору относится весь комплекс традиционной духовной культуры, реализуемой в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях.

3. Фольклор охватывает только комплекс явлений духовной культуры, относящихся к искусству.

4. Фольклор – это в первую очередь сфера словесного искусства.

5. К сфере фольклора относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всем их многообразии.

Ученому близко более широкое понимание фольклора: «Фольклорист не должен бояться, что, расширяя поле фольклора, он неизбежно вторгнется в сферы, принадлежащие собственно лингвистике, диалектологии, этнонимике и т. п. пересечение пустот», вовсе оставленных наукой. На пересечении материалов представители разных дисциплин вступают не в конфликт, но в контакт. В идеале же стоит стремиться к многопрофильной специализации, к объединению в одном лице профессиональных знатоков в разных областях» [Путилов, 1994. С. 23–24]. Благодаря книге Б. Н. Путилова спор о филологическом / этнографическом определении фольклора утратил свою остроту.

В 2000 году вышел в свет новый научный альманах «Традиционная культура». Его создатели поместили на обложке издания широкое определение фольклора, выработанное на совещании правительственных экспертов по сохранению фольклора при ЮНЕСКО: «Фольклор (в более широком смысле традиционная народная культура) – это коллективное и основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, определяемое надеждами и чаяниями общества, являющееся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации и другими способами. Его формы включают язык, устную литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие

виды художественного творчества» [Newsletter, 1987. С. 8].

В широком социогуманитарном контексте предмет фольклора был рассмотрен в монографии К. А. Богданова [2001]. Он постарался привнести в методологию фольклора новые подходы, существующие в других гуманитарных науках.

С. Б. Адоньева под фольклором понимает «особую форму устной речи» [Адоньева, 2004. С. 5]. В качестве показателя, который разграничивал бы устную спонтанную и фольклорную речь принципиально, она принимает признак, сформулированный П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном [1971]. Это показатель «установка на традицию», который характеризует специфику фольклорной речи функционально. «На формальном уровне данный признак проявляется в повышенной, по сравнению со спонтанной устной речью, стереотипностью фольклорных высказываний, или их урегулированностью, как определил это качество фольклорной речи К. В. Чистов» [Адоньева, 2004. С. 5]. Специфика фольклорной речи состоит в том, что она организована в соответствии с определенными принципами, задаваемыми традицией. Соблюдение этих принципов является жизненно важным условием воспроизведения социума во времени, поскольку традиция речевых практик, практик коммуникации, напрямую связана с закреплением определенных социальных отношений. Представляется, что различие между фольклорными и нефольклорными формами речи для носителей традиции лежит в значительной степени в области прагматики. Таким образом, исследовательница рассматривает «фольклор как особый семиотический аппарат, созданный для конструирования времени, пространства и социального взаимодействия в заданных традицией рамках» [Адоньева, 2004. С. 11].

Эти мысли получили развитие в статье С. Б. Адоньевой [2005], где она рассматривает новые методологические подходы, которые возникли в связи с расширением предметного поля фольклора. Исследовательница отмечает, что объектом анализа могут быть вербальные формы – и в этом случае на первый план выходят лингвистические методы исследования, и поведенческие формы – тогда методы антропологические. Под фольклором исследовательница понимает саму практику воспроизведения символических форм культуры [Адоньева, 2005. С. 46]. С. Б. Адоньева анализирует взаимоотношения фольклора и речи и считает, что фольклору, как сегменту речи, присущи все характеристики последней.

В фольклористике существуют поэтико-семантический и риторико-дискурсивный принципы описания текста. С. Б. Адоньева считает, что необходимо использовать дискурсивный метод анализа фольклорных текстов [Там же. С. 51]. Она делает вывод, что изменение представления о фольклоре произошло из-за изменения фольклористических методов исследования. Переосмыслены оказались родовые признаки фольклора: традиция стала пониматься в общесоциологических категориях, речь – в категориях теории коммуникации, общество – как динамический механизм, регулируемый разными факторами [Там же. С. 55].

Вопрос об определении понятия «фольклор» рассматривает С. Ю. Неклюдов [2002. С. 3–7]. Он предложил понимать фольклор как совокупность устных текстов, которые:

- передают устойчивый набор значений устойчивыми средствами;
- воспроизводятся, а не производятся заново;
- излагаются в варьируемых формах;
- поются, рецитируются или рассказываются;
- бывают разных размеров – очень маленькие и очень большие;
- связаны с обрядом или независимы от него;
- передаются непосредственно-контактным способом;
- представляют собой продукцию, производимую сообществом «на потребление», а не «на сбыт».

В статье А. С. Каргина и С. Ю. Неклюдова обращается внимание на то, что в разных национальных традициях предметное поле фольклора понимается по-разному. В западноевропейской науке фольклор частично изучается этнографией, частично краеведением, частично культурологией [Каргин, Неклюдов, 2005. С. 25]. Сам предмет в Западной Европе называется как *устная литература*, так и *народная культура*.

В конце 1980-х годов в отечественной фольклористике происходит изменение объектов и методов исследования: в центре внимания фольклористов в конце XX в. оказывается не текст, а предтекстовые формы, интертекстуальные и предтекстовые отношения, происходит «антропологизация» фольклористики [Каргин, Неклюдов, 2005. С. 25]. В число объектов фольклористики включаются продукты современной урбанистической «спонтанной» культуры, ранее не замеченные наукой.

С. М. Толстая обращает внимание на то, что в отечественной и зарубежной фольклористике фольклор понимается в узком и широком смысле. В узком понимании фольклор

отождествляется с устным народным творчеством, в широком смысле – это вся область традиционной духовной культуры [Толстая, 2005. С. 118–119]. Толстая рассматривает соотношение между фольклором и этнографией, фольклором и литературой, фольклором и языком. Фольклор и этнографию объединяет такой признак, как традиционность и содержательное семантическое единство, использование общего символического языка. Язык же является необходимым компонентом народной традиции. Он аккумулирует в себе культурные смыслы [Толстая, 2005. С. 122–124]. Толстая считает, что фольклору как словесной культуре соответствует филологическая фольклористика, комплексным изучением традиционной духовной культуры занимается этнолингвистика.

А. А. Панченко противопоставляет российскую фольклористику зарубежной. Он объясняет это тем, что отечественная фольклористика тяготела к изучению «архаических» форм фольклора, а ее основным методом был историко-сравнительный. В то время как в западной науке доминировал структурно-семиотический подход. Панченко отмечает, что в XIX в. термин «фольклор» имеет национально-романтические коннотации. Он считает, что родовые признаки фольклора, такие как устность и коллективность, не имеют большого значения для его определения. Фольклор не имеет смысла называть творчеством. Фольклор не следует рассматривать как систему жанров, а исследование поэтики фольклора в категориях литературной эстетики не имеет эвристического смысла. Современные фольклористы занимаются повседневными культурными практиками, «живым бытованием» культурных форм [Панченко, 2005]. Впервые о том, что словом folk обозначается не только крестьянский мир, но и любая группа, обладающая хотя бы одной характеристикой, свойственной крестьянскому фольклору, написал американский исследователь А. Дандес [2003. С. 137]. Также фольклор, считает Дандес, «прежде всего не материал, а совокупность представлений, так или иначе отраженных в текстах» [Дандес, 2003. С. 7].

Подведем некоторые итоги. В русской науке термин «фольклор» на протяжении XIX–XX веков имел более узкое значение, чем в зарубежной, и относился только к сфере устного народного творчества, вплоть до конца 1980-х годов. В современной фольклористике произошло изменение объектов и методов исследования, которые привели к изменению научной парадигмы и расширению предметного поля слова «фольклор», кроме того, фольклор соотносится

не только с самим предметом, но и с представлениями о нем.

На сегодняшний день в понимании фольклора расходятся мнения ученых различных направлений, что продолжает составлять научную проблему. Решению этой проблемы будет способствовать углубленное изучение разнообразных устных текстов, которые представляют как историю народной культуры, так и ее современное состояние.

Литература

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: СПб. ун-т, 2004.

Адоньева С. Б. Фольклористика и современное гуманитарное знание // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 44–57.

Азадовский М. К. Место и роль фольклора в организации краеведческих исследований // Труды Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 4. С. 70–72.

Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.

Богданов К. А. Повседневность и мифология (Исследования по семиотике фольклорной действительности). СПб., 2001. С. 12–108.

Горький М. Советская литература. Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей. М., 1935.

Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. 1931. № 5. С. 91–114.

Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М.: Вост. лит.-ра РАН, 2003.

Каргин А. С., Неклюдов С. Ю. Фольклор и фольклористика третьего тысячелетия // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 14–8.

Ламанский В. И. От редактора // Живая старина. СПб., 1890. Вып. 1. С. 11–47.

Лесевич В. В. Фольклор и его изучение // Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. М., 1899. С. 343–347.

Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура, 2002. № 3. С. 3–7.

Панченко А. А. Фольклористика как наука // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 72–95.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 5–29.

Соколов Ю. М. Работа по русскому фольклору за революционный период // Этнография. 1926. № 1–2. С. 153–178.

Толстая С. М. Фольклор и этнолингвистика // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 118–133.

Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986.

Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005.

Ambrose M. Folk-Lore // The Atheneum. 1846. 22 august. No 982. P. 862/ III – 863/ I.

Newsletter / Published by Nordic institute of folklore. Turku, 1987. No 1. 8 p.

Поступила в редакцию 16.03.2015

References

Adon'eva S. B. Pragmatika fol'klora [Pragmatics of folklore]. St. Petersburg: SPb. un-t, 2004.

Adon'eva S. B. Fol'kloristika i sovremennoe humanitarnoe znanie [Folkloristics and modern humanitarian knowledge]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]*. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 44–57.

Azadovskii M. K. Mesto i rol' fol'klora v organizatsii kraevedcheskikh izuchenii [The role of folklore in organizing regional studies]. *Trudy Pervogo sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s'ezda [Proc. of the first Siberian regional scientific and research congress]*. Novosibirsk, 1928. Vol. 4. P. 70–72.

Bogatyrev P. G., Yakobson R. O. Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva [Folklore as a special form of creativity]. *Bogatyrev P. G. Voprosy narodnogo tvorchestva [Issues of folk art]*. Moscow. Iskusstvo 1971. P. 369–383.

Bogdanov K. A. Povsednevnost' i mifologiya (Issledovaniya po semiotike fol'klornoj deistvitel'nosti) [Daily

life and mythology: Studies in the semiotics of folk reality]. St. Petersburg, 2001. P. 12–108.

Chistov K. V. Narodnye traditsii i fol'klor [Folk traditions and folklore]. Leningrad: Nauka, 1986.

Chistov K. V. Fol'klor. Tekst. Traditsiya [Folklore. Text. Tradition]. Moscow: OGI, 2005.

Diskussiya o znachenii fol'klora i fol'kloristiki v rekonstruktivnyi period [Discussion on the importance of folklore and folkloristics in reconstructive period]. *Literatura i marksizm [Literature and Marxism]*. 1931. No 5. P. 91–114.

Dandes A. Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. Moscow: Vost. lit-ra RAN, 2003.

Gor'kii M. Sovetskaya literatura. Doklad na I Vsesoyuznom s'ezde sovetskikh pisatelei [Soviet literature. Report on the First All-Union Congress of Soviet Writers]. Moscow, 1935.

Kargin A. S., Neklyudov S. Yu. Fol'klor i fol'kloristika tret'ego tysyacheletiya [Folklore and folkloristics of the third Millennium]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov*: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 14–28.

Lamanskii V. I. Ot redaktora [From the editor]. *Zhivaya starina* [Living antiquity]. St. Petersburg, 1890. Iss. 1. P. 11–47.

Lesevich V. V. Fol'klor i ego izuchenie [Folklore and its study]. Pamyati V. G. Belinskogo. Literaturnyi sbornik, sostavlennyy iz trudov russkikh literatorov [In memory of V. G. Belinsky. Literature digest of the works of the Russian writers]. Moscow, 1899. P. 343–347.

Neklyudov S. Yu. Fol'klor: tipologicheskii i kommunikativnyi aspekty [Folklore: typological and communicative aspects]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2002. No 3. P. 3–7.

Panchenko A. A. Fol'kloristika kak nauka [Folkloristics as a science]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov*: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 72–95.

Propp V. Ya. Poetika fol'klora [The poetics of folklore]. Moscow: Labirint, 1998.

Putilov B. N. Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and folk culture]. St. Petersburg: Nauka, 1994.

Sokolov Yu. M. Ocherednye zadachi izucheniya russkogo fol'klora [The essential problems in the study of Russian folklore]. *Khudozhestvennyi fol'klor* [Artistic folklore]. Moscow, 1926. Iss. 1. P. 5–29.

Sokolov Yu. M. Rabota po russkomu fol'kloru za revolyutsionnyi period [Work on the Russian folklore during the period of revolution]. *Etnografiya* [Ethnography]. 1926. No 1–2. P. 153–178.

Tolstaya S. M. Fol'klor i etnolingvistika [Folklore and ethnolinguistics]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov*: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 118–133.

Ambrose M. Folk-Lore. *The Atheneum*. 1846. 22 august. No 982. P. 862/III – 863/I.

Newsletter. Published by Nordic institute of folklore. Turku, 1987. No 1. 8 p.

Received March 16, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дранникова Наталья Васильевна

директор, д. фил. н., проф.
Центр изучения традиционной культуры
Европейского Севера
наб. Северной Двины, 17, Архангельск, Россия, 163002
эл. почта: navad@atknet.ru
тел.: (8182) 216159

CONTRIBUTOR:

Drannikova, Natalia

Centre for Studies of Traditional Culture of the European North
17 Northern Dvina Emb., 163002 Arkhangelsk, Russia
e-mail: navad@atknet.ru
tel.: (8182) 216159

УДК 398; 398.8; 398.83+87; 82–131

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ ПТИЦЫ В РУНАХ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ

Э. Г. Рахимова

Институт мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького РАН

При анализе словесной изобразительности в категориях возглавляемого В. М. Гацаком направления комплексной текстологии в российской филологической фольклористике используется понятие этнопоэтической константы, относящееся к традиционно устойчивым словосочетаниям протяженностью до группы строк, в которых возможна подвижность очертаний. Сравнения и метафоры, опирающиеся в словесной изобразительности на символику водоплавающих птиц: лебедя, гуся, уток (чернети морской, чирка-свистунка и алейки), представлены кроссжанрово в изустных рунах калевальской метрики от героико-мифологических до свадебной поэзии и необрядовой лирики. Водоплавающие птицы фигурируют в героико-мифологических рунах и балладах как персонажи и объект охоты, т. е. включены в фабулы. В свадебных рунах и необрядовых элегиях водоплавающие птицы выступают в качестве референтов сравнений, метафор, иносказательных перифраз. Опирающиеся на водный пласт орнитологической символики этнопоэтические константы, соотносящиеся с образами лебедя, гуся, чернети-морской, алейки, находят системные параллели в причитаниях. В обрядовых плачах водоплавающие птицы включены в жанрово определяющую систему иносказательных метафорических замен (А. С. Степанова) и фигурируют в качестве желаемых чудесных превращений покойного. Вербализации орнитологической символики в средствах словесной изобразительности присуще варьирование в пределах устойчивости и лексической, и синтаксической. Охарактеризованы модели уподобления: сравнения с союзами и слитные конструкции с падежами существительных и сравнительной степенью прилагательных и наречий. В песенной памяти традиции представляется главной устойчивостью изобразительного референта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: руны калевальской метрики; словесная изобразительность; этнопоэтические константы; сравнения и метафоры; орнитологическая символика; водоплавающие птицы.

E. G. Rakhimova. NATATORIAL BIRDS IN THE KALEVALA METER RUNES

When analyzing verbal descriptions in terms of complex textual study headed in Russian philological folkloristic by V. M. Gatsak, it is common to use the notion of ethno poetic constant which relates to established collocations up to a row group in length with possible flexible structure. Similes and metaphors based on symbolism of natatorial birds such as swans, geese and ducks (scaup, common teal, long-tailed duck) appear across the genres of the famous Kalevala meter runes from heroic and mythological poems to wedding poetry and non-ceremonial lyrics. Natatorial birds appear in the plots of heroic and mythological runes and ballads both as characters and as hunting objects. While in the wedding runes and non-ceremonial elegies natatorial birds act as referents of similes, metaphors and allegories. The ethno poetic constants dealing with aquatic sphere of ornithological symbolism relate to the images of swans, geese, scaups and long-tailed

ducks, and appear to have systematic correspondences in the laments. Natatorial birds are included in the genre-determining system of allegorical and metaphorical substitutions in ceremonial laments (A. S. Stepanova) being the desired form of a miraculous reincarnation. Certain variability is typical for verbalization of ornithological symbolism in literary descriptions yet within lexical and syntactic rigidity. The following assimilation models are characterized: similes with conjunctions and joint structures with noun cases and comparative forms of adjectives and adverbs. Figurative referents appear to be the steadiest component in oral memory.

Keywords: the Kalevala meter runes; verbal description; ethno-poetical constants; similes and metaphors; ornithological symbolism; natatorial birds.

Калевальская метрика (опирающийся на традиционные мелодии распева размер четырехударного аллитерационного стиха) объединяет старинные изустные руны независимо от жанра. Стихи бывают бесперебойные с цезурой: «nuoret soudi, airot notku» «юнцы гребли, веслагнулись»¹; и перебойные со сдвигом словесного ударения: «hangat hanhina hatšatti» «ключины гусями гоготали». Термин «kalevalainen, kalevalamittainen runo» «калевальская руна (с калевальской метрикой)» используется собирательно для прибалтийско-финских народов начиная с работы [Kuusi, 1957. S. 109–128].

В старинном песенном фольклоре с рунами, относящимися по жанру к необрядовой лирике и свадебной поэзии, тесно соприкасаются обрядовые причитания: по покойным и свадебные, для Беломорской Карелии также ёйги. Аллитерация служит носителем просодии для карельских причитаний в еще большей мере, чем для рун, скрепляя в северной разновидности плачей обширные периоды [Степанова, 1984. С. 127–129]. Высокоразвитостью карело-ижорской плачевой традиции объясняется наличие традиционных по поэтике и символике плачей «на случай»: о рекрутах и о своей жизни, по жанровому содержанию тесно сопряженных с необрядовой лирикой, выражения признательности и благопожелания. Так, 75-летняя А. Р. Никитина из с. Тикша в 1968 г. величала юных собирательниц фольклора: «Soršalinnun šomevuiset oletta..!» – «Красивы {вы} наподобие птицы-уточки...!» [КП, 1976. С. 76–78, № 27].

Орнитологическая символика, обретшая отшлифованные многовековым устным бытованием словесные решения, которые устойчиво воплощаются через вариативность, служит своего рода мелкоячеистой сетью текстуальных сопряжений рун и причитаний [Рахимова, 2010. С. 145]. Систематизацию

выкристаллизовавшихся вербальных единиц плодотворно осуществлять в рамках комплексно-текстологического этнопоэтического подхода российской филологической фольклористики, разрабатываемого В. М. Гацаком (1933–2014) и его последователями. Единицей для систематизации этнопоэтических констант служит «образ сравнения-сопоставления» [Селиванов, 1990. С. 6] (далее OCC), под которым понимается слово-референт, с которым сопоставляется изображаемое как объект. Ф. М. Селиванов (1927–1990) сформировал указатели художественных сравнений «русского песенного эпоса», т. е. былин, позднее – духовных стихов. В калевальских рунах OCC обнаруживается и в метафоре. Так, в [SKVR² IV (2) 2465] построенная по генитивной модели метафора страстно желаемых или обретенных Эго «sirhun siivet, sääsen sääret» – «крыльев овсянки, голени скопы», содержит OCC – названия птиц. Это овсянка, мелкая певчая пташка нарядного желтого окраса (лат. *Emberiza citrinella*), и охотящаяся за рыбой скопа (лат. *Pandion haliaetos*).

В героико-мифологических, а также в балладных рунах (о совращении сестры, о наказании вдовы-горюшицы за гордыню) благодаря их содержанию – повествованиям о морских походах с целью похищения Сампо или суженой, бегства от преследователей на девичьем Острове – регулярно встречаются типовые сцены, словесно живописующие в динамике отплытие ладьи и протагониста кормчего. В них регулярно представлено слитное метафорическое сравнение, опирающееся на специфический для прибалтийско-финских языков падеж состояния эссив, которой уподобляет стремительное движение застоявшейся боевой ладьи голосам птиц. Упоминание водоплавающих птиц придает дополнительную грань

¹ Здесь и далее перевод автора. Выбор альтернативных по отношению к изданным переводам решений позволяет выделить смысловые, морфологические или синтаксические моменты, важные для анализа.

² Вариант по фондовому своду рун SKVR [Suomen Kansan Vanhat Runot, 1908–1948+1997] в статье цитируется не по странице, а по номеру, < <http://dbgw.finlit.fi/skvr/> >, для каждой книги выделенного по регионам тома с соблюдением принятого в издании написания карельских или финских слов.

сходства облика корабля с плывущим лебедем воображаемому визуально «видеокадру» или «довербальному гештальту», по [Nagler, 1967].

Типовая сцена плавания на ладье, могущая сопровождаться столкновением с большой щукой и последующим созданием кантеле, часто предваряется сценой плача ладьи, услышанного протагонистом, искавшим коня. Такое решение представлено, скажем, в записи языковеда Кустаа Карьялайнена (1871–1919), сделанной во время совместной с фотографом И.-К. Инха (1860–1920) экспедиции по Беломорской Карелии 1894 г. от 59-летней Мауры Марттини из Кивиярви волости Вокнаволок. Этот вариант [SKS signum¹ Karjalainen n. 110] был опубликован под двумя номерами. Данная запись является повторной спустя год по отношению к записи [SKVR I (1) 614+250] сына исполнительницы, местного краеведа-энтузиаста Ийво Марттинена (1870–1934) [SKS signum Marttini I n.45,], в которой также содержится эпизод встречи с девой-лососем, следующий сразу после столкновения с большой щукой, что подтверждает устойчивость контаминации и свернутость мотива Девы Велламо. Текстуальные реализации эссивного уподобления отплывающей ладьи голосам птиц в обеих записях совпадают. Вяйнямёйнен медным венником очищает ладью, после чего спускает на воду и рассказывает по бортам парней-женихов и девиц на выданье в оловянных наголовниках и медных поясах, а сам усаживается сзади кормчим за медное весло. Здесь следует эссивное уподобление стремительного скольжения застоявшейся ладьи голосам птиц:

Panou vanhat soutamahe, ⁴⁰ Vanhat souti, peä vapisi.	Посадил старых грести, Старые гребли, голова тряслась.
Pani nuoret soutamahe. Nuoret souti, airot notku,	Посадил юных грести, Юные гребли, весла гнулись.
Tel'lot tetrenä kukerti, Nenä joiku joutsenena,	Скамьи тетеревом ворковали, Нос кликал лебедем,
⁴⁵ Hangat hanhena hatsatti, Perä kroatsku koskelona.	Уключины гусем гоготали, Корма граяла крохалем.
	[SKVR I (1) 614 a) + 250 a)]

Распространенное эссивное уподобление отплывающей ладьи голосам птиц встречается в руне о поездке незванным на пир, в своде «Lemminkäisen virsi» – «Стих о Лемминкяйнене», нечасто. Вариант [SKS signum Karjalainen n. 48.] протяженностью 163 строки был записан К. Карьялайненом в Минозере

¹ SKS signum – номер единицы хранения в архиве Финского литературного общества (Suomalaisen kirjallisuuden seura).

Кимасозерской волости от Микко Ехкимайнена Потапова, в 1894 г. 24-летнего. По основному сюжету, так что целиком он напечатан под номером [SKVR I (2) 724], а повторно в [SKVR I (1) 593 + (2) 919], вариант Микко отвечает преобладающему на беломорско-карельской территории (включая волость Кимасозеро Олонецкой губернии)² сюжетному типу «Стиха о Лемминкяйнене» с поединком на мечех (а не с гибелью протагониста). Приехавший на пир незванным, гость одерживает победу и убивает противника, после чего спасается бегством. По совету мудрой матери он строит стоуключинную ладью и отправляется на «безымянный» остров, который ему из-за распутства с девами и гнева мужчин также придется покинуть на корабле, но при повторной сцене отплытия сравнение не используется, вместо него описывается плач дев по сидящему под парусом, а не по мачте. В первой из сцен плавания используется противопоставление беспомощной гребли стариков и сноровки юнцов, а перечень птиц включает две водоплавающие и боровую дичь:

Teljot tetrenä kukerti, Hangat hanhena hatsatti, ¹³⁵ Nenä joutu (!) joutsenena.	Скамьи тетеревом ворковали, Уключины гусями гоготали, ¹³⁵ Нос кликал лебедем.
	[SKVR I (1) 593 + I (2) 724 + (2) 919]

В беломорскокарельских причитаниях по покойному слово «лебедь» в падеже-эссиве (единственного или множественного числа) представлено в совсем ином смысловом наполнении. Регулярно встречающийся в плачах деминутивный суффикс вызывает неполноту вербального совпадения с рунами, несмотря на стабильность падежа. Страстно желанное, но неосуществимое (на что указывает отрицательный кондиционал) появление покойного «лебедем» / «в обличье лебеда» подразумевает чудесное орнитоморфное превращение для посмертной встречи с родными. В записи 1911 г. от знаменитой плачеи и певички из Войницы Анни Лехтонен [Paulaharju, 1924. S. 74]

² Для соблюдения единообразия и во избежание путаницы с финской территорией Pohjois-Karjala (дословно – Северная Карелия) применительно к севернокарельским по языку и месту фиксации записям из российской Карелии используется обозначение Беломорская Карелия, Беломорье (финское Viena Karjala, Viena), независимо от жанра, т. е. и к калевальским рунам, и к причитаниям. Кимасозерская волость административно относилась во время фиксации к Олонецкой губернии, но как локальную зону ее целесообразно относить к беломорскокарельской традиции. В российской фольклористике беломорскокарельский фольклор песенных жанров чаще принято называть севернокарельским.

представлена скрепленная напевной аллитерацией на протяжении всего периода выкристаллизовавшаяся вербальная константа: «Eikö valkie hyväseni vallan ensimmäisinä kevätvarreksuisina valkiena valtajoutšenuisena vallan koalelis vallan ensimmäisih valvatusvanapaikkasih» – «Разве мой белый добрынюшка в самые первые весенние просветушки белым державным лебедем не прибрел бы на самые первые весенние прогалыны?». В плаче уроженки д. Хяме Калевальского района Марии Васильевны Маликиной по мужу Эго (т. е. по соседу исполнительницы на его могиле), записанном А. С. Степановой в 1963 г. [КП, 1976. С. 97, № 40], три периода включают вариативные ОСС: чудесных птиц, стоперых птиц и, наконец, цветастых золотых лебедей (с деминутивным суффиксом), в эссиве текстуальной реализации: «kukkahina kultajoučšenuisina». К названиям других птиц в арсенале ОСС этнопоэтических констант карельских причитаний по покойному может применяться даже императив глагола движения. Например, 68-летняя людиковская плачеха Анна Васильевна Чеснокова из Святозера Пряжинского района в момент записи В. Д. Ряговым ее цикла плачей в 1969 г. призывает покойного мужа [КП, 1976. С. 412, № 219]: «Ka hot' sinä tulettele hot' pienih puuhužiden pieähyižih hot' čiučoi-linduzinnu da liipoi-lindužinnu!» – «Так ты прилетай хоть на вершины маленьких деревьев, хоть птичкой-воробушком да птичкой-бабочкой!»

В варианте калевальской руны Мауры в сцене стремительного отплытия ладьи из числа водоплавающих фигурировали: лебедь-кликун (по-карельски joučen; лат. *Cygnus cygnus*) и гусь (по-карельски hanhi; лат. *Anser*), или гуменник (лат. *Anser tabalis*), или серый (*Anser anser*), а также крохаль (длинноносый) (по-карельски koškelo; лат. *Mergus sp.*). Видовому поведению этой водоплавающей птицы отряда гусеобразных, семейства утиных, рода крохали у самцов присуще похожее на карканье звукоизвлечение [Зимин, Ивантер. 2002. С. 49]. Что касается лебедя-кликун, получившего свое название от звукоизвлечения, их голоса при брачных играх и в стае очень мелодичные и громкие, а голос гуся несколько скрипуч. Все это создает словесными средствами яркий звукообраз воображаемого видеокдра.

Сюжет «рождения кантеле» из костей большой щуки регулярно сопрягается с эпизодом плавания на ладье, что мотивируется сценой столкновения. Судя по заголовку сюжетного типа, принятому в пилотном территориально беломорскокарельском томе фондового свода SKVR в 33(+1) книгах (SKVR, I – XIV + XV):

«Laivaretki ja kanteleen synty» – «Плавание на ладье и создание кантеле», эти фабулы мыслились как нерасчленимые. Но в живом устном бытовании сюжетам была присуща мощная циклизация, реализующая и альтернативные между собой соединения фабул. В развитии сюжета про кантеле из щучьих костей Маура Марттини упоминает еще одну водоплавающую птицу в сцене музицирования, в которой неудача орнитоморфного антагониста контрастно противопоставлена мастерству кантелиста, протагониста Вяйнямёйнена. В строке с уткой-чернетью «sotka» в функции подлежащего в качестве объекта в падеже-адрессиве фигурирует «soittu». Это карельское слово обозначает музыкальный инструмент собирательно, но также специально гармошку, а в записанных А. Генетцем в Кестеньгской волости примерах – дудочку, свирель [KKS V. R-S. S. 466–467.]. В данном случае это слово, создающее сильнейшую аллитерацию и со сказуемым – глаголом, в прибалтийско-финских языках одним словом обозначающим музицирование, игру на музыкальном инструменте, и с зооморфным субъектом, служит перифразом для кантеле, у Мауры *kanteleeh*, *kantelvoin'i*. В отличие от протагониста птице музицирование не удается и не радует слушателей:

Sotka soitti soitullaki, Vesilintu vellutteli;	Утка-чернеть играла на ?свирели, Водоплавающая птица перемешивала (воду)
--	--

Утка чернеть морская (по-карельски *sotka*; лат. *Aythya marina*) – вид рода нырковых уток рода чернетей семейства утиных отряда гусеобразных, распространенный в Северной Евразии в северной тайге и лесотундре. Карелы Приладожья замечали, что крылья чернети издают свистящий звук при полете, как свидетельствует диалектологический пример из Суйстамо в словарной статье [KKS V. S. 5493] на этот орнитоним, что наравне с его сильной аллитерацией с глаголом «soittoa» – «играть на музыкальном инструменте» объясняет пригодность на роль музыканта.

Утка-чернеть может наравне с другими водоплавающими птицами в параллельных строках служить ОСС для художественного сравнения с союзом «словно». Если руководствоваться бытовой логикой, то это сравнение наиболее уместно по отношению к целой армаде кораблей и поэтому ожидаемо встречается в повествовательных рунах исторической тематики, в частности, в руне об осаде Выборга. Вариант [SKS signum Lönnrot A II 6, n.127] был записан будущим создателем «Калевалы» в 1834 г. в Ладвозере прихода Вокнаволок или

его окрестностях без указания исполнителя. В нем снаряжение флотилии протагонистом, славным королем Иваном, становится зачином и богато украшено союзными сравнениями. В качестве ОСС кроме утки-чернети выступает в скрепленной синтаксическим параллелизмом строке чирок-свистунок (по-карельски *tavi*; лат. *Anas crecca*). Это малый по размеру представитель того же семейства, рода речных уток. Подобно уткам, выводящим выводок птенцов на воду, протагонист спускает на воду флотилию боевых кораблей. Следующее его действие – снаряжение многочисленных ратников – описывается союзным сравнением с еще одной водоплавающей птицей – гоголем (по-карельски *telkkä*; лат. *Vucephala clangula*). Видоспецифично для гоголя, что утята, хорошо ныряющие уже в двухнедельном возрасте, следуют за матерью к воде спустя сутки после вылупления из яиц, которые самка высидывала в одиночестве, т. к. самцы коллективно отлетали к месту сезонной линьки. В параллельной к содержащей ОСС гоголя строке упоминается «малая птица», хотя по сравнению с некрупным чирком-свистуном его размер средний. Во всех строках с ОСС водоплавающих птиц проявляется системная аллитерация, диктующая выбор перифраз для предмета птичьей заботы, слегка искаженный термин «птенцы» относится лишь к чернети:

Meiän Ivana isäntä, M[eiän] kuulusa kuningas	Наш Ийвана-хозяин, Наш знаменитый король
Laitto laivoja lahelle. Niin kun sotka poikiaan, ⁵ Tavi laitti lapsieh.	*Наладил корабли на залив*, Словно утка-чернеть своих птенцов, ⁵ Чирок-свистунок ладит детушек.
Miekotti 1000 miestä. Satuloitti 100 hevoista, Niin kun telkkä tehtyj[än]. Pieni lintu lapsieen.	Одел мечами тысячу мужей, Оседлал сотню коней, Словно гоголь своих сотворенных, Малая птица своих детушек.
	SKVR I (2) 1047.

В варианте той же исторической песни [SKS signum Lönnrot All6, n.129] в сцене сборов флотилии аллитерация охватывает целое скрепленное синтаксическим параллелизмом двустопное. Вместо чернети фигурирует созвучное слово, обозначающее утку собирательным родовым названием *sorsa*, лат. *Anas*.

Suoritti sota venoja, Kun on sorsa poikien [sa]	Готовил боевые ладьи, Как утка своих птенцов.
	[SKVR I (2) 1048]

Варианты этой и других исторических рун записывались и позднее. Вяйно Салминен

(1880–1947), будущий издатель многих томов свода SKVR, сделал запись [SKS signum Salminen V., n.2120] от 62-летней замужней Анни Богдановой из Толло-реки волости Вокнаволока 17 июля 1918 года, так что она опубликована в дополнениях к беломорскокарельскому тому. Анни развивает художественное сравнение строками о «гребле» утки-чернети, что подкрепляется сильной аллитерацией:

Suoritti sotaväkeä, Niinkun sorsa poikijah, ⁵ Tavi laitto lapsiah.	Снаряжал боевой отряд, Словно утка своих птенцов, Чирок-свистунок ладит своих детушек,
Sotkapa souti suojan rannan, Tavi tyynen tylkyttel', Kossarannan kolkuttel',	Утка-чернеть ведь гребла по подветренному берегу, Чирок-свистунок по тихой заводи покачивалась, По берегу-косе колыхалась.
	[SKVR I (IV, 2) 2180]

Союзное сравнение с водоплавающей птицей и выводком птенцов встречается и в героико-мифологических рунах и балладах в ситуации, вроде бы подразумевающей плавание протагониста по водоему в одиночестве. Это возможная вариация при устном воссоздании руны о поездке незванным на пир. Вариант [SKS signum Borenius II, n.110] записан А. Борениусом (1846–1931), приложившим титанические усилия к сюжетной систематизации калевальских рун из Беломорья при их эдичии, в августе 1872 г. от Хуотари Марккенена из Войницы. В нем соединились сюжеты посещения Туонелы и утробы умершего великана Випунена в поисках трех слов, недостающих для пивоварения. Протагонист после убийства хозяина пира в единоборстве на мече жалуется матери и спасается бегством на остров Дев. Спуск флотилии к морю в строках с 225-й предваряет сравнение:

Sittä heän loat'i laivojaha Niin kuin sotka poiki(j)aha;	Тогда он сладил корабли, Словно утка-чернеть своих птенцов.
	[SKVR I (1) 374 + 418 + I (2) 809]

В свадебных величальных рунах лексемы гусыни и чирка служат ОСС для метафоры с генитивом, изображающей легкую поступь невесты по прибытии в дом жениха. Принадлежностный падеж генитив с присоединяемым к гласной основе слова окончанием -n можно перевести на русский язык как родительным падежом, так и притяжательным прилагательным. В записанном в 1885 г. будущим разработчиком историко-географического подхода в эпосе- и сказковедении К. Кроном (1863–1923) варианте [SKS signum Krohn 8178] Катри Сюкко из Коверо,

ныне Тупповаары, что относится к локальной зоне Иломантси в финской Северной Карелии, невесту призывают подняться из саней (каре-ты), топнув ножкой по полозьям:

Astu hanhen askelilla, Taputa taven jalolla, ²⁰ Noilla sorsan soikuttele	Шагай гусиными шагами, Постучи чирковой ножкой, ²⁰ Утиными плавно продвигайся.
Apen saamilla pihoilla, Anopin asettamalla	На добытых свекром дворах, На учрежденных свекровью.
	[SKVR VII (2) 3009].

Аналогичная генитивная метафора представлена и в варианте, записанном Х. Лайтиненом в 1865 г. от неизвестной из Суоярви в Приладожье [SKVR VII (2) 2977], в строках 26–27 в ней также представлены ОСС гусыни и чирка-свистунка. В диалоге свахи с женихом, записанном Э. Кемппайненом в Суйстамо в 1915 г. от знаменитого Ийваны Онойла, от лица парня звучит признание, что он сидит в ожидании суженой, причем ОСС меняется на создающее более сильную аллитерацию «alli» – алейку, как в севернорусских диалектах называют изящную длиннохвостую утку-морянку, лат. *Clangula hyemalis*:

Istun Immingin hyvyttä, katschon allin askeletta.	Сижу ради благости девицы, Смотрю на шажок алейки.
	[SKVR VII (2) 2846]

В необрядовой лирике эта же генитивная метафора «чиркового/гусиного/алеичного шага» девицы на выданье сосредотачивает в себе горькое переживание Эго по утраченной девичьей волюшке. В записанной А. Альквистом в Иломантси от неизвестной в 1846 г. песне заботы («huolilaulu») [SKVR VII (2) 2499] упоминание о походе водоплавающих птиц – алейки и чирка-свистунка – развивает орнитологическую символику зачина. Сперва Эго характеризует себя в девицах за счет номинативного перечисления птиц, как боровых, так и водоплавающих, в составном именном сказуемом, а завершается идеализирующая самохарактеристика использованием также орнитоморфных иносказаний в третьем лице, замещающих местоимение «я» в инфинитивном обороте с инессивом 2-го инфинитива (падежа внутриместного нахождения с временной семантикой):

Olinpa minäki ennen koppelo isän koissa, tavi taaton tanterilla, vesi lintu veikon luona, ⁵ sirkkunen sisaren luona.	Я бывала тоже прежде копалуха в отцовском доме, чирок на батюшкином поле, водоплавающая птица подле брата, ⁵ овсянка подле сестрицы.
---	--

Ku minä läksin astumahan, astuin allin askelilla, taputin tavin jaloilla:	Коли я ступать направлюсь, ступаю шагами алейки, постукиваю чирковой ножкой.
Monen miehen mieli vieri, ¹⁰ monen sulhon suu muhahti	Многих мужчин ум растекался, ¹⁰ у многих женихов рот улыбался,
tämän allin astuessa, käyessä tämän kanasen.	пока ступала эта алейка, пока проходила эта курочка.

Утонченный эмоционально насыщенный образец «птичьей элегии», воплощающей константное в необрядовой лирике уподобление Эго злосчастным зябнущим пташечкам, построенное за счет компаратива наречий со значением холода и дискомфорта, предстает в варианте, записанном в 1884 г. от лютеранки Лиены Луукконен из Хиппола прихода Импилахти К. Кроном [Krohn n. 5113]. Интересно использование привычной по карельским плачам в качестве метафорических замен (далее – МЗ) группы водоплавающих птиц [Степанова, 2004. С. 33 – *односоставная МЗ дочери*, с. 55 – *для подружек-ровесниц невесты в свадебных плачах как компонент двусоставной МЗ*] лексемы «alli». Алейки действительно пролетают над Ладогой еще до таяния снега и поздно улетают, почему и считаются купающимися в студенной воде. Сначала эта лексема функционирует как перифраз Эго, с третьим лицом сопряженных глаголов. Лишь в скрепленном синтаксическим параллелизмом перечне уподоблений, включающем также воробушка и голубку, проясняется использованием личного местоимения «я», что живописуются переживания и обездоленность Эго. Уподобления опираются на компаратив качественных наречий:

Eipä tiitä yksikänä,	Ни одна того не знает,
Ei ymmärrä yheksänkään	Девять все не понимают
Tämän allin mielialoja,	Этой утки печалей,
Mitä alli ajattelo,	О чем морянка-утка мыслит,
⁵ Ja peäsky peässään pitää.	⁵ И ласточка в голове держит.
Alahan on allin mieli	Низко пал дух утки-морянки
Uieassa vilua vettä,	Плавая по воде студенной,
Miun on alemma sitäki...	У меня ж – того пониже...
	[SKVR VII (2) 1729]

Что касается плачей, отдельная группа карельских МЗ, выделяемая А. С. Степановой по объектам сравнения, здесь – девушки/дочери, опирается на орнитоморфную символику, например «kujilliseni kuulu alliset» – «поровеночки мои славные утки-морянки» [Степанова, 1985, С. 40–45, 74–76]. Считаю, что орнитоморфная символика в МЗ тесно связана с поэтизацией невесты-сговоренки. «Kaunehen hyväiseni kamaikkunojen piällisiksi karjalintusiksi» – «в стаи пташечек на окошечках с косяками драгоценного добрынюшки» может превращаться девичья

волюшка, как свидетельствует разобранный Унелмой Семеновной Конкка (1921–2011) беломорскокарельский плач 1937 г. Мавры Максимовны Хотеевой на возвращение невесты из обрядовой бани [Конкка, 1992. С. 169–170]. Доля орнитоморфной символики в изобразительно нагруженных (в отличие от метонимических) МЗ не только исключительно весома для всех жанровых разновидностей карельских плачей, но и включает в себе момент их типологического схождения с севернорусской плачевой традицией. Использование названий птиц как МЗ выглядит особенно трогательно применительно к оплакиваемым от лица матери девушкам или молодым женщинам, оставившим малолетних детей. В плаче И. А. Федосовой по дочери орнитологическая МЗ употребляется неоднократно (стихи 5, 21, 31, 34, 37 и далее) и разворачивается в глагольную метафору в стихах 59–60: «Улетела моя белая лебедушка / На иное безвестное живленьице» [Причитанья..., 1997. С. 104–112, № 8]. В среднекарельском (сегозерском) плаче по замужней дочери [КП, 1996. С. 182, № 98], записанном У. С. Конкка от Марии Антоновны Прохоровой в 1967 г., МЗ «alli» ‘уточка-морянка’ (лат. *Clangus hiemalis*) представлена двукратно с разными эпитетами: «alli aigomazeni» «моя задуманная уточка-моряночка» и «valgie alli vualimazeni» «белая уточка-морянка моя выпестованная».

Образы водоплавающих птиц неотъемлемо включены в мифологические представления в традиционной духовной культуре прибалтийско-финских народов. Лебедь фигурирует в сюжетах героико-мифологических рун калевальской метрики. Для современных реципиентов фольклора, опосредованного для них не только печатной «Калевалой», но и художественным творчеством Финляндии рубежа XIX–XX веков, образ лебедя неотделим от сцены воскрешения Лемминкяйнена его матерью благодаря прославленной картине Аксели Галлен-Каллела (1897, 1903), изображающей водоплавающую птицу загробного царства в отдалении по волнам, увертюре Я. Сибелиуса к «Калевальским оркестровым легендам» (1893–1897), а также поэзии Эйно Лейно (1878–1926), включая драматическую поэму «Туонельский лебедь» (Tuonelan joutsen, 1896–1898) [Рахимова, 2001. С. 152–174]. Изустным источником фабулы послужили варианты руны о поездке Лемминкяйнена-Каукомойнена на пир в Пяйвэлле, которая широко бытовала в период фиксации в Беломорской Карелии, Олонце, Приладожье и финской Северной Карелии. Для дореволюционных беломорскокарельских вариантов наряду с доминирующей сюжетной версией с поединком героя на мече с хозяином на пиру и бегством

после убийства противника выделяется альтернативная. Молодой удалец гибнет в той мифической местности, куда он отправился вопреки советам своей мудрой матери, а та (или жена), разыскав погибшего, пытается пробудить его к жизни. В эпосе Э. Лённрот представил последовательно обе сюжетные версии: по окончательной (1849 г.) редакции песни 13–15 запечатлели сюжет гибели-воскрешения, тогда как в песнях 23–26 повествуется о поездке на пир в Похьоле, завершающейся победоносным поединком и бегством. Глубинная семантическая связь образов Лемминкяйнена, его матери и туонельского лебедя запечатлена в единственном финско-карельском варианте, записанном в 1828 г. Лённротом от Юхана Кайнулайнена из Хумуваары прихода Кесялахти [SKVR VII (1) 823.] Лемминкяйнен гибнет, пытаясь застрелить лебедя на черной реке Туонелы, что было последней из трудных задач при сватовстве к Деве Похьолы. Сами по себе руны с тематикой добывания суженой составляют одну из центральных совокупностей в эпическом репертуаре калевальской метрики. Третья, самая сложная из задач для соискателя может предполагать посещение Туонелы – но с целью не собственно охоты, а рыбной ловли. Заветной добычей является щука, лосось или таймень. Э. С. Киуру доказывает эквивалентность лебедя и щуки по сюжетной функции за счет открывающей руну «Kilpakosinta» – «Состязание в сватовстве» сцены расспросов соперника сестрой жениха. Антагонист пытался ограничиться иносказанием о намерении поехать «на охоту за гус(ын)ями, на смотрины к длинношеим» [Киуру, 1993. С. 28, 86], а эти птицы как объект охоты могли мыслиться как воплощение «девичьей воли», на которую посягает брачными притязаниями жених. В широко бытовавшей в Ингрии лиро-эпической руне «Hanhi kadonnut» – «Пропавшая гусыня» пернатый подарок брата, который по недосмотру Эго найдется уже сваренным в котле, идеализированно описан как чудесное орнитоморфное существо с медными перьями и знаком созвездия Отава – Большой Медведицы. Это позволяет воспринимать улетевшую, касаясь крыльями небосвода, гусыню как аллегория утраченной девичьей воли.

Несмотря на запрет убийства лебедей, подтверждаемый сюжетами фабулатов в сказочной прозе, в необрядовой лирике Эго может высказывать намерение застрелить лебедя. В Приладожье и финской Северной Карелии такое намерение стереотипно в мужских элегиях «Расплата за муки (молоко) маме», например в записи Д. Европеуса из Соткума прихода Липери 1853 г.:

Millä maksan mam [mon] m [aiot],	Чем отплачу молоко маме...
Ammun joutsenen joesta, Virr [asta] vihann [an] I [innun]	Застрелю на реке лебедя, На потоке злую птицу.
	[SKVR VII (2) 2715]

В южнокарельской разновидности эпической традиции выделяется сюжет превращения в чайку (что означает ее символическую гибель) строптивой молодухи мужем-кузнецом Илмойллинемом. В антологии, составленной В. П. Мироновой в 2006 г., он представлен большинством вариантов руны «Hiitolas kozičendu» – «Сватовство в Хийтоле» №№ 10–29. Например, в развязке, записанной Виктором Яковлевичем Евсеевым (1910–1986) в 1936 г. от А. С. Мининой из с. Ангенлахти Пряжинского района [Эпические песни..., 2006. С. 111, № 17]:

160 Siit kaunistu Katerinua	160 Тогда красивую Катерину
laulau seppü kajuakse.	Обернул кузнец чайкой*. <i>Перевод В. П. Мироновой</i>

Поразительно четко выкристаллизованному на фоне общекарельской тенденции к эпической циклизации сюжету сватовства в Хийтоле, самобытно знаковому для олонецкой этнолокальной разновидности «трудных задач при сватовстве», посвящено и диссертационное исследование составительницы антологии. Она справедливо трактует печально-красивую развязку как этиологический миф о происхождении чаек [Миронова, 2011. С. 19].

Инвариантный по отношению к лебедю, гусю (гусыне), утки-чернети и остальным концепт водоплавающей птицы – ключевой в прибалтийско-финской мифологической картине мира. При реконструкции с привлечением языковых и археологических данных зооморфной мифологической картины мира у вепсов, от которых уже не удалось записать рун калевальской метрики, водоплавающим птицам посвящен целый одноименный раздел 1 главы 2 «Птицы» [Винокурова, 2006. С. 48–58]. Чирок-свистунок *tavi*, звукоподражательно именуемый «*tavirzi-jävirs*» в закличках в календарном обряде жертвоприношения творогом в Петров день, должен был обеспечивать плодородность ржи [Там же. С. 50–53]. В средневековых курганах предков современных вепсов имеются украшения, изображающие двуглавого лебедя (по-вепски *d'üusen – lebed'*). Пара лебедей, именуемых хозяином и хозяйкой – *izand* и *emag*, могла восприниматься как тотемистические прародители рода, чем объяснялся запрет их убийства, подкрепляемый фабулатами о бедах, постигших нарушителя табу, например, убийство

в драке вилами брата, застрелившего лебедя [Там же. С. 54–55]. Фабулаты о наказании безвременной кончиной жены за убийство лебедя «*d'out' š'im*» зафиксированы и у карелов-людигов [Lyydiläisiä..., 1963. С. 145–150].

Сравнительное изучение мифологии народов уральской семьи языков показало, что миф об утке-нырке/гагаре как участника акта космогонии представлен в различных разновидностях у почти всех уральцев [Напольских, 1991. С. 62–91, 140–147]. В виде отдельной изустной руны калевальской метрики или фабулы в составе циклизованного сюжета о борьбе за Сампо целиком сохранен прибалтийско-финский космогонический миф о сотворении мироздания, включая перечень небесных светил, из яйца/яиц водоплавающей или иной птицы. Перечень небесных светил с информацией об их происхождении из частей яйца позволяет считать эту руну солярным мифом, особенно значимым для народа, живущего в северных широтах [Рахимова, 1992. С. 36–39]. Водоплавающая птица может являться демиургом, снесшим яйцо мироздания, наравне с орлом или ласточкой-касаткой (что характерно для Ингерманландии и Карельского перешейка). В Беломорской Карелии встречается гусь, как то в записанном в 1829 г. в Суднозере варианте руны о Сампо Василия Лесонена [SKVR I (1) 75]. Вариант, где фигурирует утка-чернеть, записан от знаменитого рунопевца Ийвана Шемейки из Суйстамо в 1893 г. [SKVR VII (1) 18]. Как и в беломорско-карельской этнолокальной версии, но без присутствия той индуцирования фабулы о выковывании и последующем похищении «у заказчицы подрядчиками» волшебного источника изобилия Сампо, руна начинается с ранения Вяйнямейнена стрелой коварного лапландца. На колени упавшего в воду героя, которого семь лет носит по волнам, и откладывает свое золотое яйцо утка-чернеть. Это решение Э. Лённрот использовал в первой руне эпоса [Калева-ла, 1999. С. 5–6]. Выбор утки-чернети на роль орнитоморфного творца мироздания, сносящего яйцо, представляется мне отражающим самое древнее, восходящее к общеуральским истокам, мифологическое представление потому, что чернеть относится к нырковым уткам и способна достать нечто и со дна изначального моря. Для карельских космогонических сюжетов характерны черты или зооморфной (орнитоморфной в случае рождения мира из яйца), или альтернативной антропоморфной моделей «космизации пространства», или их сочетание [Кундозерова, 2013. С. 8–10].

Итак, на примере выкристаллизовавшихся единиц поэтического языка калевальских рун,

использующих орнитологическую символику, выявляется кроссжанровая вариативность и устойчивость этнопоэтических констант и их глубинная смысловая связь с орнитоморфными героико-мифологическими персонажами и их ипостасями.

Работа выполнена по гранту РГНФ 14-04-00334 «Кроссжанровые взаимодействия в изустных калевальских рунах (героико-мифологический эпос и заговоры)».

Литература

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: ПетрГУ; Карельский НЦ РАН, 2006. 448 с., ил., табл.

Зимин В. Б., Ивантер Э. В. Птицы. 3-е изд., испр. и доп. / Серия «Мир животных». Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 288 с.

Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Перев. Эйно Киуру, Армас Мишин. Изд. 2-е. Петрозаводск: Карелия, 1999. 583 с.

Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1976. 534 с. (в тексте – КП).

Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах. К семантике поэтических образов. Петрозаводск.: Карельский НЦ РАН, 1993. 132 с.

Конкка У. С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1992. 296 с., ил.

Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2013. 22 с.

Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 22 с.

Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / Материалы к сер. «Народы СССР». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. М.: Институт этнографии, 1991. 189 с.

Причитанья северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Похоронные причитания. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные..., 1872 / Сост., коммент. К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. 500 с., ил.

References

Epicheskie pesni Yuzhnoi Karelii = Aunuksen karjalazien eepizet pajot [Epic songs of the South Karelia]. Ed., auth. of intr. art., com. and transl. V. P. Mironova. Petrozavodsk: Periodika, 2006. 447 p.

Рахимова Э. Г. Солярные мотивы в карело-финском эпосе // Студенческие научные доклады. Ч. II. Литературоведение. М.: МГУ, 1992. С. 36–39.

Рахимова Э. Г. От «калевальских» изустных рун к неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно. М.: Наследие, 2001. 216 с.

Рахимова Э. Г. Туонельские свечушки: Словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 237 с.

Селиванов Ф. М. Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указ. М.: Наука, 1990. 223 с.

Степанова А. С. Аллитерация в карельских плачах // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте / Отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наука, 1984. С. 127–148.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л.: Наука, 1985. 221 с.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.

Эпические песни Южной Карелии=Aunuksen karjalazien eepizet pajot / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и пер. В. П. Миронова. Петрозаводск: Периодика, 2006. 447 с.

Karjalan kielen sanakirja Viides osa. R–S / Toim. R. Koponen, M. Torikka et al. / Lexica societatis Fenno-Ugricae XVI, 5. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 25. Vammala: Vammalan kirjapaino OY, 1997. 634 s. (В тексте – KKS).

Kuusi M. Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyylikautta / Kalevalaseuran vuosikirja, 37, 1957.

Lyydilläisiä tekstejä. 2 / kerännyt, kääntänyt ja julkaisut Pertti Virtaranta = Lüdische Texte. 2. Helsinki: SUST 130, 1963. 419 s., kuv.

Nagler M. Toward a generative view of the oral formula // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1967. Vol. 98 (XCVIII). P. 269–311.

Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia, Porvoo: WSOY, 1924. 186 s., kuv.

Suomen kansan vanhat runot. 1. Vienan läänin runot. Osa 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Helsinki: SKST; 121, 1, 1908; Osa 2. Kalevala-aineiset kertovaiset runot, muita kertovaisia runoja. Helsinki: SKST 121, 2, 1908 / julkaissut A. R. Niemi (в тексте – SKVR I (1)); Osa 4. Keski-Inkerin runot. 2. Toisinnot Toisinnot 1504–2762 / julkaissut V. Salminen. Helsinki: SKST 140, 2, 1926 (в тексте – SKVR IV (2)); Osa 7. Raja- ja Pohjois-Karjalan runot. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot / Toim. A. R. Niemi, 1929; 2. Muita kertovaisia runoja: Toisinnot 934–1480. Lyyrillisiä lauluja: Toisinnot 1481–3811 / Toim. A. R. Niemi, 1931 (в тексте – SKVR VII).

Поступила в редакцию 24.02.2015

Karel'skie prichitaniya [Karelian laments]. Eds. A. S. Stepanova, T. A. Koski. Petrozavodsk: Kareliya, 1976. 534 p.

Kiuru E. S. Tema dobyvaniya zheny v epicheskikh runakh. K semantike poeticheskikh obrazov [Wife-gaining theme in epic runes. To the semantics of poetic images]. Petrozavodsk.: KarRC of RAS, 1993. 132 p.

Konkka U. S. Poeziya pechali: Karel'skie obryadovye plachi [Poetry of sorrow: Karelian ceremonial laments]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 1992. 296 p., il.

Kundozerova M. V. Kontsept mirozdaniya v karel'skikh epicheskikh pesnyakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The concept of world creation in Karelian epic songs. Abstract of Ph. D. thesis, philology]. Petrozavodsk, 2013. 22 p.

Mironova V. P. Syuzhet o svatovstve v mificheskoi strane Khiitola v kontekste karel'skoi epicheskoi traditsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Matchmaking topic in mythical land Khiitola in the context of Karelian epic tradition. Abst. of Ph. D. thesis, philol.]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2011. 22 p.

Napol'skikh V. V. Drevneishie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoi yazykovoi sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif). Materialy k ser. «Narody SSSR». Vyp. 5. Narody ural'skoi yazykovoi sem'i [Ancient stages of ethnogeny of the Uralic language family. Mythological reconstruction (pre-Uralic cosmogonic myth). Materials for the series «Nations of the USSR». Iss. 5. Nations of the Uralic language family]. Moscow: Institut etnografii, 1991. 189 p.

Prichitan'ya severnogo kraya, sobrannye E. V. Barsovym. T. 1. Pokhoronnye prichitaniya. Ch. I. Plachi pokhoronnye, nadgrobnnye i nadmogil'nye..., 1872 [Lamentations of the Northern region collected by E. V. Barsov. Vol. 1. Funeral laments. P. 1. Funeral, over the tomb and grave laments, 1872]. Ed. and prep. for publ. by K. V. Chistov. St. Petersburg: Nauka, 1997. 500 p., il.

Rakhimova E. G. Ot «kaleval'skikh» izustnykh run k neoromanticheskoi mifopoetike Eino Leino [From the Kalevala oral runes to neoromantic mythopoetics of Eino Leino]. Moscow: Nasledie, 2001. 216 p.

Rakhimova E. G. Solyarnye motivy v karelo-finskoi epose [Solar motifs in the Karelo-Finnish epos]. Studentcheskie nauchnye doklady. Ch. II. Literaturovedenie [Student reports. P. 2. Literature studies]. Moscow: MGU, 1992. P. 36–39.

Rakhimova E. G. Tuonel'skie svechushki: Slovesnaya izobrazitel'nost' karelo-finskikh prichitanii po pokoinym [Tuonela candles: verbal pictorialism in Karelo-Finnish funeral laments over the dead]. Moscow: IMLI RAN, 2010. 237 p.

Selivanov F. M. Khudozhestvennye sravneniya russkogo pesennogo eposa: Sistemacheskii ukaz [Literary

similes of Russian oral epos: systematic decree]. Moscow: Nauka, 1990. 223 p.

Stepanova A. S. Alliteratsiya v karel'skikh plachakh [Alliteration in Karelian laments]. Fol'klor: Obraz i poeticheskoe slovo v kontekste [Folklore: Image and poetic word in the context]. Ed. V. M. Gatsak. Moscow: Nauka, 1984. P. 127–148.

Stepanova A. S. Metaforicheskii mir karel'skikh prichitanii [Metaphorical world of Karelian laments]. Leningrad: Nauka, 1985. 221 p.

Stepanova A. S. Tolkovyi slovar' yazyka karel'skikh prichitanii [Explanatory dictionary of Karelian laments]. Petrozavodsk: Periodika, 2004. 304 p.

Vinokurova I. Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the traditional worldview of Vepsians (reconstruction experience)]. Petrozavodsk: PetrGU; KarRC of RAS, 2006. 448 p., il., tabl.

Zimin V. B., Ivanter E. V. Ptitsy. 3-e izd., ispr. i dop. Seriya «Mir zhivotnykh» [Birds. 3rd ed., rev. ed. Ser. «World of animals»]. Petrozavodsk: PetrGU, 2002. 288 p.

Karjalan kielen sanakirja Viides osa. R–S / Toim. R. Koponen, M. Torikka et al. / Lexica societatis Fenno-Ugricae XVI, 5. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 25. Vammala: Vammalan kirjapaino OY, 1997. 634 s. (in text – KKS).

Kuusi M. Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyylikautta / Kalevalaseuran vuosikirja, 37, 1957.

Lyydilläisiä tekstejä. 2 / kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta = Lüdische Texte. 2. Helsinki: SUST 130, 1963. 419 s., kuv.

Nagler M. Toward a generative view of the oral formula. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1967. Vol. 98 (XCVIII). P. 269–311.

Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia, Porvoo: WSOY, 1924. 186 s., kuv.

Suomen kansan vanhat runot. 1. Vienen läänin runot. Osa 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Helsinki: SKST; 121, 1, 1908; Osa 2. Kalevala-aineiset kertovaiset runot, muita kertovaisia runoja. Helsinki: SKST 121, 2, 1908. / julkaissut A. R. Niemi (in text – SKVR I. (1)); Osa 4. Keski-Inkerin runot. 2. Toisinnot Toisinnot 1504–2762 / julkaissut V. Salminen. Helsinki: SKST 140, 2, 1926 (in text – SKVR IV (2)); Osa 7. Raja- ja Pohjois-Karjalan runot. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot / Toim. A. R. Niemi, 1929.; 2. Muita kertovaisia runoja: Toisinnot 934–1480. Lyrillisiä lauluja: Toisinnot 1481–3811 / Toim. A. R. Niemi, 1931 (in text – SKVR VII).

Received February 24, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Рахимова Элина Гансовна

старший научный сотрудник, к. фил. н.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
ул. Поварская, 25а, Москва, Россия, 121069
эл. почта: elina.rahimowa@yandex.ru
тел.: +79166082781

CONTRIBUTOR:

Rakhimova, Elina

Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya St., 121069 Moscow, Russia
e-mail: elina.rahimowa@yandex.ru
tel.: +79166082781

УДК 811.511.13#373:551.5

ОБОЗНАЧЕНИЯ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СОСТАВЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Н. Ракин

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Метеорологическая лексика любого естественного языка не однородна по своему составу. В ней условно можно разграничить следующие основные компоненты: общесистемные обозначения (атмосфера, воздух, климат, погода), обозначения состояния атмосферы (тепло, холодно, прохладно, сыро, сухо, ясно), названия атмосферных явлений (гром, молния, заря, радуга, марево, туман), названия атмосферных осадков (дождь, морось, ливень, роса, снег, крупа, град, иней), названия ветров (ветер, буря, вихрь, метель). Статья представляет собой лингвистический анализ названий атмосферных явлений в трех близкородственных языках – коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском. Основу системы метеонимов составляет исконный фонд названий, состоящий из лексических единиц древнего и позднего происхождения. К числу древних метеонимов относятся прафинно-угорские, прапермские и пракоми обозначения. Образования более позднего периода возникли в каждом из трех рассматриваемых языков самостоятельно и представляют собой специфическую часть словарного состава. Иноязычный компонент, отсутствующий в группе коми-зырянских названий, начинает формироваться в прапермскую эпоху. Поздние заимствования проникают из трех внешних источников – русского, тюркского и марийского.

Ключевые слова: пермские языки; метеорологическая лексика; названия атмосферных явлений; исконные обозначения; заимствования.

N. Rakin. DESIGNATIONS OF THE ATMOSPHERIC PHENOMENA IN THE STRUCTURE OF METEOROLOGICAL VOCABULARY OF THE PERMIAN LANGUAGES

The meteorological vocabulary of any natural language is not homogeneous in its structure. We can conditionally differentiate the following basic components: general-system designations (atmosphere, air, climate, weather), designations of atmospheric condition (it is warm, cold, cool, damp, dry, clear), names of the atmospheric phenomena (thunder, lightning, dawn, rainbow, haze, fog), names of atmospheric precipitations (rain, drizzle, downpour, dew, snow, sleet, hail, hoarfrost), and names of winds (wind, storm, whirlwind, snowstorm). The paper contains a linguistic analysis of the names of atmospheric phenomena in three closely related languages – Komi-Zyryan, Komi-Permyak and Udmurt. The basis of the metonym system is formed by the primordial fund of names consisting of lexical units of ancient and late origin. Parent-Finno-Ugrian, parent-Permian and parent-Komi designations refer to the ancient metonyms. Formations of the later period have arisen in each of the three languages independently and represent a specific part of the vocabulary structure. The other-language component, which is absent in the group of Komi-Zyryan names, started to form in the parent-Permian epoch. Later borrowings come from the three external sources – Russian, Turkic and Mari.

Метеорологическая лексика представляет собой самостоятельную систему, имеющую свою структурную организацию и обладающую конкретным набором номинативных единиц. Она предназначена для обозначения околоземного атмосферного пространства, происходящих в нем процессов и явлений, связана с наблюдениями за погодными условиями, передвижением воздушных масс, за выпадением осадков, оказывающих непосредственное влияние на состояние природы, на жизнь и деятельность человека.

Данная работа посвящена лингвистическому анализу одного из пяти компонентов метеорологической лексики пермских языков – названиям атмосферных явлений. Общий корпус данной группы названий в исследуемых нами литературных языках состоит из 177 лексических единиц, 72 из них принадлежат удмуртскому языку, 57 – коми-зырянскому и 48 – коми-пермяцкому. Коми-зырянские названия относятся к 35 объектам номинации (далее ОН), удмуртские – к 27, коми-пермяцкие – к 27. Численная разница по данному показателю обусловлена тем, что, например, в удмуртских лексикографических источниках отсутствуют названия для следующих объектов номинации: *облачность сплошная, слоистые облака, линейная молния, венец, сумерки утренние, сумерки вечерние, градовая туча, гало*. А в коми-пермяцких словарях нет названий для таких атмосферных явлений, как *слоистые облака, северное сияние, гало, гало солнечное, гало лунное, венец, сполохи, дымка*.

Статистические данные также показывают, что количество объектов номинации в изучаемой сфере и количество названий, предназначенных для их обозначения, во всех пермских языках не совпадает. Это объясняется прежде всего тем, что в речевой практике для одного и того же обозначаемого часто используется не одно, а несколько названий. Например, следующие ОН имеют по две и более номинативные единицы – *северное сияние* – кз. 1) *востым*, 2) *вой кья*, *раскаты грома* – кз. 1) *гым шы*, 2) *гымлӧн муркйӧдлӧм*; *перистые облака* – кп. 1) *бордья кымӧррез*, 2) *потшша кымӧррез, сумерки* – кп. 1) *пемдандор*, 2) *югдандор*; *туча* – удм. 1) *пилем*, 2) *сьӧд пилем, солнечное гало* – 1) *шунды кенер*, 2) *шундыугы* и т. д. Объекты номинации с четырьмя обозначениями: *туча* – кз. 1) *кымӧр*, 2) *йидж*, 3) *пив*, 4) *сьӧд кымӧр*; *грозовая туча* – кп. 1) *вирдалан кымӧр*, 2) *гыма*

кымӧр, 3) *гымалан кымӧр*, 4) *гым кымӧр*; *радуга* – удм. 1) *вупукран*, 2) *вуюись*, 3) *вуюисьпукран*, 4) *вукарнан* и т. д. Имеются также примеры, где это соотношение выглядит как один к пяти–восемь: *грозовая туча* – кз. 1) *гыма-чарда кымӧр*, 2) *ыньялан кымӧр*, 3) *гыма кымӧр*, 4) *гымалан кымӧр*, 5) *кунӧр*; *молния* – кп. 1) *вирд*, 2) *вирдалан*, 3) *вирдыш*, 4) *чардби*, 5) *чариз*; *зарница* – удм. 1) *ворекъям*, 2) *воректэм*, 3) *заринча*, 4) *инворекъян*, 5) *инзारेкъян*, 6) *иншудон*, 7) *чилектэм*, 8) *чилекъям* и т. д.

С другой стороны, определенное количество названий являются полисемантическими наименованиями, относящимися к различным объектам номинации: кз. *кымӧр* – 1) *облако*, 2) *туча*, *востым* – 1) *зарница*, 2) *северное сияние*, 3) *сполохи*; кп. *чарлалӧм* – 1) *гроза*, 2) *гром*, *кымӧр* – 1) *облако*, 2) *туча*; удм. *гудырьян* – 1) *гроза*, 2) *гром*, *пилем* – 1) *облако*, 2) *туча*, *инворекъян* – 1) *зарница*, 2) *северное сияние*, 3) *сполохи* и т. д.

Основная масса рассматриваемых нами названий атмосферных явлений имеет широкую сферу распространения – употребляется как в книжно-письменной форме, так и в территориальных разновидностях пермских языков: кз. *гым* «гром», *гымньӧв* «молния», *кунӧр* «грозовая туча», *кья* «заря», *ру* «туман», *рӧмыд* «сумерки»; кп. *енӧшка* «радуга», *кымӧр* «облако; туча», *сынӧд* «mareво», *чардби* «молния», удм. *вуюись* «радуга», *гудыри* «гром», *пилем* «облако; туча» и т. д. Наряду с названиями атмосферных явлений, имеющих повсеместное распространение, в нормативных словарях пермских языков содержатся также диалектизмы. Данная группа обозначений состоит: из четырех кз. слов (*ен мегыр* диал. «радуга», *кымыш* диал. «облачность», *онь* диал. «туман», *пив* диал. «туча; облако»), из восьми удм. слов (*вупукран* диал. «радуга», *инкӧльы* диал. «шаровая молния», *ингорд* диал. «северное сияние», *тутыра* диал. «туман, дымка» и т. д.), из пяти кп. слов (*гым* лев. «гром», *кыла* усол. «заря», *паграс* сев. «облако; туча», *чардой* диал. «удар молнии, грозовой заряд», *чариз* диал. «молния»). К лексике ограниченного употребления в коми-пермяцком языке относятся также названия атмосферных явлений, квалифицируемые как устаревшие слова или содержащиеся лишь в отдельных лексикографических источниках: *вирдалан* уст. «молния» [КПРС, 1985. С. 75], *вирд* Рог. «молния» [КПРС, 1985. С. 75], *чяр* «гром» [Рогов, 2006. С. 237], *югдандор* Поп.

«утренняя заря» [КПРС, 1985. С. 587], *вирдыш* Поп. Чеч. «молния» [КПРС, 1985. С. 75].

Метеорологическая лексика пермских языков складывалась в течение многих тысячелетий. Как и в других отраслях словарного состава, здесь различаются древний и поздний диахронические пласты. В составе названий атмосферных явлений к древнему фонду относятся обозначения прафинно-угорского, общепермского и пракоми происхождения. Названия прауральского и прафинно-пермского периода здесь отсутствуют, хотя в других разрядах метеорологической лексики они имеются, например, кз. *гыӧр* «иней», кп. *гыӧр* «тж», удм. *гӧр* «тж» < ур. *kura «иней, мелкий снег» [Rédei, 1988. С. 215], кз. *лым* «снег», кп. *лым* «тж», удм. *лымы* «тж» < ф.-п. *lume «снег» [Rédei, 1988, С. 253], кз. *тӧв* «ветер», кп. *тӧв* «тж», удм. *тӧл* «тж» < ф.-п. *tule «ветер» [Rédei, 1988. С. 800], кз. *шоньд* «тепло», кп. *шоньт* «тж», удм. *шуньт* «тж» < ф.-п. *šonз «теплый» [Rédei, 1988. С. 787] и т. д.

I. Самыми древними названиями атмосферных явлений, таким образом, являются слова, унаследованные из финно-угорского праязыка. Особенность данной группы обозначений заключается в том, что они имеют генетические соответствия не только в пермских, но и в большинстве современных финно-угорских языков:

1) кз. *кыа* «заря», кп. *кыа* «тж», ф. *кои* «заря; рассвет», манс. *khuj* «утренняя заря», венг. *hajnal* «рассвет; заря» < ф.-у. *koje «утренняя заря» [Rédei, 1988. С. 162];

2) кз. *кымӧр* «облако», кп. *кымӧр* «тж», эрз. *ковол* «туча», ф. *kuturi* «маленькое облако» < ф.-у. *kutыз «облако; туча» [Rédei, 1988. С. 204];

3) кз. *пив* «туча; облако», удм. *пилем* «тж», мар. *пыл* «облако», эрз. *пель* «тж», ф. *pilvi* «тж», саам. *polva* «тж», хант. *paləŋ* «тж», венг. *felhő* «тж» < ф.-у. *pilwe «облако, туча» [Rédei, 1988. С. 381];

4) кз. *ру* «туман», кп. *ру* «воздух», удм. *жу* «раскаленные (горящие) угли», хант. *rut* «пар, туман», манс. *peg* «жар» < ф.-у. **rats (rotз)* «пар, дым, туман» [Rédei, 1988. С. 420; КЭСК, 1999. С. 244];

5) кз. *сынӧд* «марево; воздух», кп. *сынӧт* «марево», ф. *sää* «погода», венг. *ég* «небо; воздух» < ф.-у. *säŋe «воздух» [Rédei, 1988. С. 435];

6) кз. *чард* «молния», кп. *чар* «громовой удар», удм. *чар* – звукоподражание треску разрывающейся материи, эрз. *цяр* «удар грома», венг. *csörög* «трещать», саам. *čærggot* «греметь», манс. *siryenti* «шуметь» < ф.-у. **č'arз* [КЭСК, 1999. С. 302].

Исходя из рассмотренных выше слов финно-угорского происхождения можно сделать вывод о том, что в некоторых случаях генетические соответствия имеются не во всех трех современных пермских языках. Так, в удмуртском языке отсутствуют соответствующие названия для таких ОН, как заря (ср. кз. кп. *кыа*), облако (ср. кз. кп. *кымӧр*), марево (ср. кз. *сынӧд*, кп. *сынӧт*), а в коми-пермяцком языке не употребляется генетическое соответствие для кз. *пив* и удм. *пилем* «облако; туча». Для следующих примеров соответствия имеются, но они к метеорологической лексике не относятся: удм. *жу* «раскаленные (горящие) угли» (ср. кз. *ру* «туман», кп. *ру* «воздух»); удм. *чар* – звукоподражание треску разрывающейся материи (ср. кз. *чард* «молния», кп. *чар* «громовой удар»).

II. Обозначения общепермского происхождения восходят к прапермскому языку-основе. Употребляются они только в современных пермских языках, в дальнеродственных языках генетических соответствий не имеют. В современных пермских языках группа названий метеорологических явлений прапермской эпохи состоит из четырех слов: кз. *рӧмыд* «сумерки», кп. *рӧмдандор* «время перед сумерками», удм. *жомьт* «полусумерки», удм. *бус* «туман». Для этих обозначений реконструируются две праформы: общеп. *rómit «сумерки» [КЭСК, 1999. С. 244], общеп. *bus «туман» [КЭСК, 1999. С. 42]. Последнее слово сопоставляют с примерами в тюркских языках (чув. *pus* «пар», чаг. *bus* «туман») и считают древнебулгарским заимствованием [см. КЭСК, 1999. С. 42; ЭСУЯ, 1988. С. 212]. Употребляющееся в коми-зырянском и коми-пермяцком языках слово *бус* «пыль», этимологически связанное с удмуртским обозначением тумана, к метеорологической лексике не относится.

III. Обозначения атмосферных явлений пракоми периода. Эта группа древних названий характеризуется тем, что ее формирование происходило после распада прапермской языковой общности, в период существования пракоми языка до образования на его основе двух самостоятельных языков – коми-зырянского и коми-пермяцкого. Поэтому функционирование данного разряда обозначений не выходит за пределы этих двух языков:

кз. *асья кыа* «утренняя заря» [КРК, 2000. С. 325], кп. *асья кыа* «тж» [КПРС, 1985. С. 207];

кз. *гым* «гром» [КРК, 2000. С. 167], кп. *гым* «тж» [КПРС, 1985. С. 111];

кз. *гыма кымӧр* «грозовая туча» [КРК 2000. С. 167], кп. *гыма кымӧр* «тж» [КПРС, 1985. С. 111];

кз. *гымньёв* «молния» [КРК 2000. С. 167], кп. *гым ньёл* «молния» [КПРС, 1985. С. 111];

кз. *онь* «туман» [КРК, 2000. С. 458] < прак. **оп'* «туман» [КЭСК, 1999. С. 205]. В современном коми-пермяцком языке исконное обозначение отсутствует, вместо него употребляется заимствование из русского языка *туман* [КПРС, 1985. С. 493];

кз. *сьод кымөр* «туча» [КРК, 2000. С. 332], кп. *сьод кымөр* «тж» [КПРС, 1985. С. 211];

кз. *чардби* «молния» [КРК, 2000. С. 696], кп. *чардби* «тж» [КПРС, 1985. С. 527];

кз. *шера кымөр* «градовая туча» [КРК, 2000. С. 731], кп. *шера кымөр* «тж» [КПРС, 1985. С. 559];

кз. *юра кымөр* «кучевое облако» [КРК, 2000. С. 332], кп. *юра кымөр* «тж» [КПРС, 1985. С. 590].

Пракоми лексика генетических параллелей в удмуртском языке не имеет, вместо них там употребляются свои собственно удмуртские обозначения, например, прак. *gũt «гром» – удм. *гудыри* «гром» [УРС, 1983. С. 114], прак. **č'ard-bi* «молния» – удм. *чилектэм* «молния» [РУС, 1951. С. 457], прак. *asja-kúa «утренняя заря» – удм. *č'укна žардэм* «утренняя заря» [УРС, 1983. С. 488], прак. *jura-kúteg «кучевое облако» – удм. *бабылес пилем* «кучевое облако» [УРС, 2008. С. 525] и т. д.

VI. Хронологически самый поздний слой в составе метеорологической лексики составляют собственно коми-зырянские, собственно коми-пермяцкие и собственно удмуртские обозначения. Эти три части названий атмосферных явлений сформировались в каждом из трех пермских языков самостоятельно и кроме их носителей больше никем не употребляются. В количественном отношении данная категория названий исследуемой лексики значительно превосходит все рассмотренные выше группы, она состоит из 40 названий в коми-зырянском языке, из 67 названий в удмуртском языке и из 34 названий в коми-пермяцком языке. Примеры собственно коми-зырянских названий: *востым* «зарница; северное сияние», *востымасьём* «сполохи», *йидж* «туча на месте захода солнца», *кепысь* «венец», *кунёр* «грозовая туча; буря», *ошка-мёшка* «радуга» и т. д. Примеры собственно удмуртских названий: *воректэм* «зарница», *гудыри* «гром», *гудырикёлы* «шаровая молния», *žардон* «заря», *č'ын-кыт* «марево; дымка», *шундыугы* «солнечное гало» и т. д. Примеры собственно коми-пермяцких названий: *асыв югөр* «утренняя заря», *енёшка* «радуга», *чарлалём* «гроза», *чарньёв* «удар молнии, грозовой заряд», *югөр* «заря» и т. д.

Если названия атмосферных явлений древнего происхождения, как правило, являются одночленными лексическими единицами, то многие обозначения, возникшие в период самостоятельного существования пермских языков, представляют собой композиты или составные конструкции: кз. *гым-чард* «гроза», *ошка-мёшка* «радуга», *визя чардби* «линейная молния», *корсюрё кымрасьём* «переменная облачность», *сяр кодь чардби* «шаровая молния»; кп. *енёшка* «радуга», *чарньёв* «удар молнии», *асыв югөр* «утренняя заря», *зэран кымөр* «дождевое облако»; удм. *вукарнан* «радуга», *инльоль* «заря», *люко-люко пилемьёс* «перистые облака», *сьод пилем* «туча», *гыдурьяса-чилекьяса зороно пилем* «грозовая туча», *тыло тусо пилемьёс* «перистые облака» и т. д.

Смысловое содержание многих составных обозначений понятно и обычно непосредственно связано с соответствующим признаком номинации: кз. *вой кыа* «северное сияние», букв. северная заря, *ен мегыр* «радуга», букв. небесная дуга, *гы шера кымөр* «перистое облако», букв. волнообразное облако, кп. *борда кымёррез* «перистые облака», букв. крылатые облака, *шар кодь чардби* «шаровая молния», букв. похожая на шар молния, удм. *иншудон* «зарница», букв. небесная игра, *сьод пилем* «туча», букв. черное облако, *толэзь кенер* «лунное гало», букв. ограда луны и т. д. Во многих случаях подобного рода названия, являясь метафорическими обозначениями, образно выражают обозначаемое понятие: кз. *кепысь* «венец», букв. рукавица, варежка, кп. *чарньёв* «грозовой заряд», букв. стрела молнии, удм. *вукарнан* «радуга», букв. водяное коромысло, *вуюись* «радуга», букв. пьющий воду, *шундыугы* «солнечное гало», букв. серьга солнца и т. д.

В составе собственно удмуртских и коми-пермяцких названий наряду с исконной частью имеются также заимствования. В системе обозначений атмосферных явлений слова иноязычного происхождения составляют незначительную долю – в коми-пермяцком языке употребляется четыре заимствования, в удмуртском – шесть заимствований.

Не исконная часть коми-пермяцких названий атмосферных явлений состоит из следующих слов:

1) *заря* «заря» [КПРС, 1985. С. 147] < рус., ср. *заря* «яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца» [СРЯ-1, 1981. С. 568];

2) *паграс* сев. «облако; туча» [КПРС, 1985. С. 313] < рус., ср. *пагроза* «небольшая гроза, грозка» [Даль, 1990. С. 6];

3) *радуга* «радуга» [КПРС, 1985. С. 397] < рус., ср. *радуга* «разноцветная полоса на небе, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях» [СРЯ, 1983. С. 581];

4) *туман* «туман» [КПРС, 1985. С. 493] < рус., ср. *туман* «скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающих воздух непрозрачным» [СРЯ, 1984. С. 425].

Не исконная часть удмуртских названий атмосферных явлений состоит из заимствований трех типов.

1. Названия тюркского происхождения:

1) *акшан* «сумерки» [УРС, 1983. С. 26] < тюрк., ср. тат. *акшам* «вечер; сумерки» [ЭСУЯ, 1988. С. 72];

2) *решо* «маревое; дымка» [УРС, 1983. С. 378] < тюрк., ср. тат. *рәшә* «маревое» [ТРС, 1966. С. 456];

3) *өрешо* «сизая дымка; маревое» [УРС, 1983. С. 326] < тюрк., ср. тат. *рәшә* «маревое» [ТРС, 1966. С. 456].

2. Названия русского происхождения:

1) *заринча* «зарница» [УРС, 2008. С. 226] < рус., ср. *зарница* «мгновенная световая вспышка без грома на небосклоне ночью или вечером – отблеск далекой грозы» [СРЯ, 1981. С. 566]. Изменение внешней формы исходного слова в удмуртском языке произошло, вероятно, в результате метатезы при заимствовании;

2) *северной сияние* «северное сияние» [РУС, 1956. С. 1006] < рус., ср. *северное сияние* «свечение верхних слоев атмосферы, наблюдаемое в приполярных областях и вызываемое действием потоков частиц, вторгающихся в атмосферу из космоса» [СРЯ, 1984. С. 100].

3. Названия марийского происхождения:

тутьра «туман; дымка» [УРС, 2008. С. 666] < мар., ср. *тўтыра* «туман» [МРС, 1991. С. 354].

Следует отметить, что рассмотренные нами заимствования содержатся в нормативных словарях современных пермских языков и в большинстве случаев дублируют исконные названия, ср. кп. *кыа* «заря», *енёшка* «радуга»; удм. *жомыт* «сумерки», *чынкыт* «маревое», *ворекъян* «зарница», *ин пёртмаськон* «северное сияние».

Таким образом, система названий атмосферных явлений в современных трех пермских литературных языках имеет древние истоки. Ее основу составляют исконные лексические единицы прафинно-угорского, прапермского, пракоми происхождения, а также возникшие в более поздние эпохи. Иноязычный компонент, отсутствующий в составе коми-зырянских

названий, начинает формироваться в прапермскую эпоху. Самое раннее заимствование древнебулгарского происхождения с метеорологическим значением сейчас употребляется только в удмуртском языке. Поздние заимствования проникают из трех внешних источников. Названия русского происхождения, также занимающие небольшой удельный вес, имеются в обоих южных пермских языках. В удмуртском языке кроме них употребляются обозначения атмосферных явлений, перешедших из соседних тюркских языков, и одно марийское заимствование. Отличительные особенности рассмотренной лексической системы современных пермских языков, которые различают их друг от друга, связаны с собственно коми-зырянскими, собственно коми-пермяцкими и собственно удмуртскими названиями атмосферных явлений, возникновение и развитие которых происходило в каждом из трех близкородственных языков самостоятельно.

Сокращения

Венг. – венгерский язык, диал. – диалектное слово, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, лев. – левичанский говор коми-пермяцкого языка, манс. – мансийский язык, мар. – марийский язык, общеп. – общепермский язык-основа, прак. – пракоми язык, рус. – русский язык, саам. – саамский язык, сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка, тюрк. – тюркские языки, удм. – удмуртский язык, усол. – усольский говор коми-пермяцкого языка, ур. – уральский праязык, уст. – устаревшее слово, ф. – финский язык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык, хант. – хантыйский язык, чаг. – чагадайский язык, чув. – чувашский язык, эрз. – эрзянский язык.

Литература

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1990. Т. 3. 555 с.

Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 624 с. (в тексте – КПРС).

Коми-роч кывчукёр. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. 816 с. (в тексте – КРК).

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. 430 с. (в тексте – КЭСК).

Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 512 с. (в тексте – МРС).

Рогов Н. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2006. 430 с.

Русско-удмуртский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1360 с. (в тексте – РУС).

Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. 689 с. (в тексте – СРЯ).
Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1983. Т. 3. 752 с. (в тексте – СРЯ).
Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4. 794 с. (в тексте – СРЯ).
Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. 863 с. (в тексте – ТРС).
Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983. 592 с. (в тексте – УРС).

Удмуртско-русский словарь. Ижевск: РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с. (в тексте – УРС).
Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. 240 с. (в тексте – ЭСУЯ).
Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, Akademiai Kiado, 1988. Band 1–2. 906 s.

Поступила в редакцию 31.03.2015

References

Dal' V. Tolkoviĭ slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] Moscow: Rus. yaz., 1990. Vol. 3. 555 p.
Etimologicheskii slovar' udmurtskogo yazyka [Etymological dictionary of the Udmurt language]. Izhevsk: NII pri SM UASSR, 1988. 240 p. (in text – ESUYa).
Komi-pemryatsko-russkii slovar' [Komi-Permian-Russian dictionary]. Moscow: Rus. yaz., 1985. 624 p. (in text – KPRS).
Komi-roch kyvchukör. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 816 p. (in text – KRK).
Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [Concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1999. 430 p. (in text – KESK).
Mariisko-russkii slovar' [Mari-Russian dictionary]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 512 p. (in text – MRS).
Rogov N. Permyatsko-russkii i russko-permyatskii slovar' [Permian-Russian and Russian-Permian dictionary]. Kudymkar: Komi-Permyatskoe kn. izd-vo, 2006. 430 p.

Russko-udmurtskii slovar' [Russian-Udmurt dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1956. 1360 p. (in text – RUS).
Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Ed. A. P. Evgen'evoi. Moscow: Rus. yaz., 1981. Vol. 1. 689 p. (in text – SRYa).
Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Ed. A. P. Evgen'evoi. Moscow: Rus. yaz., 1983. Vol. 3. 752 p. (in text – SRYa).
Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Ed. A. P. Evgen'evoi. Moscow: Rus. yaz., 1984. Vol. 4. 794 p. (in text – SRYa).
Tatarsko-russkii slovar' [Tatar-Russian dictionary]. Moscow: Sov. entsikl., 1966. 863 p. (in text – TRS).
Udmurtsko-russkii slovar' [Udmurt-Russian dictionary]. Moscow: Rus. yaz., 1983. 592 p. (in text – URS).
Udmurtsko-russkii slovar' [Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: RAN. UrO. Udm. in-t IYaL, 2008. 925 p. (in text – URS).
Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, Akademiai Kiado, 1988. Band 1–2. 906 s.

Received March 31, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ракин Анатолий Николаевич
главный науч. сотрудник, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар,
Республика Коми, Россия, 167982
эл. почта: anatolij.rakin@mail.ru
тел.: (8212) 246614

CONTRIBUTOR:

Rakin, Anatoly
Institute of Language, Literature and History
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
26 Kommunisticheskaya St., 167982 Syktyvkar,
Komi Republic, Russia
e-mail: anatolij.rakin@mail.ru
tel.: (8212) 246614

УДК 811.511.131'37

ПОНЯТИЯ УШЪЯН И КУРЛАН В УДМУРТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Т. Р. Душенкова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

В статье рассматриваются понятия *ушъян* и *курлан*, которые наиболее ярко выражают роль общественного мнения – одного из социально-психологических механизмов, непосредственно воздействовавшего на каждого общинника. Традиционно роль коллективного осуждения и одобрения брала на себя *община* во всех своих ипостасях – социальных институтах. Когда поведение человека выходило за рамки общепринятых норм и понятий, реакция близких, родных, друзей была однозначной: *Мар калык (бускельёс, пересьёс) шуозы? – Что люди (соседи, старики) скажут?* Поэтому детей с малых лет приучали к скромности, вежливости, послушанию и долготерпению. Сельский житель целиком и полностью зависел от природных и климатических условий, поэтому помощь общины в выполнении разных видов сельскохозяйственных работ была просто необходима. Отсюда и такая зависимость от общественного мнения и аграрного мышления.

Есть одна парадоксальная черта мышления народа. С одной стороны, выделяться было нельзя, ибо могло повлечь за собой зависть, сглаз и даже осуждение, поэтому требовалось во всем соблюдать меру – *эсэл*. С другой стороны, каждый хотел, чтобы урожай и скотина уродились на зависть, ребенок вырос достойный восхищения и похвалы. Языковой материал дает интереснейшие примеры подобного мышления, а также стереотипов и норм поведения. В современных условиях города коллективное осуждение и одобрение несколько теряют свои функции. Но так уж устроена человеческая психика, что независимо от того, в каком времени и государстве мы живем, нам очень важно одобрение со стороны окружающих и крайне нежелательно осуждение.

Ключевые слова: аграрное общество; коллективное (языковое) сознание; осуждение; одобрение; концепты *ушъян* и *курлан*.

T. R. Dushenkova. THE CONCEPTS *USH'YAN* AND *KURLAN* IN UDMURT LINGUOCULTURE: THE PHENOMENON OF PUBLIC OPINION

The article discusses the concepts *ush'yan* and *kurlan* which express the role of public opinion in the most prominent way as a socio-psychological mechanism of direct influence on each member of the community. Collective disapproval and approval was traditionally performed by *the community* in all of its hypostases including social institutions. When one's behavior went beyond generally accepted rules and customaries, the reaction of relatives, family and friends was unanimous: *Mar kalyk (buskel'es, peres'es) shuozy? – What will people (neighbors, the elderly) say?* Therefore children were taught to be modest, polite, obedient and patient from an early age. A rural dweller entirely depended on natural and climatic conditions, thus the help of the community in various agricultural works was essential. Consequently there was a heavy reliance on public opinion and agrarian thinking.

One paradoxical feature of people's way of thinking is noted. On the one hand, one should not stand out since it could result in envy, evil eye, and even dispraise, therefore one should know where to draw the line – *esep*. On the other hand, every one wanted to have abundant harvest and cattle, and a child worth admiration and praise. Language material contains the most curious examples of such mentality, as well as stereotypes and norms of behavior. In modern city life collective approval and disapproval tends to fade. Nevertheless, despite the historical period and country of residence, human mentality is constructed in such a way that we long for public approval and try to elude disapproval.

Key words: agrarian society; collective (linguistic) mentality; disapproval; approval; concepts *ush'yan* and *kurlan*.

Для традиционного удмуртского общества характерно коллективное аграрное мышление, что связано с природными и исторически сложившимися факторами. Поэтому для удмуртов до сих пор так важна общественная, коллективная поддержка – *ушьян* и чрезвычайно «опасно» осуждение – *курлан*. В удмуртской культуре глубоко заложена зависимость от общественного мнения. Даже небольшая поддержка, одобрение или похвала окрыляют и воодушевляют, а осуждение может размотать, уничтожить человека (*Ушьян бурдъятэ, курлан зйбе/паньгатэ*). Особенно это важно для удмурта, который работает в национальном коллективе, где помимо корпоративных и личных отношений действуют элементы «общинного». Субординация в отношении старших и высших по званию работает безукоризненно. Безусловно, что общественное мнение – это общечеловеческое явление, но в разных культурах оно имеет свои особенности, а язык их сохраняет.

Общественное мнение – один из социально-психологических механизмов, который непосредственно воздействовал на каждого общинника. Известный удмуртский этнограф В. Е. Владыкин отмечает, что «удмурты чрезвычайно дорожили своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников. Очень многое значило, «что люди говорят», «что сказали», «что подумают», общественное мнение часто бывает высшей инстанцией, его «приговор» выдерживали не все, он мог привести даже к смертельному исходу. Поэтому так заботились уберечь себя «от сверху летящего, снизу ползущего слова», «от неверного слова», «от недоброго глаза», «от проклятий-напастей», достичь этого – значит, быть счастливым. Получит в своем социальном окружении титул *йоскадь адями* 'настоящий человек', и тогда пусть «во всех краях от восхода до захода солнца слышащий да обо мне услышит, видящий да меня заметит»» [Удмурт оскон, 2010. С. 126].

Традиционно роль коллективного осуждения и одобрения брала на себя *община* во всех своих ипостасях – социальных институтах

(*бускель, кенеш, веме, суд старейшин* и т. п.). *Кенеш* обсуждал наиболее важные для общины вопросы. *Веме* как институт безвозмездной взаимопомощи заботился о каждом члене коллектива от мала до велика и имел полное право давать свою оценку совместной работе, выделяя лодырей и умельцев. *Суд старейшин/стариков* был очень строг к молодому поколению в вопросах отцов и детей. Даже в повседневном общении, во время коллективных работ и праздников регулярно и естественно демонстрировались нормы поведения, осуждались или подвергались корректировке отклонения от них, исподволь вызревали изменения. Сельская община – *бускель* – регламентировала практически все стороны жизни крестьянина. На нее ложилось много полномочий: от воспитания молодого поколения и проведения обрядов до общественного суда. «Практически все стороны жизни удмуртского крестьянства – поземельно-хозяйственная, податная, охрана порядка и действия крестьянского суда, морально-этическая, организация коллективного протеста, культурно-бытовая, религиозная и т. д. – в той иной степени были подчинены общественному мнению» [Никитина, 1997. С. 66].

Рассмотрим основные понятия *ушьян* «одобрение, похвала» и *курлан* «осуждение» в удмуртском языке. Анализ данных концептов выявляет закономерности, заложенные в нормах поведения и общения удмуртов, скрытых и в самом языке.

Ушьян. С самого рождения удмуртского ребенка сопровождало общественное мнение с похвалой и осуждением. Похвала и одобрение играли огромную роль в воспитании ребенка. При рождении родителям малыша высказывали пожелания: *Пиналды ушьямон-верамон, асьтэды сюдйсь-вордйсь медло* 'Да будет ваш ребенок достоин похвалы-почета, да будет вашим кормильцем' (*Ушьямон, ушьянэс* 'достойный похвалы (хвалы)'; *ушьянэс адями* 'достойный похвалы человек' [УРС 2008: 709]). И это было очень важно, ибо являлось показателем

хорошего воспитания. Как пишет автор книги «Народная педагогика удмуртов», к детям рекомендовалось относиться с вниманием и лаской <...>, но и заласкивать их не следовало (*мултэс ушъян – сёрон гинэ* ‘лишняя похвала – только порча’) [Никитина, 1997. С. 14].

«Поощрения, похвала были естественными оценками детского труда, – продолжает этнограф, – плохо выполненное дело, неуважительное отношение к чужому труду, в свою очередь, могли повлечь за собой наказание, порицание, осуждение. Над детьми, которые не овладели мастерством и умением, соответствовавшим, по местным представлениям, их возрасту, начинали насмехаться. О постоянном воздействии общественного мнения в этой форме свидетельствуют насмешливые прозвища для неумелых: *мырк* ‘тупой’, *йёспёртэм* ‘бестолковый’, *чутыртэм ки* ‘руки-крюки’, *китэм, пыдтэм адями* ‘безрукий, безногий человек’ и т. д. И наоборот, за трудолюбие, готовность прийти на помощь детям нахваливали – *пичи юрттйсь* ‘маленький помощник’, *кивоштйсе* ‘моя замена’, часто поощряли» [Никитина, 1997. С. 85]. Следует отметить, что похвала шла не только от родителей ребенка, но и от коллектива, т. к. дети с малых лет вместе со взрослыми участвовали в разных сельскохозяйственных работах.

Молодые люди, которые вели себя скромно (*востэм, лачмыт, зйбыт* и др.), всегда могли услышать в свой адрес похвальные отзывы, и наоборот, вмешательство в дела взрослых, возражения старшим вызывали отрицательную реакцию общинников. Часто можно (было) услышать наставления старших: *Калыклэсь эн пёртэмьяськы, калык валлин ул* ‘Не выделяйся среди других, будь как все, живи, как люди живут’. Во многих случаях это, несомненно, сковывало инициативу, творческое начало в молодом человеке и несколько окорачивало неугомонный нрав. «Всякий раз, когда поведение молодых выходило за рамки общепринятых норм и понятий, реакция близких, родных, друзей с точки зрения общинной морали была однозначной: *Мар калык (бускельёс, пересьёс) шуозы?* ‘Что люди (соседи, старики) скажут?’» [Никитина, 1997. С. 94]. Поэтому детей с малых лет приучали к скромности, вежливости, послушанию и долготерпению.

Это парадоксальная черта мышления народа: с одной стороны, выделяться было нельзя, ибо могло повлечь за собой зависть, сглаз и даже осуждение (*укыр кильтырьяськись, укыр востэм* и т. п.) – т. е. любое излишество или чрезмерное проявление всегда осуждалось – в одежде, в поведении и т. п. Во всем должна была быть мера – *эсэл* [см. Душенкова, 2013,

2014]. С другой стороны, каждый хотел, чтобы урожай и скотина уродились на зависть, ребенок вырос на зависть или достойный похвалы – *ушъяськымон/ушъямон, синмаськымон* ‘симпатичный, достойный симпатии’ [УРС, 2008. С. 599]. В последнем случае симпатия (греч. букв. «сочувствие») – устойчивое одобрительное эмоциональное отношение человека к другому человеку (людям или к чему-то), безотчетная любовь, влечение [Летягова, 2006. С. 322]. Здесь имеется в виду и характер, и внешние данные, а также умения и способности. Кроме того, как у русских, так и у удмуртов «вне ритуала хваление воспринимается как опасное действие, при котором объект восхваления можно сглазить. Неоконченную работу или любую другую деятельность (процесс) хвалить запрещалось, так как считалось, что можно сглазить работницу и работу. Повсеместно у славян распространен запрет хвалить ребенка, особенно новорожденного. Также запрещалось хвалить скотину во избежание падежа. Существовали разнообразные действия (в том числе вербальные) с целью предотвратить порчу или избавиться от сглаза после похвалы в неурочное время...» [Славянские древности, 2012. С. 409].

Следует разграничить положительные и отрицательные стороны слов *ушъян* ‘похвала’ и *ушъяськон* ‘хвастовство’. В удмуртском языке *ушъян* – ‘восхваление; прославление; хвала’ (*ушъян грамота* офиц. «почётная грамота»; *ушъян кылбур* лит. «ода») [УРС, 2008. С. 709]. Именно эта общественная похвала, одобрение (т. е. «признание хорошим, правильным... и хвала – слова одобрения, восхваления, похвалы» [БТСРЯ, 2002. С. 1440]) побуждает человека на те или иные положительные поступки. *Адями кадь лу, эн висьяськы* ‘Будь как все (люди), не выделяйся’. С ней связаны определенные запреты-табу: *Ужа – калык ушъялоз* ‘Работай – народ похвалит’; *Нъеч уж понна котьку но ушъяны кулэ* ‘За добрые дела всегда нужна похвала’.

Ушъяськон ‘хвастовство’, как правило, осуждалось, считалось излишним, недопустимым. Самовосхваление, похвальба оценивается негативно, ср. русские поговорки: *чем похвалился, тем и подавился; кто хвалится, тот с горы свалится* [Славянские древности, 2012. С. 407]. «Хвастовство (от *хвастать* – в первоначальном значении ‘болтать’) – выставление себя в хорошем виде, сообщение о своих реальных или мнимых успехах, достоинствах вследствие тщеславия и чванства, в расчете вызвать восхищение или зависть собеседника и получить от этого удовольствие» [Летягова,

2006. С. 389–390]. К данному понятию близки еще два: тщеславие и честолюбие, которые также общественным мнением резко осуждались. «Тщеславие (церковнослав., от *тъщъ* (*тощъ*) в значении ‘пустой’) – стремление к почету, к похвалам, к признанию мнимых своих заслуг, достоинств, в том числе совершение добра ради похвалы и почестей; хвастовство своими заслугами, богатством, высоким положением, происхождением. Типичная реакция на тщеславие – презрение, досада, подхалимство; может сочетаться с презрением к другим» [Летягова, 2006. С. 368]. «Честолюбие – стремление к внешней чести, почестям, уважению, почету, продвижению по службе и вследствие этого склонность действовать безнравственными способами» [Летягова, 2006. С. 394].

Человек должен услышать похвалу со стороны другого, а в лучшем случае – общины, социума: *Эн ушъяськы умы ужен, сое сотэк но аджозы* ‘Не хвались доброй работой, ее и без этого заметят’. *Ушъяськисълэн атасэз но пуза* ‘У хвастуна и петух несется’. *Молитваен уг gyro, ушъяськонэн уг арало* ‘Молитвой не пашут, похвалой не жнут’. *Ушъяськисъ кылыныз гозы пунэ, изысь ву пызьыртэ* ‘Хвастун языком веревку вьет, из камня воду выжимает’. *Ушъяськисъ мурт айы жазеглы кельше* ‘Хвастун на гусака похож’. *Ушъяськисъ муртлэн ымыз пель сьобраз* ‘У хвастуна рот за ушами’. *Ушъяськыса жече уд поты* ‘Хвастовством в люди не выбьешься’. *Ушъяськыса кӱттэ уд тыры* ‘Хвастливому сытым не бывать’. *Эн ушъяськы: ушъяськемед кышъяськыны но уз тырмы* ‘Не хвастай: твоего хвастовства и на заплатку не хватит’. *Маин ушъяськисъкод, соин ик куашкаськод* ‘Чем хвалишься, тем и провалишься’ [УФ, 1987. С. 86]. *Эн ушъяськы, ош лекалоз* ‘Не хвались: бык боднет’ [Борисов, 1991. С. 310].

Слово *ушъяськыны* общепермского происхождения **oški-*; ср. в коми языке *ошйысьны* ‘хвастать, хвалиться’ [КЭСК, 1999. С. 209]. В удмуртском языке широко представлен и синонимический ряд данной лексемы: *ушъяськон, мактаськон, ушъяськон-мактаськон, данъяськон; дан поттон, шокъяськон* ‘хвастовство’ [Вахрушев, 1995. С. 222]. Антоним – *курланы* ‘хаять’.

Особого внимания заслуживает диалектный корень *уш-*: *уш кошкымон чебер ныл* ‘удивительно красивая девушка’; *уш кошкыны* ‘1) упасть в обморок, лишиться чувств, 2) удивиться’; *ушсэ лэзьыны* ‘ошеломить, поразить’ [УРС, 2008. С. 709]. Во всех примерах так или иначе присутствует сема похвалы. Другая пара примеров – *ушлы* диал. ‘умный, способный, с хорошей памятью’ и *ушсыз* ‘рассеянный,

забывчивый’. Первое слово указывает на наличие признака с аффиксом *-лы*, другой – на его отсутствие с аффиксом *-сыз*. Оба аффикса по происхождению являются тюркскими. Интерес представляет и глагол *ушаны* ‘нравиться’ (*та арбери мынам кӱтам ушаз* ‘эта вещь мне понравилась’) [Борисов, 1991. С. 310]. Трудно сказать, в каком именно диалекте удмуртского языка встречается слово *ушлы*, но в русском есть похожее по звучанию, написанию и значению слово *ушлый*. Однако оказалось довольно сложно найти его значение. В словаре В. Даля приводится устаревшее значение слова ‘ушлець’ [Даль, 1998. С. 529], т. е. ушедший, потерянный. К слову *дошлый* дано следующее объяснение: ‘который дошелъ или поспѣлъ <...> о челов. Мастеръ своего дѣла; дока; опытный, свѣдущій, знающій, наторѣлый, бывалый, тертый, битый, смышленный, способный; || пройдошливый, хитрый <...> дошлый человѣк, ловкій, мастеръ; проныра, пройдоха’ [Даль, 1996. С. 488]. В данном случае интерес представляет второе, переносное, значение ‘хитрый, верткий, изворотливый, хваткий’, которое очень близко к семантике удмуртского слова. В словаре С. Ожегова *ушлый* может быть *дошлый* ‘способный дойти до всего, смышленный, ловкий’ [Ожегов, 1961. С. 173].

Кроме того, в удмуртском языке есть еще одно слово с суффиксом притворности или фиктивности [Красильников, 2009. С. 22–31] – *ушъямъяськон* ‘ирония, насмешка; издевка’ [УРС, 2008. С. 709]. «Категория фиктивности морфологически выражается аффиксами *-эмъяськы, -мъяськы*. Значение, выражаемое глаголом или отглагольным образованием в этой категории, включает оттенок неуверенности или неполной уверенности в наблюдаемом явлении/действии. Конкретное событие/действие как бы происходит, но у субъекта есть сомнение в его истинности» [Красильников, 2009. С. 26]. Возможно, что здесь отразилась такая ментальная особенность, как боязнь сглаза, которая присуща многим народам.

Курлан. Удмурты в большей своей части интроверты. Такие люди обладают нервной системой, не позволяющей им открыто выражать свои эмоции и переживания. Психический склад характеризуется сосредоточенностью на своем внутреннем мире, замкнутостью, созерцательностью, они не склонны к общению и с трудом устанавливают контакты с окружающим миром, т. е. своеобразная социофобия. Поэтому очень болезненно относятся к любому виду осуждения и критики (*Мар калык шуоз. Мар адямиос вералозы* ‘Что народ скажет. Что люди будут говорить’). При любом

виде осуждения – будь то коллективное, общественное, товарищеское или индивидуальное – удмурт теряет свою опору, теряет свою нишу в обществе; может быть подвергнут остракизму и отчуждению, полностью выведен из социального круга [Никитина, 1997. С. 73]. То есть от него могут отвернуться, перестать общаться. Яркий пример описан в повести удмуртского классика К. Герда «Матй». Главная героиня испытала на себе отчуждение, т. е. такие чувства, как «1) погруженность в себя, внутренняя отдаленность от окружающего; отдаление человека от самого себя, от своей глубинной сущности вследствие конформности, давления социальных институтов, желаний других, 2) ощущение недостатка теплых отношений с другими» [Летягова, 2006. С. 245–246]. Она вынуждена была бежать в лес, где одичала и совсем потеряла человеческий облик.

«Деревенский мир определял нормы поведения на все случаи жизни, следил за их исполнением, требуя неукоснительного соблюдения довольно жесткой системы общинного этикета и его вековых предписаний. В условиях «открытости» общения на селе каждый эпизод жизни человека становился объектом оценки со стороны окружающих, поэтому влияние общественного мнения на поведение ребенка (и даже взрослого. – Т. Д.) оказывалось важным фактором в его социализации» [Никитина, 1997. С. 66]. Община выступала как хранительница нравственных принципов, она вела борьбу с мотовством, праздностью, воровством, ленью, нерадивым отношением к труду отдельных членов семей. В качестве наказания общество могло подвергнуть провинившихся крестьян денежному штрафу в пользу мирской казны; отлучить от участия в общинных празднествах, молениях; отлучить от должности; подвергнуть публичному наказанию (после чего семья могла покинуть деревню); за праздный образ жизни даже выгнать из деревни; мерой принуждения за воровство и мошенничество мог стать вопрос даже о высылке в Сибирь неугодных членов; за определенные провинности, поступки могло осмеять, высмеять, относиться плохо, создать плохое мнение-репутацию о человеке и не доверять. Последнее для нас самое важное, ибо касается рассматриваемого вопроса.

Существительное *курлан* образовано от глагола *курланы* 'осуждать, порицать, хулить; порочить'. Семантика данного слова может варьировать от проклятия до простого осуждения. В одном из диалектов используется в значении 'стыдить, пристыдить' (ср. *курланыны* 'позориться, срамиться') [УРС, 2008. С. 354]. В словаре также приведены омонимы с корнем *кур*:

кур III 'злость, гнев || злой, сердитый' (*йырзэ кур карыны* 'разозлить, рассердить (кого-л.)'; *йырыз кур* 'он сердит (сердитый, злой)'; *йырыз кур луиз* 'он рассердился'); диалектный *кур* IV 1. 'стыд, срам, позор' (*кур луыны* 'осрамиться'); 2. 'горе, печаль, скорбь; забота, беспокойство, волнение' [там же]. Вероятно, первое значение можно соотнести с переносной семантикой слова *курмыны* 'загрязниться, запачкаться, пачкаться'; а ко второму значению – такие слова, как *курадзон* 'мучение, мука, страдание', *куректон* 'страдание, горе, печаль' и даже *курдан* 'боязнь, страх, испуг'.

Синонимами осуждения в удмуртском языке являются лексемы *курланы*, *куркарыны*, *лека тыны*; *урод карыны*, *урод кылын вераны*; *тыш-касыкыны* 'осуждать, осудить; хаять; охаивать, хулить; вспоминать недобрыми словами; ругать, бранить' [Вахрушев, 1995. С. 135]

Так как прямое осуждение, порицание не всегда было уместным, народ мог легко пристыдить виновника, используя для этого некоторые жанры устного народного творчества – дразнилки, частушки, пословицы и поговорки, иносказания. Вот что пишет этнограф Г. А. Никитина: «Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Апелляция к соседям, односельчанам осуществлялась как в форме прямого обсуждения безнравственных поступков и действий, так и в др. формах...» [Никитина, 1997. С. 67]. Фольклор часто высмеивал разные пороки – жадность, злобность, зависть, трусость, хвастовство и т. п.

Безусловно, зависимость от общественного одобрения и осуждения характерна всем обществам и народам и является общечеловеческой «слабостью». В зависимости от исторического времени, идеологии она могла несколько поменять интенсивность своего проявления. Современные психологи для успешности рекомендуют не поддаваться мнению общества, не следовать, не обращать внимания или манипулировать, приспособливаться, но при этом от него не зависеть. Главный успех в данном деле – четко идти к своей цели. В противном случае человек может сломаться, потерять свое лицо.

Понятия *ушъян* и *курлан* имеют большой вес в общественном мнении и крепко вошли в сознание каждого удмурта, вышедшего из сельского общинного быта. Часто оно носило превентивный (оградить, остановить, предупредить) характер, хотя могло иметь и откровенно карательный (физически наказать, сослать, изгнать из деревни и т. д.). Такова была роль общественного мнения в сельской общине.

Не следует забывать, что современное городское удмуртское общество (к примеру, интеллигенция) состоит из бывших сельских жителей, и лишь их дети и внуки постепенно «избавляются» от подобных комплексов. С одной стороны, общественное мнение регулировало разные стороны жизни удмуртского социума, а с другой – способствовало сохранению хозяйственной, культурной, нравственно-этической стороны жизни народа и поддерживало этническую самобытность.

В условиях города, а тем более мегаполиса, коллективное осуждение и одобрение или теряют свои функции, или приобретают иную форму – соцсети. Здесь действуют несколько иные законы, а значит, каждый выживает по-своему. Сельский житель, переехав в город, старается найти подобных себе и продолжает жить по прежним правилам или усваивает новые. Так уж устроена человеческая психика, что независимо от того, в каком времени, государстве мы живем, нам очень важно одобрение со стороны окружающих и крайне нежелательно осуждение.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с. (в тексте – БТСРЯ).

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН СССР, 1991. 384 с.

Вахрушев В. М. Синонимъёсын удмурт-зуч кыл-бугор. Ижевск: Удмуртия, 1995. 280 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996. Т. 1. 800 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998. Т. 4. 688 с.

Душенкова Т. Р. О чувстве меры или золотой середине в удмуртском языке // Финно-угорские языки и литература в современном мире: аспекты исследования и методика преподавания: материалы Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию

мордов. и 20-летию финно-угор. отд-ний в МГУ им. Н. П. Огарева / Отв. ред. М. В. Мосин. 15–17 ноября 2012 г., Саранск. Саранск: Мордов. ун-т, 2013. С. 168–171.

Душенкова Т. Р. Эсэп: духовно-нравственные понятия удмуртского языка // Перспективы развития науки и образования: сб. науч. трудов по материалам Межд. науч.-практ. конференции 31 янв. 2014 г. / Мин. обр. и науки РФ. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2014. Часть 1. С. 70–74.

Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16 000 слов. М.: Астрель; АСТ, 2005. 1021 с.

Красильников А. Г. Культурологические исследования удмуртского этноса: язык, фольклор, литература. Ижевск: ИПК и ПРО УР, 2009. 104 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с. (в тексте – КЭСК).

Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2006. 424 с.

Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, испр., доп. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 900 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. 736 с.

Удмурт оскон: Вашкала куриськонъёс, вöсьясконъёс, статьяос / Дасязы В. Е. Владыкин, С. Н. Виноградов. Ижевск: Удмуртия, 2010. 210 с. (на удмурт. яз.)

Удмуртско-русский словарь / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО РАН, 2008. 925 с. (в тексте – УРС).

Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с. (в тексте – УФ).

Поступила в редакцию 19.02.2015

References

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint, 2002. 1536 p. (in text – BТСRJA).

Borisov T. K. Udmurt kylljukam [Explanatory Udmurt–Russian dictionary]. Izhevsk: Udmurt. In-t istorii, jaz. i lit. UrO RAN SSSR, 1991. 384 p.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg: Diamant, 1996. Vol. 1. 800 p.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg: Diamant, 1996. Vol. 1. 800 p.

Dushenkova T. R. O chuvstve mery ili zolotoj sere-dine v udmurtskom jazyke [On the sense of proportion or the golden mean in the Udmurt language]. Finno-ugorskie jazyki i literatura v sovremennom mire: aspekty issledovanija i metodika prepodavanija: Materialy Mezhd. nauch.-prak. konf., posvjashh. 60-letiju mordov. i 20-letiju finno-ugor. otd-nij v MGU im. N. P. Ogarjova

(15–17 nojabrja 2012 g., Saransk) [Finno-Ugric languages and literature in the modern world: aspects of research and teaching methods. Proc. of int. sci.-pract. conf. on the 60th anniv. of Mordovia and 20th anniv. of the Finno-Ugric dep. of N. P. Ogarev MSU]. Ed. M. V. Mosin. Saransk: Mordov. un-t, 2013. P. 168–171.

Dushenkova T. R. Jesjep: duhovno-nravstvennye ponjatija udmurtskogo jazyka [Esep: spiritual and moral concepts in the Udmurt language]. Perspektivy razvitija nauki i obrazovanija: Sb. nauch. trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii 31 janv. 2014 g.: v 15 chastjah. Chast' 1 [Perspectives of science and education development: Collected sci. papers; proc. of int. sci.-pract. conf., Jan. 31, 2014.: in 15 parts. Part 1]. Min. obr. i nauki RF. Tambov: Biznes-Nauka-Obshhestvo, 2014. P. 70–74.

Krasil'nikov A. G. Kul'turologicheskie issledovanija udmurtskogo etnosa: jazyk, fol'klor, literatura [Culturological studies of Udmurt ethnos: language, folklore and literature]. Izhevsk: IPK i PRO UR, 2009. 104 p.

Kveselevich D. I. Tolkovij slovar' nenormativnoj leksiki russkogo jazyka: ok. 16000 slov [Russian foul language explanatory dictionary: about 16000 words]. Moscow: Astrel'; AST, 2005. 1021 p.

Lytkin V. I., Guljaev E. S. Kratkij jetimologicheskij slovar' komi jazyka [Short etymological dictionary of the Komi language]. 2-e izd. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1999. 430 p. (in text – KESK).

Letjagova T. V., Romanova N. N., Filippov A. V. Tysjacha sostojanij dushi: kratkij psihologo-filologicheskij slovar' [Thousand soul states: a brief psychophilological

dictionary]. 2-e izd., ispr. Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 424 p.

Nikitina G. A. Narodnaja pedagogika udmurtov [Folk pedagogy of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija, 1997. 136 p.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Izd. 4-e, ispr., dopoln. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1961. 900 p.

Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 tomah [Slavonic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. N. I. Tolstogo. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 2012. Vol. 5. 736 p.

Udmurt oskon: Vashkala kuris'konjos, vösjas'konjos, stat'jaos. Dasjazy [Udmurt beliefs. Ancient prayers and spells, articles]. Authors: V. E. Vladykin, S. N. Vinogradov. Izhevsk: Udmurtija, 2010. 210 p. (in Udmurt).

Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt–Russian dictionary]. Eds. T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin, L. L. Karpova, L. E. Kirillova, O. V. Titova, A. A. Shibanov; L. E. Kirillova. Izhevsk: Udmurt. IJaLI UrO RAN, 2008. 925 p. (in text – URS).

Udmurtskij fol'klor: poslovice, aforizmy i pogovorki [Udmurt folklore. Proverbs, aphorisms and sayings]. Ed. T. G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtija, 1987. 276 p. (in text – UF).

Vahrushev V. M. Sinonimjosyn udmurt-žuch kylbgor [Udmurt–Russian dictionary of synonyms]. Izhevsk: Udmurtija, 1995. 280 p.

Received February 19, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Душенкова Татьяна Рудольфовна

старший научный сотрудник, к. фил. н.
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртская Республика,
Россия, 426004
эл. почта: dushenkovatr@mail.ru
тел.: 89225066051

CONTRIBUTOR:

Dushenkova, Tatiana

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4 Lomonosov St., 426004 Izhevsk, Udmurt Republic, Russia
e-mail: dushenkovatr@mail.ru
tel.: 89225066051

УДК 82.09 (=511.131)

ТЕМА РОБОСТИ В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ АШАЛЬЧИ ОКИ

А. В. Камитова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

На примере стихотворения «Возытлыг» («Робость») первой удмуртской поэтессы Ашалчи Оки раскрывается тема робости. Поэтесса предлагает читателям свое понимание одной из типичных черт удмуртов, истоки которой уходят в глубокую древность. Через изображение индивидуальной особенности лирической героини в целом поэтесса передала характерную черту удмуртской национальной ментальности, сформированную под воздействием природных и социокультурных факторов. В художественном изображении модели поведения героини, на наш взгляд, совместились представления мифологические, культурно-этнические, психологические и медицинские, связанные с духовным и жизненным опытом самой поэтессы, ее национальным психотипом.

Ключевые слова: удмуртская литература; лирическая эмоция; ментальная категория; лирическая героиня; стереотип; мировоззрение.

A. V. Kamitova. THE TOPIC OF “SHYNESS” IN A POEM BY ASHALCHI OKI

The theme of shyness is explored while analyzing the poem *Shyness (Voz'ytyk)* by the first Udmurt poetess Ashalchi Oki. She provides readers with her own understanding of one of the distinguishing features of the Udmurts. Exhibiting individual characteristics of the lyric character the poet shows a peculiarity of the Udmurt mentality which was influenced by natural, social and cultural factors. The state of shyness in the artistic work reflects mythological, cultural, ethnical, psychological, and medical conceptions.

Keywords: Udmurt literature; lyric emotion; mental category; lyric character; stereotype; world view.

Ашалчи Оки – псевдоним Акилины Григорьевны Векшиной (1898–1973), основоположницы удмуртской литературы. На сегодняшний день ее имя прочно вписано в контекст удмуртской женской поэзии «первой волны». По наблюдениям Л. П. Федоровой, «удмуртская женская литература <...> представлена тремя волнами, в которых четко обозначены следующие периоды: 1920–30-е гг. (Ашалчи Оки, Мария Баженова <...>), 1960-е (Степанида Иванова, Лидия Чернова, Алевтина Аникина, Юлия Байсарова, Людмила Хрулева и пр.), 1980–90-е (Людмила Кутянова,

Татьяна Чернова, Галина Романова...)] [Федорова, 2002. С. 155]. Тема робости в лирическом наследии Ашалчи Оки реализовала себя как особый способ репрезентации этнонационального своеобразия. Художественная философия поэтессы выстроена на субъективном восприятии той или иной жизненной ситуации, благодаря которому переданы глубинные черты удмуртской национальной ментальности. Посредством избранного ракурса анализа проясняется психотип лирической героини, близкий и самому биографическому автору. В литературоведении

под термином «биографического автора» установилось понимание определенного реального человека, эмпирической личности, собственно писателя, наделенного своей биографией, внутренним обликом и внеположного произведению [Корман, 1972. С. 8–19].

Поэтическое наследие Ашальчи Оки сравнительно невелико. Еще в годы учебы в Казани ею был подготовлен сборник, задуманный под названием «Чыртыгыш» («Бусы/ожерелье/монисто»), но по рекомендации Кузубая Герда сборник вышел под названием «Сюрес дурын» («У дороги») в 1925 году в Москве. Кузубай Герд был очень взволнован тем, что публикация сборника Ашальчи Оки не вызвала резонанса в обществе: «Прошло уже два года, как книга вышла, а о ней никто и рецензии даже не пишет» [Герд, 1997. С. 311]. Возможно, это послужило одним из поводов для перевода ее стихов Кузубаем Гердом. Так, в 1928 г. в Глазове вышла книга стихов этой удмуртской поэтессы в переводах на русский язык. По впечатлениям К. Герда, книга открыла читателям «доселе неизвестный мир переживаний» удмуртской девушки [цит. по: Ашальчи Оки, 1928. С. 2]. В качестве материала исследования выбрано стихотворение Ашальчи Оки «Возьытлыг», которое вошло в данный сборник ее стихов, в цикл «Вуж улон» («Старая жизнь»):

Поэтесса Ашальчи Оки
(Акилина Григорьевна Векшина)

Возьытлыг

Возьдаськись удмурт ныллы сйзьисько

Вань висён дуннейын –
Туж урод со висён:
Возьытлыг соли ним
Удмурт'ёс понйллям.
    Ог вамыш кылытэк
    Мон сьöрын со ветлэ,
    Туж уно малпамме
    Вератэк но кельтэ.
Кыл сярысь, верало:
Вань мынам матынэ,
Туж визьмо со муртэ,
Туж чебер малпанэ.
    Кöче но чебересь
    Лйятон кыл'ёсме
    Мон соли лушкемен
    Верасал ог жытэн.
Уг, уг лу вераме
Одйгзэ но кылме:
Возьытлыг висёнэ
Мон вöзын вамыштэ –
Вань веран кыл'ёсме
Герзаса со куштэ.

Стыдливость

Посвящаю стыдливой удмуртской девушке

Есть болезнь на свете –
Очень скверная болезнь:
Стыдливость ей имя
Удмурты дали.
    Ни на шаг не отставая,
    Она за мною ходит,
    Очень многие задумки
    Оставляет несказанными.
Например, расскажу:
Есть у меня близкий [человек],
Очень умный этот мой человек,
Очень красивая мысль.
    Каких только красивых
    Сладких слов
    Я ему тайком
    Наговорила бы однажды вечером.
Нет, не могу произнести
Ни одного слова:
Моя болезнь стыдливость/робость/
    скромность/стеснительность
Рядом со мной шагает –
Все мои слова, которые надо сказать,
Завязывая в узел, она отбрасывает.

Тани, вань эш'ёсы
 Ульчайын юмшало:
 – Ойдо тон но, – шуса,
 Сьоразы туж ётё.
 – Ыок, уг юмша, – шуса,
 Эш'ёсме келясько,
 Пересь мурт кадь, огнам
 Мон корка кылисько.
 – Тумошо тон Аннок, –
 Эш'ёсы верало:
 – Мылкыдыд пересьмем
 Сюлэмед из луэм.
 – Из өвёл сюлэмы,
 Яратон эш'ёсы,
 Пересьмем но өвёл
 Та пинал мылкыды:
 Тйлесьтыд но уно
 Юмшасал, шудысал,
 Шудысал, эктысал
 Эрыке-ке лусал...
 Эрыкме возытлыг
 Олокытчы кариз,
 Мылкыдме но йөнтэм
 Жылиен думылйз...¹
 [Ашальчи Оки, 1925. С. 12–14].

Вот мои друзья
 На улице веселятся:
 – Пойдем и ты, – говорят,
 За собой зовут.
 – Нет, не буду гулять, – отвечаю,
 Провожая друзей,
 Как старушка, одна
 Я дома остаюсь.
 – Смешная ты, Анна, –
 Отвечают мои друзья:
 – Настроение у тебя состарилось,
 Сердце камнем стало.
 – Сердце мое не камень,
 Любимые друзья,
 И не состарилось
 Мое настроение:
 Больше вас
 Я веселилась бы, играла бы,
 Играла бы, плясала бы,
 Если б свобода была...
 Свободу стыдливость
 Куда-то подевала,
 И настроение проказница
 Цепью заковала...⁴

В представленном тексте тема робости репрезентирована особенно ярко. По наблюдениям Л. П. Федоровой, в первом и последнем сборнике Ашальчи Оки «Сюрес дурын» прослеживается рука Кузубая Герда, его творческий почерк. Даже стихи расположены по такому же принципу, как в сборнике самого Герда «Крезьчи» («Гусляр»): не в хронологическом порядке, а в тематическом [Федорова, 2013. С. 3]. Слово «*возытлыг*» включает в себя разные значения (стыдливость, застенчивость, робость, скромность, стеснительность) и разное понимание (чувство, эмоция, состояние, ощущение, качество и т. п.). В сноске слов, трудных для понимания («Шуг валано кыл'ес» – «Трудные для понимания слова»), поэтесса дает следующее объяснение данному слову: *стыдливость*. Исходя из этих соображений, перевод Ашальчи Оки мы выносим в качестве доминанты в череде синонимов. Предполагаем, что слово «*возытлыг*»² могло быть придумано самой поэтессой от слова «*возыт*» 'стыд, совесть'³. Думается, это был не случайный жест Ашальчи Оки: культурно-

исторические предпосылки могли определить принципы ее поведения. Как известно, проводимые на рубеже XIX–XX вв. удмуртским национальным движением мероприятия были направлены на просветительскую работу: интеллигенция ставила перед собой и перед народом ряд проблем, одной из главных среди которых была проблема развития удмуртского языка и литературы. Кузубай Герд, друг и соратник Ашальчи Оки, один из инициаторов культурно-исторических преобразований, обращался к народу: «Сегодня перед нами стоит очень важная задача. Это – создание новых удмуртских слов»⁵ [Герд, 1928. С. 19]. Сам Кузубай Герд активно занимался процессом словопроизводства⁶, и в числе созданных им неологизмов с использованием креативных возможностей родного языка было немало слов, выражающих национально-этнические особенности народа⁷.

¹ Орфография автора в цитируемом стихотворении сохранена.

² Современное написание: *возытлык*.

³ Удмуртское слово «*возыт*» 'стыд' восходит к финно-пермской основе *waś «Scham, Schande; sich schämen» ('стыд; стыдиться' – пер. с нем. А. К.) [UEW, 1988. С. 808].

⁴ Подстрочный перевод стихотворения Ашальчи Оки «Возытлыг» сделан автором статьи.

⁵ Приводим цитату Кузубая Герда в оригинале: «Та водес асьмелэн азямы нырысь ик таће туж бадзым уж сьлэ. Со – виль удмурт кыл'ёсыз кылдытон» [Герд, 1928. С. 19].

⁶ Подробнее о словотворчестве Кузубая Герда см. [Герд, 1928. С. 19–21].

⁷ К примеру, им было образовано слово «*удмуртлык*», обозначающее, по нашему мнению, «национальную идентичность» (в «Удмуртско-русском словаре» это слово переведено как «удмуртская ментальность» [УРС, 2008. С. 682]).

Остановимся на значениях слов *стыдливость* и *робость*, которые, согласно словарю В. Даля, означают: «робкий человек – боязливый, трусливый, несмелый, страшливый, нерешительный, опасливый» [Даль, 1914. С. 1689]. Слова «робкость» или «робость» он связывает с «состояньем» телесным и духовным соответственно [Даль, 1914. С. 1690]. А глагол «робеть» синонимичен таким понятиям, как *бояться чего-либо, опасаться, не сметь, оторопеть, потеряться, трусить, не решаться, падать духом, терять смелость, отвагу* [Даль, 1914. С. 1690].

«Стыд – чувство или внутреннее сознание предосудительного, уничижение, самоосуждение, раскаянье и смирение,нутренняя¹ исповедь перед совестью; срам, позор, посрамление, поругание, унижение в глазах людей; застывание крови от унижительного скорбного чувства», – объясняет В. Даль [1914. С. 603]. Стыд он относит к нравственному чувству, свойственному только человеку [там же]. Согласно В. Дально, это чувство тесно связано с совестью. Прилагательное «стыдливый» имеет синонимы *скромный, робкий, застенчивый* [там же].

Из определений В. Даля удмуртскому слову «*возьытлык*», на наш взгляд, более близко значение «робость». И хотя тема *робости* выведена в заглавие только одного стихотворения Ашальчи Оки, этот мотив сквозной во всей ее лирике. Индивидуальной особенностью ее лирической героини передается характерная черта удмуртской национальной ментальности, сформированная вследствие природных и социокультурных факторов. На связь психического склада удмуртов с природно-географическими условиями обратили внимание ученые еще в XIX веке. Например, в удмуртской легенде «Тутой и Янтамырь», записанной Борисом Гавриловым, говорится об удмуртах как о «лесном народе» (точнее «лесных вотяках»²) [Гаврилов, 1880. С. 146]. И. Н. Смирнов писал: «В психическом складе Вотяка две черты представляют собой несомненный результат влияния окружающей обстановки – сдержанность в проявлении впечатлений, которая ведет за собой молчаливость, и безграничная способность терпеть – «покорность судьбе без конца». Молчат угрюмые леса, окружающие со всех сторон Вотяка, молчит и он, заражаясь состоянием среды» [Смирнов, 1890. С. 85]. Г. Е. Верещагин выделяет такие особенности в характере удмуртов, как терпеливость, миролюбивость, спокойствие, обусловленные природными предпосылками.

¹ Так в оригинале.

² Вотяки – устаревшее название удмуртов.

«Выдающиеся черты в их характере – необыкновенная робость, сдержанность и скрытность в выражении своих чувств», – отмечает исследователь [Верещагин, 1995. С. 23].

Кузубай Герд отметил то, что стихи Ашальчи Оки обрамлены переживаниями, из которых оформляется «яркий лирический рисунок» [цит. по: Ашальчи Оки, 1928. С. 2]. В художественно выраженном состоянии *робости* лирической героини совместились, на наш взгляд, представления мифологические, культурно-этнические, психологические и даже медицинские. Выраженная в стихотворении лирическая эмоция сравнивается поэтессой с болезнью (*висён*). В этом сравнении просматривается приобщенность Ашальчи Оки к медицине, ведь она окончила медицинский факультет Казанского университета по специальности «офтальмолог»:

Есть болезнь на свете –

Очень плохая/скверная/злостная/злая болезнь:

Стыдливость/робость/скромность/

стеснительность ей имя

Удмурты дали.

Пытаясь понять истоки *робости*, Ашальчи Оки обращается к происхождению слова, выделяя в нем этническую составляющую, и предлагает читателю свое представление об одной из типичных черт удмуртов, истоки которой уходят в глубокую древность. Через изображение робкой удмуртки Ашальчи Оки передает автостереотипное представление³ об этносе: в научной литературе и в сознании людей сложилось устойчивое мнение об удмуртах о как застенчивом, робком, скрытном и нерешительном народе [см., например: Владыкин, Христолюбова, 1991. С. 22; Владыкин, 1994. С. 37; Шкляев, 2003. С. 53; Зверева, 2006. С. 297–310]. Подобные стереотипы известны: упрямство финнов, медлительность эстонцев, немецкая аккуратность и т. д. В фольклорно-мифологической картине мира⁴ и в бытовом представлении робость удмуртов изображается и как отрицательное, и как положительное качество [подробнее об этом см.: Зверева, 2006. С. 297–310], относящееся к числу важнейших нравственных ориентиров, выработанных веками среди удмуртов. Воспитание скромности у ребенка считалось

³ Автостереотипы отражают представления нации о самой себе [http://universal_ru_en.academic.ru].

⁴ См., например, следующие пословицы и афоризмы: *Возьытэмесь ёвёл: ымнырмы вань* 'Не бессовестные: лицо на месте', *возьытэз пыдтышказ, синьёсыз йырътышказ* 'совесть в пятках, глаза на затылке (о бессовестном человеке)' [Удмуртский фольклор..., 1987. С. 196]; *сурон бам* 'кожаная личина (маска)' (о бессовестном человеке. – А. К.) [Там же. С. 247] и др.

необходимым качеством, эталоном поведения; нарушение его в удмуртском обществе воспринималось крайне негативно и обычно характеризовалось выражением «бессовестный/бесстыжий человек» (*возьыттэм, сурон бам* 'кожаная личина / человек без личины', *гоно бам* 'волосатое лицо'). Психологические установки были направлены на регулирование поведения человека в обществе. Но безропотное соблюдение принятых правил поведения ограничивало способность самовыражения. Это душевное переживание и стало предметом лирического высказывания в стихотворении Ашальчи Оки.

В тексте реализуется понимание робости как болезни, которая определяется поэтессой эпитетом с несколькими оттенками: скверный/плохой/злой/злостный (*урод*), указывающим на ее негативную и разрушительную функцию. Болезнь эта персонифицирована и уподоблена живому существу с особой физиологией поведения. Она может ходить, запутывать слова, лишать свободы, заковывать цепью настроение/волю человека: 'Моя болезнь робость / Рядом со мной шагает – Все мои слова, Запутывая/завязывая в узел, она отбрасывает'; 'Свободу робость Куда-то подевала, И настроение/волю проказница Цепью заковала...'. Болезненное состояние героини предстает в эфемерном облике; оно невидимо, размыто, не имеет формы и каких-либо очертаний. В этом прослеживается мифологическое осмысление робости как болезни. Как известно, удмуртами «заболевание чаще всего воспринималось как некое невидимое существо, поражающее человека» [Панина, 2012. С. 43–44]. К примеру, священник К. Сатрапинский отмечал, что удмурты, бесермяне да и сами русские все болезни представляют «какими-то живыми, невидимо ходящими существами» [цит. по: Луппов, 1911. С. 265]. В рассматриваемом тексте изображение болезни как существа без плоти близко традиционному мировоззрению.

Ашальчи Оки выявила деструктивную природу робости, энергетическое воздействие которой вносит дисгармонию в мир лирической героини. Невидимый недуг психологически поражает ее. Разрушительная природа робости проявлена в тексте через жизненные ситуации и межличностные отношения. Так, в любовной истории робость героини сковывает ее чувства: 'Нет, не могу произнести Ни одного слова <...> Моя болезнь стыдливость/робость/скромность/стеснительность Все мои слова, Запутывая/завязывая в узел, она отбрасывает'. Этот недуг разрушает любовь.

В восприятии друзей поведение главной героини тоже аномально: 'Настроение/воля у тебя

состарилось/постарело, Сердце камнем стало'. Навязанный традицией культурный стереотип ограничивает свободу самовыражения героини, но внутреннее ее состояние не меняется, и самые сокровенные мечты и нежные чувства живут в ней, их доверяет поэтесса читателю.

Представления о робости как о болезни раскрываются через последствия этого недуга. Лирическая героиня испытывает нравственные и психические страдания, выраженные в чувстве дискомфорта, ущербности, подавленности, отчаяния – вследствие ограничения/отсутствия свободы. Внутренняя несвобода героини отражена в ее поведении:

Больше вас
Я гуляла/веселилась бы,
играла бы,
Играла бы, плясала бы,
Если б воля/свобода /
независимость была...

Ощущение робости ассоциируется у Ашальчи Оки со скованностью, связанностью цепями: лирическая героиня внутренне ограничена психологической установкой, мешающей ей быть свободной в проявлении чувств:

<...> Волю/свободу /независимость
робость /застенчивость/стыдливость /
скромность/стеснительность
Куда-то подевала,
И настроение/волю
бесшабашная/плохая/проказница
Цепью заковала...

Мотив робости не ограничивается у Ашальчи Оки одним стихотворением¹. Проходя через все ее творчество, он перерастет в поведенческую позицию поэтессы, что выразится в ее сознательном отказе от творчества [подробнее об этом см.: Серова, 2014. С. 12–25]. В творческом и жизненном опыте Ашальчи Оки ментальная категория «робость» реализовалась по-разному. Деструктивная ее сторона образно воплотилась в лирике, а поведенчески этот женский стереотип был преодолен активной и мужественной деятельностью врача Ашальчи Оки в до- и послевоенное время, но особенно – на фронте Великой Отечественной войны.

Источники и литература

Ашальчи Оки. Возьытлыг // Ашальчи Оки. Сюрес дурын. Кылбур'ес. М., 1925. С. 12–14.

¹ См., например: «Ой, шулдыр ук, шулдыр ульчайын» («Ой, красиво, красиво на улице»), «Ку меда адзиськом» («Когда мы встретимся»), «Салам» («Привет») и др.

Ашальчи Оки. О чем поет вотячка. Стихи. С вотяцкого перевел Кузубай Герд. Глазов: Издание Московского Общества по Изучению Вотяцкой Культуры, 1928. 30 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Отв. за вып. Г. А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.

Владыкин В. Е., Христоролюбова Л. С. Этнография удмуртов: Учеб. пособие. Ижевск: Удмуртия, 1991. 160 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній / Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. Казань: Типографія А. А. Коковиной, 1880. 190 с.

Герд К. Виль удмурт кыл'ес // Кенеш. 1928. № 15. С. 19–21.

Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф. К. Ермакова. Ижевск: Удмуртия, 1997. 336 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т. 3. П–Р. СПб.; М., 1914. Стб. 1689–1690.

Даль В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т. 4. С–Я. СПб.; М., 1914. Стб. 602–604.

Зверева Т. Р. Удмуртские культурные сценарии: въздаськон // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы междунар. науч.-практ. конф. 25–28 окт. 2005 г. Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 297–310.

Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.

Луппов П. Н. Материалы для истории христианства у вотяков въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка: Губернская Типографія, 1911. 318 с.

Панина Т. Магия слова в народной медицине удмуртов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Ижевск, 2012 // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, оп. 2-Н, д. № 1628. 282 с.

Серова М. В. Поэтика «отказа» в творческом поведении Ашальчи Оки // *Серова М. В., Кадочникова И. С.* Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии. (Академический час. Вып. 3). Ижевск, 2014. С. 12–25.

Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1890. 308 с.

Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / РАН УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др. Отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с. (в тексте – УРС).

Удмуртский фольклор. Пословицы, афоризмы, поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 279 с.

Федорова Л. П. Кылы быре... // Удмурт дунне. № 021. 19 марта. 2013. С. 3.

Федорова Л. П. Краткая история удмуртской женской литературы // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: Учеб. пособие. Ижевск, 2002. С. 155–168.

Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 300 с.

UEW – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II. finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. 603–906 s.

Поступила в редакцию 10.06.2015

References

Ashal'chi Oki. Voz'ytylyg [Shyness]. Ashal'chi Oki. Sjures duryyn. Kylbur'jos [By the side of the road. Collection of poems]. Moscow, 1925. P. 12–14.

Ashal'chi Oki. O chem poet votjachka. Stihy [What are the Udmurt girls singing about. Poems]. S votjackogo perevel Kuzebaj Gerd. Glazov: Izdanie Moskovskogo Obshhestva po Izucheniju Votjackoj Kul'tury [Transl. Kuzebaj Gerd. Glazov. Ed. of Moscow society for the study of Votyaks culture], 1928. 30 p.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskago jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg; Moscow, 1914. Vol. 3. Cols. 1689–1690.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskago jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg; Moscow, 1914. Vol. 4. Cols. 602–604.

Fedorova L. P. Kyly byre... [Words with the ends]. Udmurt dunne. No 021. March 19. 2013. 3 p.

Fedorova L. P. Kratkaja istorija udmurtskoj zhenskoj literatury [A brief history of the Udmurt women's literature]. Dvizhenie jepohi – dvizhenie literatury. Udmurtskaja literatura XX veka: Uchebnoe posobie [The movement of

an era – the movement of literature. Udmurt literature of the 20th century. Textbook]. Izhevsk, 2002. P. 155–168.

Gavrilov B. Proizvedenija narodnoj slovesnosti, obrjady i pover'ja votjakov Kazanskoj i Vjatskoj gubernij [Folk literature, rites and beliefs of the Votyaks in Kazan and Vyatka province]. Zapisany, perevedeny i izlozheny Borisom Gavrilovym vo vremja ego komandirovki v Votjackija selenija Kazanskoj i Vjatskoj gubernij [Collect., transl., ed. by Boris Gavrilov during the expedition to the Votyak settlements in the provinces of Kazan and Vyatka]. Kazan'. Tipografija A. A. Kokovinoj, 1880. 190 p.

Gerd K. Vil' udmurt kyl'jos [The new Udmurt words]. Kenesh. 1928. No 15. P. 19–21.

Gerd K. O nei ya pesn' poyu...: Stikhi i poemu, stat'i i nauchnye raboty, pis'ma [She is the one I am singing the song for... Verses and poems, articles and scientific works, letters]. Comp., auth. of the preface and comments F. K. Ermakova. Izhevsk: Udmurtiya, 1997. 336 p.

Korman B. O. Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedenija [Textual study of a literary composition]. Moscow: Prosveshhenie, 1972. 110 p.

Lupпов P. N. Materialy dlja istorii hristianstva u votjakov v pervoj polovine XIX veka [Materials for the history

of Christianity of the Votyaks in the first half of the 19th century]. Vjatka: Gubernskaja Tipografija, 1911. 318 p.

Panina T. Magija slova v narodnoj medicine udmurtov [Magic of words in Udmurt folk medicine]: dis. ... kand.filol. nauk [Ph. D. Diss. (Philol.)]. *Rukopisnyj fond Nauchno-otraslevogo arhiva Udmurtskogo instituta istorii, jazyka i literatury UrO RAN* [The fund of manuscripts of scientific and sectoral archive of the Udmurt institute of history, language and literature, UB RAS]. Izhevsk, 2012. op. 2-N, d. No 1628. 282 p.

Serova M. V. Pojetika «otkaza» v tvorcheskom povedenii Ashal'chi Oki [The poetics of rejection in the creative behavior of A. Oki]. *Serova M. V., Kadochnikova I. S. Problema kul'turno-istoricheskoj identichnosti v literature Udmurtii. (Akademicheskij chas)* [The problem of cultural and historical identity in Udmurt literature (Academic hour)]. Izhevsk, 2014. Iss. 3. P. 12–25.

Smirnov I. N. Votjaki [Votyaks]. Kazan', 1890. 308 p.

Shkljaev G. K. Oчерki jetnicheskoj psihologii udmurtov [Essays on ethnic psychology of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury UrO RAN, 2003. 300 p.

Udmurtsko-russkij slovar': ok. 50 000 slov [Udmurt-Russian dictionary; about 50 000 words]; Comp. T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin et al. Ed. L. E. Kirillova. Izhevsk: RAN UrO. Udm. in-t IYaL, 2008. 925 p. (in text – URS).

Udmurtskii fol'klor. Poslovitsy, aforizmy, pogovorki [Udmurt folklore: proverbs, aphorisms and sayings].

comp. T. G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtiya, 1987. 279 p.

Vereshhagin G. E. Sobranie sochinenij: Votjaki Sosnovskogo kraja [Collected works: Votyaks of Sosnovskiy region]. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 1995. Vol. 1. 260 p.

Vladykin V. E., Hristoljubova L. S. Jetnografija udmurtov: Uchebnoe posobie [The ethnography of Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija, 1991. 160 p.

Vladykin V. E. Religiozno-mifologicheskaja kartina mira udmurtov [Religious and mythological world view of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija, 1994. 384 p.

Zvereva T. R. Udmurtskie kul'turnye scenarii: voz'das'kon [Udmurt cultural scripts: oppression]. *Problemy i perspektivy funkcionirovanija rodnyh jazykov. K 85-letiju gosudarstvennosti Udmurtskoj Respubliki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 25–28 oktjabrja 2005 g.* [Problems and perspectives of indigenous languages. To the 85th anniversary of the Udmurt Republic statehood: Proceedings of the international scientific and practical conference. October 25–28, 2005]. Izhevsk: Udmurtija, 2006. P. 297–310.

UEW – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II. finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. P. 603–906.

Received June 10, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Камитова Алевтина Васильевна

и. о. зав. отделом филологических исследований, к. фил. н. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртская Республика, Россия, 426004

эл. почта: akamitova@mail.ru

тел.: 8 (3412) 687322

CONTRIBUTOR:

Kamitova, Alevtina

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural branch, Russian Academy of Sciences

4 Lomonosov St., 426004 Izhevsk, Russia

e-mail: akamitova@mail.ru

tel.: 8 (3412) 687322

УДК 821.511.132–2

КОМИ ДРАМА В 1990-е ГОДЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Н. В. Горинова

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Статья посвящена анализу коми драматургии периода социальных, политических, культурологических перемен конца XX в. Выявлена разнонаправленность развития драматургического искусства коми рубежа веков. В рассматриваемый период национальная драма развивается по трем направлениям: реалистическому, романтическому и условно-метафорическому. Особенное внимание привлекают пьесы последнего направления, в них преобладают ассоциативность, метафоричность, символичность, аллегоричность над собственно драматургическим. Именно инсказание в произведениях данного направления дает возможность более полно охарактеризовать противоречивость, неоднозначность происходящих в современном обществе процессов. В коми драматургии конца 1990-х годов наблюдается расширение идейно-тематического диапазона. Как и прежде, актуальной остается деревенская тематика, однако, в отличие от предшествующих поколений драматургов, взгляд современных авторов на будущее деревни пессимистичен. Для коми драматургии конца XX в. характерно обращение к исторической теме. Во многих пьесах современных драматургов осмысливается прошлое коми народа, исследуется развитие национального характера, в давно прошедших временах выявляются истоки социально-нравственных проблем современности. В произведениях 1990-х годов получает развитие тема художественного творчества; и речь не идет о высоком долге поэзии, в них раскрываются переживания драматургов по поводу невозможности реализации своих замыслов. Автором статьи показана динамика изменений системы персонажей драмы: в отличие от героев драм предшествующих периодов персонажам пьес 1990-х свойственны надломленность, равнодушие, склонность к предательству, праздному образу жизни, трусость. Исследование перечисленных аспектов позволяет отобразить художественную специфику коми драмы в период кардинально меняющейся действительности.

Ключевые слова: коми драма; метафора; реализм; романтизм; тема; герой; маргинальный герой.

N. V. Gorinova. SOME ASPECTS OF KOMI DRAMA IN THE 1990's

The article is devoted to the analysis of Komi dramatic art in the period of social, political and cultural changes in the late 20th century. The author reveals different ways of Komi dramatic art development at the turn of the centuries. In the studied period the national drama develops in three directions: realistic, romantic and symbolic-metaphorical. The plays of symbolic-metaphorical direction stand out due to the prevalence of associativity, metaphor, symbolism and allegory over the actual dramaturgical components. It is the allegory in these dramas that provides a more complete description of processes in modern society, reveals their inconsistency and ambiguity. Komi drama of the late 1990's extends the ideological and thematic range. As before, the village theme remains relevant,

but, unlike the previous generations of playwrights, the modern authors have a pessimistic view on the future of the village. The Komi drama of the late 20th century refers to a historical theme. Many contemporary authors reflect on the history of Komi people, explore the national character development, and reveal the origins of today's social and moral problems in the past. The authors of the 1990's develop the theme of artistic creativity. Yet they do not refer to the high purpose of poetry, but rather reveal their emotions regarding the inability to implement their ideas. The author of the article shows the dynamic pattern in the modern drama characters: unlike the dramas of the previous periods, the heroes of the 1990's plays are typically shattered, indifferent, and coward with a tendency to betray and lead idle life. The study of the listed aspects allows us to demonstrate the art features of Komi drama in the period of fundamental changes.

Key words: Komi drama; metaphor; realism; romanticism; theme; hero; marginal hero.

Конец XX в. знаменует собой новый этап в развитии драматургии коми. В условиях изменения государственной политики наблюдается стремление художественного сознания к обновлению, касающемуся формирования как новых концептуальных решений, так и новых средств отражения действительности. Прежде всего, в 1990-е годы обновился состав коми драматургов. Разумеется, в рассматриваемый период продолжают работать авторы, сформировавшиеся в предыдущие десятилетия и внесшие в литературу свою тему – А. Ларев, П. Шахов, Г. Юшков, Н. Белых. В этот же период к созданию пьес обращаются прозаики и поэты О. Уляшев, А. Попов, А. Лужиков – новое поколение драматургов, принесшее в литературу коми новое понимание мира и драматургического искусства. Коми драматурги, продолжая развивать драматургические жанровые формы, достигают значительных успехов в художественном освещении меняющейся действительности, решении нравственных проблем, раскрытии внутреннего мира героев.

Быстрота и интенсивность происходящих в обществе перемен побуждают драматургию коми к освоению новых художественных способов осмысления действительности. Традиционное для коми пьес предметно-аналитическое изображение жизненных реалий остается актуальным, однако не единственным. Национальная драма в стремлении отобразить меняющуюся картину мира постигает условно-метафорические методы воссоздания общественных противоречий. В пьесах данного типа реалистическое соединяется с фантастическим, мистическим, возможности драматургического искусства здесь расширяются за счет сгущенной метафоричности, многозначности и ассоциативности слов. Так, в драме «Туналъм ордым» («Заколдованная тропа», 1997) А. Попов отображает современное состояние своего народа, во многом нравственно-кризисное, как

блуждание коми людей по темному лесу. Место действия в трагикомедии А. Попова «Вой, кодй некор эз вöv» («Ночь, которой никогда не было», 1994) – морг, – являясь емкой метафорой бездуховности современного мира, приобретает свойства других топосов – театральной сцены, вырезвителя, общежития, сумасшедшего дома, которые также становятся метафорами современного общества и в наибольшей степени, в отличие от драматургических приемов, оценивают и характеризуют персонажей пьесы. Герой драмы Н. Белых «Ов, дитяй, ов!» («Живи, дитя мое, живи!», 1991) писатель Томов манипулирует пришедшими к нему гостями, превращая их (помимо их воли) в персонажей своих пьес, помещая в условные пространства, заставляя отображать свои размышления об историческом развитии России. Драматург таким образом раскрывает силу художественного слова, его влияние на характер поведения советского читателя. В драме А. Лужикова «Ыджыд висьом» («Большая болезнь», 1997) результаты давления тоталитарного государства на личность отображаются путем столкновения героя с его двойниками-галлюцинациями. В произведениях данного направления не наблюдается классического развития конфликта, композиционной заданности, соблюдения закономерностей индивидуализации драматического характера. Доминирующее положение в пьесах указанных авторов занимает ассоциативный план: драматурги сознательно стремятся к созданию «открытого» произведения, побуждающего расшифровать данные в тексте намеки, заполнить оставленные авторами смысловые лакуны, драмы намеренно создаются в расчете на активность и сотворчество зрителя. Обращенность к условным формам позволяет драматургам не только раскрыть противоречия времени, но и показать свои глубоко личные переживания, связанные прежде всего с творческими неудачами.

Драма коми 1990-х годов, как и прежде, успешно развивается в русле реалистического направления, которое объединяет пьесы Г. Юшкова, А. Ларева, П. Шахова, первые драмы А. Попова. Драматургические произведения этих авторов воссоздают повседневность, быт и праздники коми людей, в основном представителей сельской общины, их волнения и тревоги, радость и счастливые моменты жизни. Персонажи пьес не являются персонификациями идей; это типические персонажи, действующие в конкретно-исторических ситуациях, отображая социально-нравственные проблемы современности, например, угасание деревни, пьянство ее жителей, взяточничество, карьеризм, вещизм, в том виде, в котором они предстают в реальности. Драмы названных авторов отличаются остросоциальный конфликт, композиционная строгость, психологизация персонажей, присутствие дидактической линии.

Драма О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» («Поэма о молельнях», 1991) развивает традиции революционно-романтического направления в драматургическом искусстве коми, заложенные В. Савиным и В. Чисталевым в 1920-е годы. Пьеса проникнута лирическим началом, характерным для произведений романтиков. Оно раскрывает внутренние переживания автора, его неудовлетворенность существующим миропорядком, содействующим постепенной ассимиляции малых народностей. Подобно представителям романтизма, О. Уляшев уходит от реальности, воспроизводя дохристианское прошлое коми, идеализируя его, представляя идеалом цельности бытия. Центральный персонаж – колдун Кыска – наделен романтическими чертами: он – неповторимая личность, не принимающая несовершенство мира. Кыска – герой-одиночка, вступающий в борьбу с притеснителями своего народа – с миссионером Степаном и его войском, стремясь защитить свободу зырян, их самобытную культуру и нравственные основы жизни. Герой О. Уляшева погибает, но его имя и идеалы становятся бессмертными. Трагический пафос, пронизывающий драму «Енколаяс йылысь поэма», выявляет актуальность поставленной в драме проблемы о будущем народа коми, о возможной потере им уникальности и самобытности. Драма О. Уляшева, как и многие другие произведения коми литературы конца XX века об историческом прошлом зырян, служит повышению и укреплению национального самосознания.

Реалистическое и романтическое направления, традиционные для драмы коми, выявляют глубокие типологические связи современных пьес с литературой коми предшествующих

лет. Условно-метафорическое направление, развиваемое драматургами в конце XX в., раскрывает обращенность авторов коми пьес не только к традициям родной литературы, но и к достижениям мировой культуры.

Разнонаправленный характер движения драматургии коми в 1990-е годы во многом определяется развитием общероссийского литературного процесса, одной из важнейших особенностей которого в рассматриваемый период становится «многоголосие» – отсутствие единого стиля, единого метода, чему в целом способствуют демократизация и деидеологизация общества, обретение литературой некоторой свободы в отображении мира и человека в нем. Данное обстоятельство также содействует расширению тематико-проблемного диапазона, проникновению элементов других литературных родов – эпического и лирического – в ткань произведений драмы, размыванию жанровых границ пьес, что выявляет некоторое послабление в соблюдении авторами классических законов строения драматургического произведения: многим пьесам 1990-х годов присущи описательность, повествовательность, фрагментарность, разветвление сюжетных линий, отсутствие острого конфликта, «неиндивидуализированная» речь героя. Перечисленное осложняет постановку современных драм коми на сцене. Исключения составляют пьесы Г. Юшкова и О. Уляшева, которые отличаются строгостью композиции, острый конфликт, индивидуализация речи каждого персонажа, что значительно упрощает работу режиссера в постановке спектаклей по произведениям этих авторов.

В 1990-е годы, как уже отмечалось, существенно изменилась тематика коми пьес. По-прежнему важное место в драме занимает деревенская тема, однако она приобретает новые черты. Ранее коми пьеса обнаруживала чаще всего оптимистичный взгляд на будущее деревни, представители которой были в силах решить многие производственные проблемы. Коми драма конца XX в. отображает удручающие картины современной деревенской жизни – разрушение коллективных хозяйств, деградирующих крестьян – безработных пьяниц. Драма, описывающая перемены, произошедшие в селах во времена перестройки, не вселяет уверенности в завтрашнем дне деревни. Более оптимистичный взгляд характерен пьесам Г. Юшкова, в которых деревенская тематика соединена с семейной: в его маленьких комедиях 1990-х годов деградирующие сельские персонажи имеют возможность измениться в лучшую сторону, обретая семью. Семья

в творчестве Г. Юшкова содействует нравственному выздоровлению личности, а вместе с тем и способствует восстановлению полуразрушенной деревни.

В драматургических произведениях конца XX века остро звучит историческая тематика, которая напрямую связана с темой народа коми. Данная тенденция присуща общему развитию финно-угорских литератур. По словам Е. В. Косинцевой, «рубеж XX–XXI вв. в финно-угорских литературах России характеризуется возросшим интересом к истории, древней культуре, мифолого-эпическим героям, ассоциирующимся в национальном сознании с великим прошлым, с красотой и величием народа» [Косинцева, 2013. С. 35]. Специфика драматургии коми 1990-х годов в том, что авторы пьес, художественно осмысляя историю своего народа, исследуют развитие национального характера, а также пытаются выявить истоки социально-нравственных проблем современности в давно прошедших временах. По мнению драматургов, предшественники зырян, в сравнении с их современниками, обладали большей нравственностью, большей силой духа (О. Уляшев, Н. Белых, А. Лужиков). Нравственную опустошенность современных коми драматурги рассматривают либо как результат многовекового подавления народа властью (Н. Белых, А. Лужиков), либо как следствие «первородного» греха предков зырян – коми наказаны за серьезный проступок праотцов (Г. Юшков, А. Попов). Авторы современных пьес также художественно исследуют время христианизации Коми края. Драматурги концентрируют внимание на совмещенности христианского и языческого мировоззрений в сознании коми человека: в пьесах современности он все чаще выступает как полуязычник-полухристианин, его христианство, все чаще обнаруживающее себя в соблюдении православных обрядов, переплетено с языческими суевериями.

В драмах современности осмысливается коммунистическое прошлое страны. Раскрываемые в пьесах характеры пожилых людей позволяют рассуждать о времени, которое их сформировало. Несмотря на преклонный возраст, эти персонажи отличаются силой духа, цельностью мировосприятия, любовью к труду, любовью к самой жизни; их приверженность идеологии Советского Союза позволила совершить трудовой подвиг, поднять полуразрушенное послевоенное колхозное хозяйство. Вместе с этим в коми драме конца XX века выявляется негативное воздействие идеологии власти во времена СССР на творческую личность, рассматриваются проблемы давления

администрации на писателей доперестроечного периода.

В 1990-е годы авторы пьес обращаются к теме художественного творчества. Необходимо отметить, что драматурги коми крайне редко затрагивают эту тему. В конце XX века указанная тема в драме коми актуализируется, возникает необходимость ее осмысления. Драматурги в постижении значения художественного творчества не говорят о назначении поэзии, о высоком долге поэта. Скорее в пьесах раскрываются личные переживания и рефлексия авторов по поводу невозможности реализации своих замыслов. В пьесе А. Попова «Туналъм ордым» творческая личность тун Тима сопоставлен с Богом-Творцом, но, в отличие от Него, не способен помочь своему народу в периоды кризисных ситуаций. Через характер тун Тимы автор выражает сожаление, что писатель вынужден лишь фиксировать происходящие события, показывать почти безысходное состояние народа, но художник не в силах помочь ему в решении определенных социально-нравственных проблем. В драме Н. Белых «Ов, дитяй, ов!» автор размышляет о функциях литературы в постперестроечном обществе: к сожалению героя драмы, занимающегося литературной деятельностью, его произведения уже не способствуют формированию личностных качеств человека, как это было в Советском Союзе. По мнению Н. Белых, в 1990-е годы связь между писателем и читателем ослабевает, и творческий человек уже ограничен в возможностях пробудить в читателе стремление следовать определенным идеалам. В драме А. Лужикова «Ыджыд висьӧм» тема художественного творчества напрямую соотносена с темой власти и человека: автор выявляет негативные моменты в отношениях власти и писателя, когда последний вынужден скрывать свои взгляды на существующие порядки. Драматург раскрывает негативное воздействие тоталитарной власти на творческую личность, неспособность последней противостоять неправильным установкам государства. Таким образом, авторы драм 1990-х в осмыслении темы художественного творчества прежде всего сосредоточены на собственном отношении к своему же писательскому труду, выражая неудовлетворенность собой в постижении и осуществлении предназначения истинного и свободного художника.

Герой драмы коми в 1990-е годы также претерпевает изменения. Как справедливо отмечено В. А. Латышевой, «настоящие» герои уходят из современной пьесы: «Драматургия коми еще в своих первых произведениях бралась

показать жизненные перемены. Герои, подобные Грише, Клавдии, Домне, сыну Ламбея, Дарье Кочановой, Афанасию Шомесову, исчезают из нее; остается лишь внутрисемейное, «внутриродственное», самое большое – внутридеревенское житье-бытье. «Герой» не покушается на что-то большее, а ищет или любви, или признания, или своего жизненного пути» [Латышева, 2005. С. 217]. Персонажи современных пьес далеки от прежних героев литературы коми – цельных натур, гармоничных личностей, в которых сочетаются открытость, добродушие, мужественная стойкость, преданность, трудолюбие, стремление жить по законам высокой нравственности. В 1990-е годы герои коми драмы переживают духовный кризис, в их характерах выявляются надломленность, равнодушие, склонность к предательству, праздному образу жизни, трусость. Авторы современных пьес концентрируют внимание на отсутствии целостности в характерах персонажей, их углубленности в собственные чувства и ощущения, что обуславливает их отчуждение от современного общества, их одиночество в огромном мире. В контексте общероссийской литературы персонажи коми пьес не слишком выделяются, им присущи те же черты, что и персонажам, например, русской литературы (прозы) конца XX в. Так, исследуя прозу современных русских авторов, Ю. Дюжев выявляет в характерах персонажей следующие черты: равнодушие к близким, потомству, отвращение к труду, тяга к наслаждению, панический страх перед сложностью и уязвимостью бытия, охваченность тревогой, двойственность, прагматичность, бегство в грезы, пассивность, эгоцентризм... [Дюжев, 2000. С. 310–328]. В целом персонажи пьес воплощают собой дух времени и страны, переживающей социально-экономические и нравственные катаклизмы и непреднамеренно способствующей деморализации общества.

В отличие от драм предшествующих периодов в пьесах 1990-х годов подчеркивается маргинальность современника, его «промежуточность», «двойственность». Герой коми драм конца XX в. находится между двумя мирами, вернее сказать, скитается, мечется между добром и злом, жизнью и смертью, реальностью и инобытием, сном и явью, язычеством и христианством. Духовные метания персонажей современных пьес выявляют сложность взаимоотношений человека с миром, окружающими его людьми, с самим собой, а также художественно отображают дисгармоничность, противоречивость и неустроенность мира. Маргинальность современника, по мысли драматургов, во

многим обусловлена сменой места жительства, его переездом из деревни в город, его оторванностью от корней, от национальных традиций, утратой им семейно-родовых связей. В этом драма коми схожа с финно-угорскими литературами, объясняющими двойственность природы современника его отрывом от привычных для него социальных условий, потерей им родных и исконных культурно-исторических связей.

Конец XX века – особый период для развития коми драмы. В 1990-е годы идет процесс обновления жанра драмы, продиктованный стремлением к художественному познанию новой действительности, ее художественные особенности определяются стремлением авторов выявить и показать внутренний кризис, в котором находится сегодня общество. Драматургия коми, осмысляя изменяющуюся действительность рубежа веков, прибегает к новым художественным способам ее отражения, обращается к новым темам и жанрам. В то же время она осваивает и продолжает развивать уже сложившиеся традиции литературы коми. Драма коми продолжает погружаться в жизнь своего народа, стремясь передать самобытность его национального духа.

Литература

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Белых Н. Ов, дитяй, ов! // Войвыв кодзув.* 1991. № 1. 6–37 л. б.
- Борев Ю. Б.* О трагическом. М.: Советский писатель, 1961. 392 с.
- Бояринова Г. Н.* Проблема характера в современной марийской драматургии. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2005. 127 с.
- Вежев А. А.* Драматургия // История коми литературы. Т. 3. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1981. С. 224–235.
- Власов В., Лукин Н.* Авангардизм. Модернизм. Постмодернизм: Терминологический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2005. 320 с.
- Дюжев Ю. И.* Русская литература Карелии 1990-х гг. Проза // История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 310–328.
- Затонский Д. В.* Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. Харьков: Фолио; М.: Аст, 2000. 256 с.
- Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
- Косинцева Е. В.* Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2013. 42 с.
- Кузнецова Т. Л.* Мӧвпалӧ, уджалӧ, гижӧ... (А. Поповлӧн гижӧдъяс йылысь) // Литература

сөвман туйяс: гижысь да кад. Сыктывкар: Эскӧм, 2003. 33–54 л. б.

Куклина Р. И. Некоторые особенности поэтики пьесы Н. Бельха «Ов, дитяёй, ов!» (Живи, дитя мое, живи!) // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. Тр. Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2004. Вып. 64. С. 91–108.

Латышева В. А. Драматургия братских угро-финских народов Поволжья и Приуралья // Латышева В. А. Классики и современники: Статьи о литературе. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2005. С. 209–221.

Липовецкий М. Н. Постмодернизм: агрессия симулякров и саморегуляция Хаоса // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Книга 1. Новые художественные стратегии / Отв. ред. Н. Л. Лейдерман. Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005. С. 355–393.

Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2001. С. 297–335.

Лушиков А. Ыджыд висьӧм // Арт. 1997. № 1. С. 172–191.

Луков В. А. Мировая литература в контексте культуры: новые подходы к исследованию // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 250–259.

Микушев А. К. Парма весьтын сьыланкыв. Литературно-критическӧй пасйӧдъяс. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1984. 168 л.

Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск: Экономпресс, 1998. 232 с.

Попов А. Мыйсяма йӧз. Повестьяс, висьтъяс, пьесаяс. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994. 271 л.

Попов А. Туналӧм ордым // Войвыв кодзув. 1997. № 8. 39–63 л. б.

Уляшев О. И. Енколаяс йылысь поэма // Уляшев О. И. Орд ордым. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанин, 2006. 68–98 л. б.

Юшков Г. Ен ныв // Войвыв кодзув. 1990. № 12. 3–47 л. б.

Юшков Г. Коми бал // Войвыв кодзув. 1993. № 12. 3–21 л. б.

Поступила в редакцию 05.03.2015

References

Bahtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p.

Belyh N. Ov, ditjaoj, ov! [Live my child, live!]. *Vojvyv kodjuv* [North Star]. 1991. No 1. P. 6–37 (in Komi).

Bojarinova G. N. Problema haraktera v sovremennoj marijskoj dramaturgii [Problems of character in modern Mari drama]. Jshkar-Ola: Mar. gos. un-t, 2005. 127 p.

Borev Ju. B. O tragicheskome [On the tragic]. Moscow: Sovetskij pisatel, 1961. 392 p.

Djuzhev Ju. I. Russkaja literatura Karelii 1990-h gg. Proza [Russian literature of Karelia in the 1990's. Prose]. Istorija literatury Karelii [History of Karelian literature]: v 3 t. Petrozavodsk, 2000. Vol. 3. P. 310–328.

Ijgin I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow: Intrada, 1996. 256 p.

Jushkov G. Jen nыв [Daughter of God]. *Vojvyv kodjuv* [North Star]. 1990. No 12. P. 3–47 (in Komi).

Jushkov G. Komi bal [Komi ball]. *Vojvyv kodjuv* [North Star]. 1993. No 12. P. 3–21 (in Komi).

Kosintseva Je. V. Hantyskaja literatura ot istokov do sovremennosti: temy, obrazy, tradicii [Khanty literature ab origine to present day: topics, images, traditions]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [PhD Diss. (Filol.)]. Saransk, 2013. 42 p.

Kuklina R. I. Nekotorye osobennosti poetiki pjesy N. Belyha «Ov, ditjaoj, ov!» (Zhivi, ditja mojo, zhivi!) [Some poetic features of N. Belyh's play «Ov, ditjaoj, ov!» (Live my child, live!)]. Sovremennaja komi literatura: problematika, geroi, stil. Tr. In-ta jazyka, literatury i istorii KNC Uro RAN [Proc. Inst. lang., liter. and history KSC UB RAS]. Syktyvkar, 2004. Iss. 64. P. 91–108.

Kuznetcova T. L. Movpalo, udzalo, gizho... (A. Popovlon gizhodjas jylys) [Thinks, works, writes... (On A. Popov's compositions)]. Literatura sovman tujas: gijzys da kad [The paths of literature development: a writer and time]. Syktyvkar: Eskom, 2003. P. 33–54 (in Komi).

Latysheva V. A. Dramaturgija bratskih ugro-finskih narodov Povolzhja i Priuralja [Drama of fraternal Finno-Ugric peoples of the Volga and Urals regions]. Latysheva V. A. Klassiki i sovremenniki: Statji o literature [The classics and contemporaries: Papers on literature]. Syktyvkar: Komi kniznoje izdatelstvo, 2005. P. 209–221.

Lipovetskij M. N. Postmodernizm: agressija simulakrov i samoregulacia Haosa [Postmodernism: aggression of simulacra and self-regulation of chaos]. Russkaja literatura XX veka: zakonomernosti istoricheskogo razvitiya. Kniga 1. Novyje hudozhestvennyje strategii [Russian literature of the 20th century: the laws of historical development. Book 1. New artistic strategies]. Ed. N. L. Lejderman. Jekaterinburg: Uro RAN, Uro RAO, 2005. P. 355–393.

Lotman Ju. M. Simvolicheskije prostranstva [Symbolic spaces]. Lotman Ju. M. Semiosfera. St. Petersburg: Iskustvo SPb, 2001. P. 297–335.

Lukov V. A. Mirovaja literatura v kontekste kultury: novyje podhody k issledovaniju [World literature in the context of culture: new research approaches]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies]. 2008. No 19. P. 250–259.

Luzhikov A. Ydzyd visjom [A serious illness]. *Art*. 1997. No 1. P. 172–191 (in Komi).

Mikushev A. K. Parma vestyn sylankyv [A song over parma (taiga)]. Literaturno-kriticheskoy pasjodjas [Literary critical notes]. Syktyvkar: Komi kniznoje izdatelstvo, 1984. P. 168 (in Komi).

Nefagina G. L. Russkaja proza vtoroj poloviny 80-h – nachala 90-x godov XX veka [Russian prose of the second half of the 1980's – beginning of the 1990's]. Minsk: Ekonompress, 1998. 232 p.

Popov A. Mysama jaz. Poveštjas, vistjas, pjesajas [What kind of people they are. Novels, stories, plays]. Syktyvkar: Komi kniznoje izdatelstvo, 1994. 271 p. (in Komi).

Popov A. Tunalom ordym [A bewitched trail]. *Vojvuv kodjuv* [North Star]. 1997. No 8. P. 39–63 (in Komi).

Ulyashev O. I. Jenkolajas jyls poema [A poem on oratory]. Ulyashev O. I. Ord ordym [Ulyashev O. I. Ancestral trail]. Syktyvkar: Komi kniznoje izdatelstvo, 2006. P. 68–98 (in Komi).

Vezhev A. A. Dramaturgija [Drama]. Istorija komi literatury [History of Komi literature]. Vol. 3. Syktyvkar: Komi kniznoje izdatelstvo, 1981. P. 224–235.

Vlasov V., Lukin N. Avangardizm. Modernizm. Postmodernizm: Terminologičeskij slovar [Avantgardism. Modernism. Postmodernism. Terminological dictionary]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2005. 320 p.

Zatonskij D. V. Modernizm i postmodernizm: Mysli ob izvechnom kolovracšenii izjačshnyh i neizjačshnyh iskusstv [Modernism and postmodernism. Thoughts on primeval rotation of fine and inelegant arts]. Harkov: Folio, Moscow: Ast, 2000. 256 p.

Received March 05, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Горина Наталья Васильевна

научный сотрудник, к. фил. н.
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Республика Коми,
Россия, 167000
эл. почта: ngorinova@mail.ru
тел.: 89505650043

CONTRIBUTOR:

Gorinova, Natalia

Institute of Language, Literature and History, Komi Science
Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
26 Kommunističeskaya St., 167000 Syktyvkar,
Komi Republic, Russia
e-mail: ngorinova@mail.ru
tel.: 89505650043

УДК 130.2–281.9

ПРАВОСЛАВНОЕ ЕДИНОВЕРИЕ И ЕГО РОЛЬ В РУССКОЙ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

К. М. Товбин

*Южно-Сахалинский институт (филиал) Российского экономического
университета им Г. В. Плеханова*

В статье рассмотрена идейная трансформация единоверия – старообрядного крыла Русской православной церкви, возникшего как компромиссный вариант между старообрядцами и сторонниками реформированной Никоном церкви. Возникнувшее фактически почти сразу после церковного раскола XVII века и юридически оформленное в 1800 г., единоверие представлено как пример трансформации традиционной духовности: от собственно традиционности через фазу рациональной религиозности – в симулятивную фазу. Первая стадия – традиционная – являет собой единоверие как своеобразный ментальный шлюз для перехода носителей «древлего благочестия» в секуляризованную государственную церковь. Вторая ступень – недолгий выход единоверия на конфессиональный уровень, попытка обособления и смены парадигмального курса всей официальной церкви. Третья стадия – современная – попытка превращения единоверия (как участника старообрядческого смыслового поля) в элемент симулятивной духовности Постмодерна. Являясь внутри Русской православной церкви наиболее традиционалистическим и традиционным крылом, единоверие служит индикатором пострелигиозных процессов, затрагивающих в первую очередь наиболее традиционные формы духовности. Таким образом, исследуя историю и трансформацию достаточно однородного в своем семиотическом измерении единоверия, можно получить сведения о сущности пострелигиозных трансформаций, происходящих с православием в целом. Пострелигиозная ментальность имеет место действия в наиболее насыщенных семиотических полях; ситуативное пренебрежение этой насыщенностью со стороны новообрядцев не позволяет им выйти во всей своей полноте из религиозного формата в пострелигиозный. Единоверцы внутри РПЦ, старательно хранящие древние ритуалы и правила, но в то же время лишенные раскольнического осознания своей исключительности, помогают рассмотреть пострелигиозные сдвиги без примеси к ним идеологических и политических факторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: православная церковь; единоверие; старообрядчество; раскол; традиция; еклесиология; кентавризм; субкультура; Постмодерн; симулякр.

Kirill M. Tovbin. THE ORTHODOX EDINOVERIE AND ITS ROLE IN RUSSIAN SECULARIZATION

The article considers ideological transformation of Edinoverie – the Old Rite wing of the Russian Orthodox Church emerged as a compromise between the Old Believers and supporters of Nikon's reformed Church. Originating in fact almost immediately after the schism of the 17th century and formalized in 1800, Edinoverie depicts the transformation of traditional spirituality from its own conventionality through a phase of rational religion

into a simulation phase. In the first traditional stage, Edinoverie occurs as a certain transitional mental gateway of «the ancient piety» to the secular state Church. The second stage comprises a short-term presence of Edinoverie on the confessional level and an attempt to separate and shift the paradigm of the entire official Church. The third modern stage includes an attempt of turning Edinoverie (as a part of the Old Believers' semantic field) into a simulative element of Postmodern spirituality. Being the most conventional and traditional wing in the Russian Orthodox Church, Edinoverie serves as an indicator of post-religious processes affecting primarily the most traditional forms of spirituality. Therefore, when exploring the history and transformation of Edinoverie as a relatively uniform arrangement in its semiotic dimension, it is possible to obtain information on the nature of post-religious transformations dealing with the Orthodox Church as a whole. Post-religious mentality occurs in the most saturated semiotic fields; situational neglect of this saturation by the new-ritualists does not allow them to evolve from the religious format into the post-religious one. Edinoverie in the Russian Orthodox Church carefully keeps the ancient rituals and rules but at the same time it does not possess the schismatic spirit, which allows us to study post-religious shifts without ideological and political impurities.

Key words: Orthodox Church; Edinoverie; Old Believers; the Raskol; tradition; ecclesiology; centaurizm; subculture; Postmodern; simulacrum.

Секуляризация и десакрализация в истории России имели свои особенности. Прежде всего, в отличие от Запада, в России было широкое и мощное духовное движение старообрядцев, сопротивлявшихся модернизации и – более того – выработавших эффективные способы выживания в условиях модернизации, пропитавшей всю российскую государственность [Товбин, 2014]. Интеграция старообрядцев в обмирщенную церковь для устранения их как ментальной альтернативы – это было философским измерением экклесиологического процесса формирования единоверческого «отделения» в Русской церкви. Соответственно, изучение обоснований, причин и предпосылок возникновения единоверия раскроет нам секулярное содержание формально клерикальной политики церкви. Изучение истории собственно единоверия, его идеологической и социальной трансформации может быть индикатором действительности и показателем траектории секулярного процесса, дошедшего к нашему времени до своего апогея.

Единоверие – особенное направление в старообрядчестве. Оригинальность и внутренняя идейная трансформация единоверия настолько велики, что и «отделенные» староверы, и православные новообрядцы зачастую отрицают допустимость отнесения единоверцев к смысловому и знаковому полю «старообрядчество». Единоверчество (единоверие, старообрядное направление¹ «официальной» православной церкви) представляет собой совокупность общин, сохраняющих дораскольный литургический, бытовой и мировоззренческий

комплекс, но подчиняющихся иерархам новообрядческой церкви.

1. Единоверие «классическое»

Де-факто единоверие существовало и до 1800 года, в котором оно было официально учреждено. По некоторым сведениям, после раскола некоторые архиереи практиковали в своих епархиях «старый обряд». Было дозволено проводить богослужение по дораскольному чину одному из виднейших деятелей старообрядческого движения – прот. Иоанну Неронову (1591–1670), вернувшемуся с покаянием в патриархальную церковь [Лавров, 2009]. Некоторые архиереи продолжали с разной степенью скрытности поддерживать старый обряд и старообрядцев даже после клятв Собора 1666 года (напр., еп. Александр Вятский). Есть предположение (правда, вызывающее сомнение) и о том, что сам Никон после смещения с патриаршего стола в Кирилло-Белозерском монастыре проводил служения «по-старому» [Тюренков, 2004–2015б], печатал «старообрядные» книги [Кирилл, 2011] и являлся проводником политики биритуализма [Шлеев, 2005а. С. 44]. Разные элементы дораскольной литургической практики осуществлялись в Валаамском монастыре, Зосимовой, Оптиной и Саровской пустынях [Кутузов, 2000]. Кроме того, некоторые местные архиереи в XVIII веке стали позволять в своих епархиях богослужения по «старому чину» (напр., еп. Иларион Астраханский) [Лебедев, 1903. С. 445]. Есть сведения о разрешении старого чина в своей епархии св. Тихоном Задонским, даже без согласования с Синодом [Жмакин, 1900. С. 991].

¹ Современное именование единоверцев.

Начало единоверию в современном виде (как переход от «стеснительных» мер к «увещательным» [Павлова, 2007. С. 14]) было положено в конце XVIII века. Первым деятелем этого поприща был архиепископ Херсонский **Никифор (Феотоки)** (1730–1800) [Феотоки, 2006], опубликовавший в 1780 году «Окружное послание ко всем именующим себя староверами в Славянской и Херсонской епархии обитающим», положившее начало официальному признанию позиции староверов со стороны Греко-Российской Церкви. Этот труд был первым богословским обоснованием единоверия. В своей епархии архиеп. Никифор поставил староверам священников и освятил храмы, в которых проводились богослужения по старому чину.

Следующей вехой была деятельность беглопоповцев, насельников монастыря в Стародубье. Инок **Никодим** (1754–1784) и **Яков Стефанович Беляев** (1751–1792), известные в старообрядческом мире писатели, всю жизнь стремились к выводу староверия из маргинального состояния, не допуская в то же время никакого компромисса в догматической и литургической сторонах. Никодимом были составлены и переданы Екатерине II и в Синод «Статьи», в которых обосновывалась истинность «старого обряда» и содержались просьбы о даровании Греко-Российской Церковью старообрядцам собственного независимого священства [Верховский, 1868. С. 16]. Возможно, именно следствием деятельности Никодима Стародубского было радикальное изменение политики Екатерины II в отношении старообрядцев, покровительство староверческой реэмиграции и хозяйствования, а также давление на Синод с целью снятия анафем с древлеправославия. В 1785 году Екатериной II были опубликованы «Высочайшие постановления», ставшие первой вехой в официальном «признании» староверов государством.

Официально единоверие возникло в 1800 году желанием императора Павла, в домовый церкви которого велись богослужения по дораскольному чину [Карпец, 2004–2015б], и в русле миссионерской политики **митрополита Платона (Левшина)** [Правила..., 2003] и представляло собой компромиссный метод «уврачевания раскола».

С самого начала единоверие выглядело *мировоззренческим кентавром*:

1) Осуществление древнего литургического чина проходило при формальном осуждении этого чина церковью, к которой принадлежали единоверцы (до 1971 года). Проклятия, наложенные Собором 1667 года, снимались,

согласно 1 пункту положения о единоверии: древний обряд переставал быть проклятым при присоединении к Греко-Российской Церкви. Налицо полная каноническая и богословская несостыковка юридических актов разного уровня. Вследствие такого «допущения» единоверцы были православными «второго сорта». Например, единоверцы могли приступать к таинствам у новообрядцев, но новообрядцы у единоверцев-священников – только в случае смертной нужды. Новообрядцы «смотрят на него как на «полураскол», а старообрядцы – как на «полуниконианство»» [Карпец, 2004–2015а].

- 2) Древнерусское православное мировоззрение и традиционно-православная аскетика были сохранены, невзирая на то, что господствующая церковь активно внедряла в себя элементы католической и протестантской духовности (в лице самих императора Павла и митр. Платона) и не позволяла подвергать их сомнениям до конца XIX века.
- 3) Апологетика «старого чина», заявленная староверческими начетчиками, не переходила черты суждений о благодатности таинств «официальной» церкви.
- 4) Проблемно даже именование «единоверцы». Сами единоверцы пользуются им только в идентификационных целях, предпочитая именоваться старообрядцами, староверами, древлеправославными христианами. Старообрядцы всех согласий активно возражают против единоверия как «ловушки для старообрядцев» (такая оценка дана в издании староверов, претендующем на академичность [Старообрядчество..., 1996. С. 193]), несмотря на то, что единоверцами сохранен (воскрешен) именно литургический уклад древнерусской церкви.
- 5) Трудно понять, уместно ли, со старообрядческой точки зрения, называть единоверцев «никонианами». С одной стороны, они принадлежат к реформированной Никоном церкви. С другой стороны, они не разделяли никоновских нововведений в литургической, бытовой, церковно-стратификационной и прочих сферах.

Единоверие было вытеснено из сферы продолжавшегося три столетия противостояния староверов и «никониан». Существование единоверческих общин было ситуативным и зависящим от воли и отношения епархиальных архиереев и авторитетных священников. Зачастую бывало, что в одной епархии единоверцы свободно совершали богослужения «по-старому» в отведенных им храмах, а в соседней области их принуждали к полному погружению

в новообрядческий семиотический комплект (с троеперстием, обновленным Символом Веры и пр.). Более того, со сменой епископа могла кардинально измениться политика в отношении к единоверцам и в той области, где они исстари проживали.

Это обратная сторона внутренней автономии единоверческих общин: они подчинялись лично правящему архиерею без каких-либо посредников или внутренних управленческих структур. Таким образом, волюнтаризм епископа в отношении подчиненных ему единоверцев не имел никаких сдерживающих скреп [Свод..., Б. м. С. 19]. Потому не существовало каких-то локализаций единоверцев, не было системы четкого поставления единоверческого священства. Такое положение сохранялось до 1800 года, когда была получена юридическая защита и новоименование – «единоверцы».

Единоверие стало частью «государственного проекта» по воссоединению двух ветвей русского православия [Чельцов, 1900. С. 41]. Важную роль в популяризации единоверия в староверческой среде сыграли архимандрит Никольского единоверческого монастыря **Павел Прусский** (Леднев; 1821–1895), публицист **Тертий Иванович Филиппов** (1825–1899) и профессор МДА **Николай Иванович Субботин** (1827–1905).

Однако с 1800 по 1971 годы сохранялось серьезное экклесиологическое противоречие: при осуждении «старого обряда» решениями Собора 1666–1667 г. в церкви сохранялись общины, практиковавшие этот «старый обряд», формально подпадающие под анафемы церкви. Согласно официальной позиции, анафемы эти распространялись только на внешних «хулителей церкви». То есть церковь определялась сугубо юридически, а суждения об анафемах уже в те времена подвергались «творческим перетолкованиям»: невзирая на текст анафем и контекст их оглашения, «миссионерские» единоверцы влагали в них совершенно особый смысл. Такая деятельность, наряду с прочим, закладывала основы современного единоверческого кентавризма. Наиболее ярко этот кентавризм был обнаружен Т. И. Филипповым. Старообрядческий историк Виктор Боченков в своем исследовании проводит мысль, что в основе единоверческого движения к автономии и к реабилитации дониконовского церковного уклада скрыто лежит интеллектуальная работа старообрядческого богослова Ксеноса, приятеля Тертия Филиппова [Боченков, 2004].

В понимании феномена единоверия чрезвычайно важно *эпистемологическое обоснование*. От разных трактовок единоверия, бытовавших с самого его начала, зависит и представление о его сущности. Для единоверцев единоверие было сохранением святой старины в лоне церкви. Для деятелей церкви, противопоставлявших понятия «единоверие» и «православие» (как семиотическое новообрядчество), единоверие было *мостом*, обращенным от «православия» к заблудшим в духе икономии. Митрополит Филарет (Дроздов): «Единоверие не есть начало. Начало есть православие; а единоверие – распространение, развитие, движение сего начала к стороне раскола, с той целью, чтобы отторженных от православной церкви возратить к единству веры, церкви и священноначалия» [Звездинский, 1900. С. 3].

Митрополит Филарет понимал единоверие как снисхождение для привыкших к старому обряду в качестве *временной* автономной единицы в составе российской церкви. Всякие автономические инициативы единоверия им резко пресекались [Беликов, 1895. С. 511], ибо старый чин, священный для единоверцев, считался неполноценным, погрешным, а старообрядческое мировоззрение – ретроградным. Митрополит Филарет провозгласил начало нового этапа противостарообрядческого миссионерства именно с призыва к жалости в отношении неразвитых и темных людей, неспособных выйти за рамки своей косности и невежества в светлое пространство современной, рационалистической новоправославной философии. Переход из новообрядчества в единоверие оставался, как и прежде, невозможен.

Павел Прусский (протезе Филарета) вполне разделял это мнение: староверие возникло из-за «грубости предков», выразившейся в «самочинном оставлении иерархии», в волюнтаристском богословском творчестве, в неумении отделить догматы веры от обрядов. Анафемы 1667 года, по его словам, относились лишь к тем, кто сопротивлялся новообрядной церкви, а «непрекословящиеся» могли продолжать молиться «по-старому» [Павел, 1896. С. 5, 13]. В духе модернистского философствования Павел Прусский разделял «веру» (как жизнь), «догматы» (как питание) и «обряды» (как способ питания) [Павел, 1897а. С. 304].

Не чурался Павел Прусский и инсинуаций. Из его писаний следует, что старообрядцы (особенно беспоповцы) тяготились своим нахождением *вне* Церкви [Павел, 1897б. С. 305], тогда как всякое старообрядческое согласие считало

себя либо частью, либо даже всей полнотой церковной. Другой пример – критика староверов за их якобы *самоименование* «старообрядцы» (согласно докаптеревской идеологии, старый чин был сочинен самими староверами). В действительности же до XX века старообрядцы считали это именование оскорбительной кличкой (из-за приковывания внимания к обрядовой стороне), предпочитая называться православными или *древлеправославными*.

Большой блок сочинений Павла Прусского занимает апологетика нововведений господствующей церкви (совершенно в миссионерском духе), даже таких, каковые критиковались и критикуются самими новообрядцами – например, обливательного Крещения [Павел, 1897в]. Одним из идейных оснований Павла являлось прокатолическое представление о «церкви учащей», могущей отменять и назначать некоторые «второстепенные» правила («обряды»), не касающиеся «вопросов веры», корректировать прежние Соборы (напр., Стоглавый); роль же мирян сводилась только к послушанию [Павел, 1897г. С. 174]. Собственно защиту единоверия или выражения о его значимости у Павла найти трудно; в его лице мы имеем дело с типичным «партийно» ангажированным миссионером.

Примечательно, что одной из причин отказа от принятия Павлом Прусским сана единоверческого епископа было мнение о вредности сего мероприятия, которое могло бы дать автономии «мосту», созданному для «грубых и невежественных» староверов-единоверцев [Субботин, 1904. С. 338].

В 1860-х группой единоверцев во главе со священником **Иоанном Верховским** (1818–1891) была предпринята радикальная попытка перевести единоверие из статуса «моста к никонианству» в ранг полнокровной конфессиональной единицы через учреждение единоверческого епископата. Более того, это был призыв ко всей Греко-Российской Церкви: оставить прокатолические и светские тенденции и обратиться к старорусским православным истокам, сохранившимся в старообрядном крыле Русской церкви [Майоров, 2008]. Инициатива была жестко подавлена, а ее автор лишен сана. Единоверие «классическое» было именно миссионерским предприятием, ему не было позволено никакой свободы проповеди и даже свободы в определении собственной позиции.

Впоследствии эту позицию – однако в более мягком озвучивании – лоббировал Т. И. Филиппов [2008]. Собственно, с деятельности Тертия Филиппова и началась идеологическая

и организационная реабилитация единоверия и переход ко взгляду на него как на отщеп старорусской православной духовности, могущий быть источником для современной православной духовности. Конфессионально реабилитация единоверческого/старообрядческого мировоззрения должна была прежде всего выражаться в отмене анафем 1667 года на старорусское благочестие. Бурная богословская полемика, инициированная Филипповым, была одной из первых предпосылок протрадиционалистского идейного движения конца XIX – начала XX века. В рамках этого движения впервые была произведена «деклерикализация» понятий «старообрядство» и «раскол» (и само разделение этих понятий). Государственническая апология термина «раскольник» как «бунтовщик», восставший «против власти Церкви», имеется у Льва Тихомирова [2008. С. 498]. Единоверцы начали кристаллизовать свое представление о старообрядчестве как сохранении Предания национального масштаба – исторического опыта Русской церкви, русской православной традиции.

Особое значение в истории единоверия принадлежит Субботину – он изменил сам подход, при котором конфессиональное старообрядчество стало рассматриваться не в прежнем «просвещенческом» ключе, но в политическом: неправота староверов не в их «темности», но в их антицерковности, имеющей в XIX веке, по мнению Субботина, сугубо политический, антигосударственнический характер. Посему лучший способ преодоления раскола – это предоставление староверам автономии в рамках Церкви. «И гонение на раскол, и покровительство расколу составляют крайности, которых одинаково следует избегать в интересах православной русской церкви и русского государства, крепкого православием» [Субботин, 1892. С. 47]. Субботиным было опубликовано неповторимо огромное количество документов за всю историю старообрядчества – вплоть до хроники современных ему значимых событий старообрядческой жизни. По мнению Субботина, изучение «раскольниками» своей собственной истории приведет к их «просвещению» в отношении собственных заблуждений. Однако эффект от издания его многотомных «Материалов к истории раскола» привел к обратному эффекту: старообрядцы, скупавшие целые тиражи «Материалов», еще более консолидировались идейно, участились случаи возвращения из единоверия в «раскол». Однако единоверцы получили мощную идейную легитимацию: из «терпимых» они стали претендовать на ранг «исконных». Примечательно, что

сам знаменитый «борец с расколом» Субботин, согласно завещанию, был похоронен по полному единоверческому (древлеправославному) чину.

Таким образом, заявленная Филаретом «смягчительная» политика в отношении староверов привела к тому, что единоверие стало лишаться смысла в глазах самих единоверцев. «Обличаемый своею историею раскол», ранее трагично воспринимавший свое клерикальное отторжение и разобщенность по соглашениям, теперь перешел от ментального уровня на идеологический и организационный, вершиной которого стало образование в 1846 году старообрядческой «белокриницкой иерархии»; в нее немедленно хлынул поток бывших единоверцев, которых в господствующей церкви удерживало только наличие духовенства. Сдерживающим фактором оставалась только иллегальность этой иерархии в России и юридические ограничения, накладываемые на старообрядцев в общем до 1905 г.

2. Единоверие на изломе

С XVIII века единоверцы стремились получить собственного епископа, чтобы не зависеть от иерархии, парадоксально допускающей и проклинающей старый обряд. Однако все эти прошения оставались без ответа. К началу XX века численность единоверцев была около 200 тысяч [Ермакова, 2011. С. 13]. После дарования староверам свободы вероисповедания (1905) многие единоверцы еще более отшатнулись к «белокриницкой иерархии», и вопрос о единоверческом епископе – «спасительном клапане» единоверия стал одним из актуальнейших и обсуждаемых. В пользу единоверческого епископата говорило организационное усиление противника – новообразовавшейся «Древлеправославной Церкви Христовой белокриницкой иерархии», которой необходимо было противопоставить мощную и свободную старообрядческую структуру, не разорвавшую связи с официальной Церковью, но и не являющуюся ее преддверием. Против идеи епископата – опасения, что независимость единоверцев от новообрядческой иерархии вскоре приведет к юридическому отрыву (вследствие существенной мировоззренческой разницы) [Бродский, 1906]. Протоиерей Симеон Шлеев был одним из наиболее ярких глашатаев необходимости единоверческого епископата [Шлеев, 2005б], и это движение одержало победу. Сам Шлеев и был возведен в архиерейство в 1918 году. Епископ **Симон Охтенский** (Шлеев; 1873–1921) стал одной из самых ярких

фигур единоверия [Зиминова, 2005]. Более того, в кратком периоде единоверческого самоосознания и самоопределения (начало XX века) можно выделить только две персоны, исследуя творчество которых, мы можем говорить о единоверческом менталитете и мировоззрении, – епископы Симон (Шлеев) и **Андрей (Ухтомский)**. Епископ Симон создал первый официальный единоверческий журнал и организовал несколько единоверческих братств и съездов. Его перу принадлежит очерк – основной источник для исследования единоверческой философии – «*Единоверие в своем внутреннем развитии*» [Шлеев, 2005а]. По мнению еп. Симона, только единоверие могло быть выходом из тупика западнизации-секуляризации, в который Русь начала входить с начала никоновских реформ. Только поворот церкви в древнерусско-традиционно-православную сторону мог привести к избавлению от секулярных тенденций, приведших Россию к революциям и братоубийственным войнам. Речь Шлеева на Поместном Соборе РПЦ в 1918 году:

Здесь неоднократно упоминали о 115 миллионах русского православного народа. Но если вы поедите по России, по железной дороге или другим путем, будете проходить города и веси, внедряться в толщину народную, то должны с грустью сказать, что 115 миллионов православных нет: дай Бог, чтобы нашлась половина, которая бы не преклонила колена перед Ваалом. Язычество нас захлестнуло. Как и в послании Святейшего Отца нашего Патриарха сказано, многие – по рождению православные, а по духу – враги Христа. Вот в какое время предлагается на обсуждение вопрос о Единоверии. В другое время я не дерзнул бы с такой смелостью говорить о нуждах Единоверия. Но сейчас с нашей стороны будет преступлением, если мы не будем взывать к уму и стучаться в сердце, прося о том, чтобы мы не чувствовали себя пасынками, а чадами единой, святой апостольской Церкви, наряду с русскими верующими людьми, дабы зародыш веры, который мы чувствуем, совсем у нас не погас, чтобы мы чувствовали, что Русь Святая не утратила своей веры, и Русская Церковь есть и наша мать. В ту пору, когда Русскую Церковь окружают безчисленные тучи, нам, верующим людям, стыдно и тяжело делиться между собою из-за того, что не понимаем друг друга, и когда грудью надо стать на защиту веры и Евангелия, спорить, что лучше: молиться двумя или тремя перстами... Вера Христова – это жизнь во Христе, а потому все церковное строительство должно клониться к тому, чтобы вера Христова внедрялась в наше сознание, в наш быт. И раз у нас создались известные нормы, порядок, известный быт церковный, завещанный предками, если все это завещано и веками закреплено и держится с любовью

среди многих сельчан, то вполне понятна мысль о том, чтобы был охранитель всего древнерусского быта, облеченный саном епископа, и желание это заслуживает одобрения... Если Единоверие не временное явление, и его быт и обычаи заслуживают внимания, если мы представляем некоторую ценность в церковной экономике, то мы должны пощадить Единоверие, сохранить его и дать ему то устройство, при котором оно могло бы жить [Саранча, 2011. С. 44–45].

Стараниями еп. Симона в 1912 году был проведен Первый Всероссийский Съезд православных старообрядцев (единоверцев), ставший отправной точкой для организационной и идейной консолидации единоверия. А. М. Дмитриевский так охарактеризовал значение этого съезда:

Единоверцы захватывают широкий горизонт, дающий им право говорить не о разделении, а о воссоединении великого единства в Православной Церкви... Съезд православных старообрядцев ставит на разрешение основные вопросы объединения всех старообрядцев в одно целое под сенью вселенского Православия. Это – вопросы о клятвах Соборов 1656 года и 1666–1667 годов, об учреждении «своего», служащего по древнему чину, живущего обычаями древней русской Церкви, епископа, об организации всей церковной жизни... Резолюции съезда касаются Православной Церкви, православного старообрядчества и всего старообрядчества [Саранча, 2012. С. 9].

Этот съезд был знаменателен призывом к рассмотрению возможностей объединения с «белокриницкой иерархией». Результаты последующего совещания, на котором присутствовало 13 епископов ДХЦ БИ, стали основанием для принятия Поместным Собором РПЦ предварительных решений об отмене проклятий на старообрядчество. Однако события 1917 года помешали планам объединения старообрядцев, единоверцев и новообрядцев.

3. Современное единоверие

Нынешнее единоверие и единоверие, «созданное» императором Павлом и митрополитом Платоном, – разные понятия. До 1917 года социальной основой единоверия были потомственные старообрядцы, стремившиеся к компромиссу: подчиниться Церкви (то есть не считать ее отступнической, а себя – «остальцами Третьего Рима»), но в то же время сохранить литургический и бытовой уклад по проекту предраскольного «общества ревнителей древнего благочестия».

Важнейшими идеологами современного единоверия являются **А. Г. Дугин, Б. П. Кутузов¹, В. И. Карпец, М. А. Тюренков, священник Петр Чубаров, священник Иоанн Миролубов, игумен Кирилл (Сахаров)**. Современное единоверие претендует быть определенным «консервативным центром», внутренней идеологией РПЦ, стремящейся противостоять секуляризационным процессам.

Нынешние единоверцы – «внутренние эмигранты» в РПЦ – являются новаторами в плане изменения понятия «единоверие»² и традиционалистами в смысле отношения к древности и современности. Они стремятся *воскресить образ Святой Руси в Церкви* [Миролубов, 2010]. Реставрация, а не продолжение – то, что отличает современных единоверцев. По этой причине, невзирая на ексклезиологическое единство с новообрядчеством, целью единоверцев является *древлеправославный образ жизни и мышления*. Более того, древлеправославие единоверцами видится как единственная перспектива истинного возрождения Церкви и – более того – всей России [Дугин]. Основное содержание современного единоверия емко выразил свящ. Петр Чубаров:

Единоверие исповедует ряд идей, которые до сего дня являются фундаментальными для всех единоверческих приходов. Первая идея – о равенности обрядов новых и дониконовских времен. Идея эта не нова, она возникла еще в недрах согласия соединенцев. Вторая идея – о благодатности русской православной церкви и ее иерархов, независимо от событий XVII века. Третья идея – единоверцы являются связующим звеном между дониконовской Русью (речь о богослужебных традициях) и новообрядческой церковью; именно единоверцы могут вернуть новообрядческую церковь к древним утраченным традициям. В этом большое просветительское значение единоверия для церкви в целом. То есть старообрядчество, приняв единую русскую православную церковь, исцеляется от последствий раскола. А РПЦ обогащается присутствием в ней единоверческих приходов [Чубаров, 1998–2012].

Единоверцы тянут РПЦ МП к диалогу со старообрядчеством, причем речь идет – подчеркивает Тюренков – о содержательном диалоге, а не фольклорно-этнографическом

¹ В полной мере считать Бориса Кутузова единоверцем нельзя, но все его исследования и публицистика посвящены реабилитации дониконовского православия и возможностям реставрации древнего богослужебного уклада [Кутузов, 2008].

² Символично, что вместо грубого и несодержательного термина «единоверцы» теперь все чаще употребляется «старообрядцы Московского Патриархата».

экзотическом дискурсе [Тюренков, 2004–2015а]. Также Тюренков подчеркивает важную особенность единоверия – его внутреннее деление на «автокефалистов» (стремящихся к созданию внутри РПЦ обособленного крыла, всецело настроенного на исповедание древнего благочестия) и «единоверцев-миссионеров» (использующих единоверие как способ интеграции «внешних» старообрядцев в РПЦ). К представителям первого крыла Тюренков относит *еп. Симона Охтенского*, к представителям второго крыла – *архим. Павла Прусского* [Тюренков, 2004–2015б].

В отличие от староверов, не находящихся в литургическом общении с РПЦ МП, единоверцы отрицают уравнивание догматической и литургической сфер религии. Обобщенное восприятие различий и близости единоверцев и «свободных» старообрядцев приводит Михаил Тюренков:

Главные противоречия, ставшие основными причинами Раскола, как всем нам хорошо известно, носят обрядовый (что бы ни говорили иные старообрядцы по поводу позднего характера самого термина «обряд») и, отчасти, канонический характер. По поводу последнего можно сказать, что, признавая в полной мере необходимость повышения в Русской Православной Церкви степени канонического сознания (выделено мной. – К. Т.), нельзя забывать, что Вселенская Церковь на протяжении всей своей истории исходила из принципа икономии, осознавая, что умеренное смягчение канонических императивов не только допустимо, но и зачастую просто-таки необходимо в условиях нашего грешного мира. В противном случае, ежели исходить из сугубой акривии, можно прийти к выводу, отрицающему существование видимой Церкви, уподобившись глухой нетовщине и немоякам, не признающим даже икон по той причине, что якобы ныне в нашем мире уже не может быть не только священства, но и благодати вообще. Прочие старообрядцы, как бы они от этого ни отреклись, исходят из той или иной степени икономии, но уклоняются от общения с Церковью по причинам, по сути имеющим исключительно исторический, социальный или даже политический характер [Тюренков, 2004–2015в].

Также Тюренков говорит о явлении, которое можно характеризовать как «скрытое единоверчество»: ощущение отделившимися староверами своего духовного и вероучительного единства с новообрядчеством. Тюренков утверждает не только распространенность такого ощущения «на местах», но и то, что «униатский» характер имеет РДЦ, идущая от архиепископа Николы (Позднева) и даже РПСЦ. По его словам, митрополит Амвросий Белокриницкий был

движим желанием не создания собственной конфессии, но «уврачевания раскола», приведения разрозненных поповцев в единство с Вселенской Православной Церковью. Границы церкви, согласно Тюренкову, заключаются в верности догматической (обрядовое разногласие даже при желании отгородиться не может стать экклесиологическим барьером), потому «единоверцами являются все православные новообрядцы и старообрядцы, вне зависимости от юрисдикции в том случае, если их разделение произошло по взаимной вине, и если было сохранено догматическое единство (таким образом, едины все Поместные церкви, РПЦЗ, РПСЦ, РДЦ и, возможно, ряд старостильных юрисдикций)».

Вина за раскол, с точки зрения единоверцев, в отличие от конфессиональных староверов, лежит либо на обеих сторонах, либо на новообрядцах, осмелившихся выступить против церковной традиции, отход от которой, согласно 1-му правилу VII Вселенского собора, расценивается как ересь. Если «наши общие мученики вместе легли в сырую землю Бутовского полигона» [Тюренков, 2004–2015а], отстаивая православие против общего врага, значит, всякое стремление к единению для духовно здоровых сил должно быть естественным. Единоверец Валерий Смирнов пишет: «Для того чтобы оправдать «никоновы новины», народу был навязан стереотип, бытующий и ныне, что ересь – это нарушение догматов, а не предания. Из этого следует, что можно петь в церкви как хочешь, писать реалистичные картины вместо икон, крестить не только полным погружением, но и окроплением и т. д. и т. п. Другими словами, делай что хочешь: видеоизменяй до неузнаваемости тексты, традиции, главное – догматы не трогай и никого не осуждай (в особенности священноначалие) и поменьше рассуждай, и будешь православным христианином» [Смирнов, 2008. С. 85].

В. И. Карпец определяет два основных пункта современного единоверия (заметим, речь идет уже только об «автокефальном», а не о «миссионерском» единоверии): «Признание юридико-эклесиологической правоты никоиан и мировоззренческой – старообрядцев» [Карпец, 2004–2015а]. Из этого исходит другая важная черта современного единоверия – расщепленность экклесиологии. С одной стороны, единоверцы выступают за возрождение Старой Веры, соборности, полноты традиции. С другой – состоят в русле новообрядческой церкви (никогда не обозначающей в учебниках по катехизису и Закону Божию «равночестности» старых и новых обрядов), протестуют против

старо-новообрядного биритуализма. РПЦ МП ведет политику утверждения сращения с органами государственной власти и пропаганды «облегченного» православия.

В печати и Интернете все чаще появляются статьи единоверцев и сочувствующих им новообрядцев в лоне РПЦ и РПЦЗ, заявляющих о необходимости возрождения дораскольного богослужения, обрядовой сферы и приходского уклада [Крылов, 2007–2015а]. Единоверцы рассматривают образ дораскольной церкви как идеальный, чуждый католического, протестантского и секулярного веяний [Кутузов, 2008. С. 574], отход от обновленчества [Саввин, 2002] и либерально-демократического мировоззрения. Единоверие – проект, пошаговая реализация которого может стать единственным лекарством РПЦ от ползучего обмирщения [Саввин, 2012]. Дугин призывает к своеобразной «прививке» единоверием [Дугин, 2015].

Всего в России насчитывается около 20 единоверческих общин. Они, за исключением одной-двух, дезорганизованы и не представляют единого целого ни литургически, ни организационно. При отсутствии единоверческого епископата приходы подчиняются местным новообрядческим архиереям. Единоверческое духовенство поставляется также новообрядческими епископами, в основном – **митрополитом Ювением (Поляковым)**.

В США, в Пенсильвании, существует единоверческая епархия, окормлявшаяся до 2010 года **епископом Даниилом Ирийским** (Александровым; 1930–2010), проводившим огромную работу по распространению единоверия в Америке и воссоединению с большим числом проживавших в США и Канаде беспоповцев. После смерти епископа Даниила лидером зарубежных единоверцев (РПЦЗ) стал епископ Иоанн (Берзинь), Каракасский и Южно-Американский, совмещающий руководство всеми единоверческими общинами зарубежья и новообрядцами РПЦЗ в Южной Америке.

Помимо единоверия как организационного процесса в РПЦ МП и РПЦЗ есть «скрытое», или ситуативное, единоверие – негласное движение за возвращение к древнерусской духовности и церковности, выраженной в древнем литургическом строе [Крылов, 2007–2015б]. Представителем такого движения можно считать игумена **Кирилла (Сахарова)**, в храме которого долгое время старый чин практиковался де-факто, без официального утверждения прихода как единоверческого [Кирилл, 2010. С. 1]. В рамках проединоверческого курса некоторые священнослужители РПЦ МП прямо

утверждают, что диалог со староверами обогатит новообрядчество. Протоиерей Петр Ткачев: «Старообрядцы могут помочь нам строить и вести нашу церковную жизнь на более твердых основах древнего благочестия. Это тоже очень важно в меняющемся мире, потому что, проповедуя инославным, очень легко от них заразиться какими-то болезнями. Проповедуя секулярному миру, очень легко впасть в соблазн скрытой секуляризации» [Ткачев, 2006–2012].

Официальная позиция РПЦ МП приветствует возрождение старообрядчества в своем общем русле, однако основания для этого – иные: «Существование внутри Русской Православной Церкви обрядового многообразия свидетельствует окружающему миру не о разобщенности церковного организма, но наоборот, о способности ее членов «сохранять единство духа в союзе мира» (Еф. 4, 1–3), о богатстве богослужбной практики и глубине внутреннего потенциала Церкви» [Кирилл, 2011. С. 12]. Публицист Кирилл Фролов, примыкающий к крылу «боевого православия», открыто заявляет о необходимости «вовлечения старообрядческой субкультуры» [Фролов, 2007].

Как можно видеть из этих слов, официальная позиция РПЦ МП отличается от той, которую в свое время заявил митр. Филарет (Дроздов). Теперь единоверие – не «мост», а признак многообразия русского православия, единство которого выражается не в единстве литургических форм, а в едином духовном настроении. Таким образом, сегодняшнее единоверие изменилось в соответствии с ризомическими принципами Современности: и сами единоверцы, и их покровители воспринимают основные принципы единоверия на основе *субкультурной* логики [Майоров, 1997–2015]. Для современных «старообрядных общин» их своеобразие – это сохранение микродискурса в рамках «большого рассказа» РПЦ МП; для руководства РПЦ единоверие – это мультикультуралистское сохранение внешнего своеобразия при условии незыблемого организационного единства.

Постмодерн, как отрицание рационалистического атеизма и грубого секуляризма, изыскивает традиционные элементы для своего методологического арсенала, однако элементы эти отбираются произвольно и субъективно, komponуются – мозаично. Постмодернистское комбинирование видимости традиции не преследует цели восстановления традиционного склада ума, которое находилось в постоянной связи со священным. Постмодернистские ретрофутуристы используют элементы и риторику традиции лишь для иллюстрации собственных

дискретных идейных построений. Таким образом, традиция симулируется, и симулякры традиции являются более действенной формой ментальной секуляризации, чем воинствующий атеизм.

Современное единоверие началось с кентаврического состояния несочетаемого: новообрядческая церковная организация и ее уклад в миссионерских целях (замечательно проговоренных митр. Филаретом) на некоторое время соединялись с древней литургической практикой и осколками старинной повседневной аскетики. Социальная база «классического» единоверия сплошь состояла из перешедших старообрядцев, инерционно сохранявших свой уклад. Постепенно эта инерция была сглажена, начинание митрополитов Платона и Филарета осуществилось, в рамках господствующего исповедания не осталось старообрядческого-единоверческого мировоззрения. Сегодняшнее единоверие переворачивает даже кентавризм единоверия «классического», превращая его в мутантное новшество. «Классическое» старообрядчество отсылало к древнерусскому духовному опыту; «классическое» единоверие отсылало к духовному опыту старообрядчества; современное единоверие отсылает к духовному опыту единоверия «классического», делая эту отсылку совершенно волюнтаристской, умозрительной и даже игровой. Этот симулякрый интеллектуальный процесс, подробно описанный Бодрийяром, представляет собой предельную фазу десакрализации, имитирующей досекулярность [Бодрийяр, 2013. С. 16–49].

Источники и литература

- Беликов В.* Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань: Изд-во Казан. императ. ун-та, 1895. 580 с.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
- Боченков В. В.* Истина историческая против истины миссионерской // Церковь: Издание РПСЦ / Ред. А. В. Антонов. 2004. № 6. С. 50–59.
- Бродский Л. К.* К вопросу об единоверческом епископе (Историческая справка) // Христианское чтение. 1906. № 6. С. 909–930.
- Верховский Т., прот.* Искание старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства. СПб.: Изд-во В. Головина, 1868. 72 с.
- Дугин А. Г.* Концепция святорусского Православия в единоверческой традиции // Анти-раскол: Информационно-справочный портал по расколоведению. [Б. м, 2015]. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2007> (дата обращения: 13.02.15).
- Ермакова Д. С.* Единоверческая Церковь в Зауралье (XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: ТюменГУ, 2011. 22 с.
- Жмакин В. И., прот.* Начало единоверия (1780–1796) // Христианское чтение. 1900. № 12. С. 979–1004.
- Звездинский М. И.* Взгляд Филарета митрополита Московского на единоверие и его отношение к нему. М.: Изд-во МГУ, 1900. 15 с.
- Зимина Н. П.* Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. 442 с.
- Карпец В. И.* Древлеправославное торжество // Правая.ru. [М., 2004–2015а]. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/8421> (дата обращения: 13.02.15).
- Карпец В. И.* Народный монарх и единая вера // Правая.ru. [М., 2004–2015б]. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/600> (дата обращения: 13.02.15).
- Кирилл (Сахаров), игумен.* Интервью в связи с 210-летием учреждения единоверия // Берсеневские страницы. 2010. № 5 (103). С. 1–2.
- Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Доклад Председателя Комиссии по взаимодействию и сотрудничеству Русской Православной Церкви и Старообрядчества на юбилейной конференции, посвященной 200-летию канонического бытия старообрядных приходов в лоне Русской Православной Церкви (Москва, ОБЦС, 27 ноября 2000 г.) // Сайт Тараса Сидаша [СПб., 2011]. URL: http://sidashtaras.ru/img/prilozhenie_p_K.pdf (дата обращения: 13.02.15).
- Крылов Г., прот.* Как Агиасма стала «скачущей» (история одного литургического разночтения) / Богослов.ru. [М., 2007–2015а]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2308475.html> (дата обращения: 13.02.15).
- Крылов Г., прот.* Старый чин как признак новой эпохи // Богослов.ru. [М., 2007–2015б]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1937533.html> (дата обращения: 13.02.15).
- Кутузов Б. П.* Так был ли Кочующий собор? // Русское Православие. 2000. № 4. С. 1–6.
- Кутузов Б. П.* Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. Барнаул: Изд-во Фонда поддержки строительства храма Покрова Пресвятыя Богородицы РПСЦ, 2008. 624 с.
- Лавров А. С.* Письмо и челобитная Ивана Неронова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 101–106.
- Лебедев Е. Е.* Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу // Христианское чтение. 1903. № 1. С. 443–463.
- Майоров Р. А.* Единство в многообразии // НГ-Религии [М., 1997–2015]. URL: http://www.ng.ru/printing/2005-06-01/7_edinstvo.html (дата обращения: 13.02.15).
- Майоров Р. А.* К вопросу об экклезиологии единоверческого священника Иоанна Верховского (отношения с Белокриницкой иерархией) // Церковь и общество в России: пути содружества и вызовы эпох:

Сб. статей / Сост. А. С. Мельков, В. Ю. Венедиктов. М.: Ярославль: Ремдер, 2008. С. 160–167.

Миролюбов И., свящ. Старообрядцы: Назад, в будущее! // Нескучный сад. 2010. № 12. С. 7–10.

Павел, архимандрит Никольского единоверческого м-ря. Беседа с одним из православных о том, как следует смотреть на именуемое старообрядчество. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1896. 52 с.

Павел, архим. Ответ на вопрос старообрядца о обрядах // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897а. Т. 1. С. 303–304.

Павел, архим. Беседа со старообрядцем о мнимых прибавлениях и убавлениях, якобы внесенных церковью в богослужбные книги // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897б. Т. 1. С. 305–314.

Павел, архим. О поливательном крещении отповедь старообрядцам // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897в. Т. 1. С. 334–336.

Павел, архим. Ответ мой одному возражателю // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897г. Т. 2. С. 156–215.

Павлова О. А. Единоверие в контексте правительственной и церковной политики России в XVIII – начале XX в.: автореф. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. 30 с.

Правила учреждения единоверия 1800 года // Библиотека Якова Кротова. [М., 2003–2012]. URL: <http://krotov.info/acts/18/3/18001027.html> (дата обращения: 13.02.15).

Саввин Д. Антисимфония // Академия Тринитаризма. [М., 2002]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0017/001a/00171047.htm> (дата обращения: 13.02.15).

Саввин Д. Церковный раскол XVII века как корень последующих русских бед // Русская Идея. [Б. м., 2006]. URL: <http://www.rusidea.org/?a=12015> (дата обращения: 13.02.15).

Саранча Е., свящ. Жизнеописание священномученика Симона епископа Охтенского. М.: Изд-во единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода, 2011. 58 с.

Саранча Е., иерей. Столетие Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) // Правда Православия: Периодическое издание единоверческой общины храма Архангела Михаила / Ред. Иринарх (Денисов), священноигумен. 2012. № 1. С. 9–10.

Свод действующих постановлений о раскольниках. Б. м., Б. г. 17 с.

Смирнов В. В. Падение III Рима. Духовные основы возрождения Русского Православного Царства. СПб.: Скифия, 2008. 160 с.

Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / Сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. М.: Церковь, 1996. 318 с.

Субботин Н. И. Еще 15 лет служения Церкви борьбою с расколом (моя переписка с архим. Павлом за 1879–95 гг.). М.: Синодальная типогр., 1904. 907 с.

Субботин Н. И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синодальная типография, 1892. 48 с.

Тихомиров Л. А. Законопроект о раскольниках // Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни / Ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 497–500.

Ткачев А., прот. Проблема православно-старообрядческого диалога // Православное старообрядчество: информационно-аналитический сайт. [М., 2006–2012] URL: <http://www.edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=471> (дата обращения: 13.02.15).

Товбин К. М. Русское старообрядчество как ответ на секуляризацию в России // Философия права. 2014. № 4 (65). С. 102–106.

Тюренок М. А. 350 лет «врозь»? Взгляд через приоткрытую катапетасму / Правая.ru. [М., 2004–2015а]. URL: <http://www.pravaya.ru/look/3263> (дата обращения: 13.02.15).

Тюренок М. А. Кредо единоверца / Правая.ru. [М., 2004–2015б]. URL: <http://www.pravaya.ru/column/6885> (дата обращения: 13.02.15).

Тюренок М. А. Православие, Единоверие, Старообрядчество: Выступление на XIV Международных Рождественских образовательных чтениях (январь-февраль 2006 г.) / Правая.ru. [М., 2004–2015в]. URL: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/6490> (дата обращения: 13.02.15).

Тюренок М. А. Что невозможно человекам – возможно Богу / Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. [СПб., 2012]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2010/03/26/mihail_tyurenkov_chno_nevozmozhno_chelovekam_vozmozhno_bogu/ (дата обращения: 13.02.15).

Феотокис Никифор, архиеп. Благословенным христианам Греции и России. М.: Даниловский благовестник, 2006. 344 с.

Филиппов Т. И. О нуждах единоверия // Филиппов Т. И. Русское воспитание / Ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 244–282.

Фролов К. А. Секулярный тоталитаризм в обществе и «суррогатный консерватизм» в Церкви как вызов Церкви, обществу и государству // Апология клерикализма. М., 2007. С. 37–79.

Чельцов М. П. Единоверие за время столетнего существования его в Русской Церкви. СПб.: Изд-во В. В. Комарова, 1900. 95 с.

Чубаров П., свящ. «А негоже нам, братья, ратиться!» // Православный Санкт-Петербург [СПб., 1998–2012] URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n212/ta008.htm> (дата обращения: 13.02.15).

Шлеев С., свящ. Единоверие и его столетнее организационное существование в Русской Церкви // Путь на Голгофу. Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского / Ред. Н. П. Зимины. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005а. Т. 2. С. 103–508.

Шлеев С., свящ. К вопросу: какой епископ нужен единоверию? // Путь на Голгофу. Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского / Ред. Н. П. Зимины. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005б. Т. 2. С. 79–102.

Поступила в редакцию 13.02.2015

References

- Belikov V.* Deyatel'nost' moskovskogo mitropolita Filareta po otnosheniyu k raskolu [The actions of Metropolitan of Moscow Philaret in relation to the schism]. Kazan': Izd-vo Kazan. imperat. un-ta, 1895. 580 p.
- Bodriy Zh.* Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and simulation]. Tula: Tul'skii poligrafist, 2013. 204 p.
- Bochenkov V. V.* Istina istoricheskaya protiv istiny missionerskoi [Historical truth versus missionary truth]. *Tserkov': Izdanie RPSTs* [The church. Ed. of Russian Orthodox Old-Rite Church]. Ed. A. V. Antonov. 2004. No 6. P. 50–59.
- Brodskii L. K.* K voprosu ob edinovercheskom episkope (Istoricheskaya spravka) [To the question of an Edinoverie bishop (historical reference)]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings]. 1906. No 6. P. 909–930.
- Chel'tsov M. P.* Edinoverie za vremya stoletnego sushchestvovaniya ego v Russkoi Tserkvi [Edinoverie during a hundred years of its existence in the Russian Church]. St. Petersburg: Izd-vo V. V. Komarova, 1900. 95 p.
- Chubarov P., svyashch.* «A negozhe nam, brat'ya, rati'sya!» [Priest. «Oh, brothers, we ought not to fight with each other!»]. Pravoslavnyi Sankt-Peterburg [Orthodox St. Petersburg]. 1998–2012. URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n212/ta008.htm> (accessed: 13.02.15).
- Dugin A. G.* Kontseptsiya svyatorusskogo Pravoslaviya v edinovercheskoi traditsii [The concept of Russian Orthodoxy in Edinoverie tradition] Anti-raskol: Informatsionno-spravochnyi portal po raskolovedeniyu [Anti-schism: Information and reference portal on schism studies]. 2015. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2007> (accessed: 13.02.15).
- Ermakova D. S.* Edinovercheskaya Tserkov' v Zaural'e (XIX – pervaya tret' XX veka) [The Edinoverie Church in the Urals (19th – the first third of the 20th century)]: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk [PhD Diss. (Hist.)]. Tyumen': TyumenGU, 2011. 22 p.
- Feotokis Nikifor, arkhiep.* Blagoslovennym khristianam Gretsii i Rossii [Archbishop. To the blessed Christians of Greece and Russia]. Moscow: Danilovskii blagovestnik, 2006. 344 p.
- Filippov T. I.* O nuzhdakh edinoveriya [On the needs of Edinoverie]. Russkoe vospitanie [Russian upbringing]. Ed. O. A. Platonov. Moscow: In-t rus. tsivilizatsii, 2008. P. 244–282.
- Frolov K. A.* Sekulyarnyi totalitarizm v obshchestve i «surrogatnyi konservatizm» v Tserkvi kak vyzov Tserkvi, obshchestvu i gosudarstvu [Secular totalitarianism in society and «surrogate conservatism» in the Church as a challenge to the Church, society and state]. *Apologiya klerikalizma* [Clericalism apology] Moscow, 2007. P. 37–79.
- Karpets V. I.* Drevlepravoslavnoe torzhestvo [The old Orthodox celebration]. *Pravaya.ru*. 2004–2015a. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/8421> (accessed: 13.02.15).
- Karpets V. I.* Narodnyi monarkh i edinaya vera [The people's monarch and one faith]. *Pravaya.ru*. 2004–2015b. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/600> (accessed: 13.02.15).
- Kirill (Sakharov), igumen.* Interv'yu v svyazi s 210-letiem uchrezhdeniya edinoveriya [Father superior. Interview on the 210th anniversary of the Edinoverie foundation]. *Bersenevskie stranitsy* [Bersenevskiy pages]. 2010. No 5 (103). P. 1–2.
- Kirill, mitropolit Smolenskii i Kaliningradskii.* Doklad Predsedatelya Komissii po vzaimodeistviyu i sotrudnichestvu Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i Staroobryadchestva na yubileinoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu kanonicheskogo bytiya staroobryadnykh prikhodov v lone Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (Moskva, OVTsS, 27 noyabrya 2000 g.). Sait Tarasa Sidasha [Kirill, the metropolitan of Smolensk and Kaliningrad. The report of the head of the committee on collaboration and cooperation of the Russian Orthodox Church with the Old-Rite Church dedicated to the 200th anniversary of canonical existence of the Old-Rite parishes within the Russian Orthodox Church (Moscow, Dep. for external Church relations, November 27, 2000)]. 2011. URL: http://sidashtaras.ru/img/prilozhenie_p_K.pdf (accessed: 13.02.15).
- Krylov G., prot.* Kak Agiasma stala «skachushchei» (istoriya odnogo liturgicheskogo raznochteniya) [Archpriest. On how Agiasma became «galloping» (a history of liturgical variant reading)]. *Bogoslov.ru*. 2007–2015a. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2308475.html> (accessed: 13.02.15).
- Krylov G., prot.* Staryi chin kak priznak novoi epokhi [Archpriest. An old rite as a feature of a new epoch]. *Bogoslov.ru*. 2007–2015b. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1937533.html> (accessed: 13.02.15).
- Kutuzov B. P.* Tak byl li Kochuyushchii sobor? [So, was there the «Wandering Cathedral»?]. *Russkoe Pravoslavie* [Russian Orthodoxy]. 2000. No 4. P. 1–6.
- Kutuzov B. P.* Tserkovnaya «reforma» XVII veka kak ideologicheskaya diversiya i natsional'naya katastrofa [The Church «reform» of the 17th century as ideological sabotage and national disaster]. Barnaul: Izd-vo Fonda podderzhki stroitel'stva khrama Pokrova Presvyatyya Bogoroditsy RPSTs, 2008. 624 p.
- Lavrov A. S.* Pis'mo i chelobitnaya Ivana Neronova [Letter and petition by Ivan Neronov]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Issues of medieval studies]. 2009. No 1. P. 101–106.
- Lebedev E. E.* Edinoverie v protivodeistvii russkomu obryadovomu raskolu [Edinoverie as an opposition to the Russian ritual schism]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings]. 1903. No 1. P. 443–463.
- Maiov R. A.* Edinstvo v mnogoobrazii [Unity in diversity]. *NG-Religii*. 1997–2015. URL: http://www.ng.ru/printing/2005-06-01/7_edinstvo.html (accessed: 13.02.15)
- Maiov R. A.* K voprosu ob ekkleziologii edinovercheskogo svyashchennika Ioanna Verkhovskogo (otnosheniya s Belokrinitkoi ierarkhie) [To the question of ecclesiology of the Old Believer priest Ioann Verkhovskiy (relationship with Belokrinitkaya hierarchy)]. *Tserkov' i obshchestvo v Rossii: puti sodruzhestva i vyzovy epokh: sb. statei* [The Church and society in Russia: ways of cooperation and challenges of the era. Collected papers]. Eds. A. S. Mel'kov, V. Yu. Venediktov. Moscow; Yaroslavl': Remder, 2008. P. 160–167.

Miroljubov I., svyashch. Staroobryadtsy: Nazad, v budushchee! [Priest. The Old believers: back to the future!]. *Neskuchnyi sad* [The restless garden] 2010. No 12. P. 7–10.

Pavel, arkhimandrit Nikol'skogo edinovercheskogo m-rya [Pavel, the archimandrite of Nikolsky Edinoverie monastery]. Beseda s odnim iz pravoslavnykh o tom, kak sleduet smotret' na imenuemoe staroobryadchestvo [An interview with an Orthodox believer regarding the Old Belief]. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1896. 52 p.

Pavel, arkhim. Otvét na vopros staroobryadtsa o obryadakh [Pavel, the archimandrite. An answer to the question of Old Believers regarding the rituals]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897a. Vol. 1. P. 303–304.

Pavel, arkhim. Beseda so staroobryadtsem o mnogikh pribavleniyakh i ubavleniyakh, yakoby vnesennykh tserkoviyu v bogoslužebnye knigi [Pavel, the archimandrite. An interview with an Old Believer regarding pretended additions and omissions in the liturgical books supposedly made by the Church]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897b. Vol. 1. P. 305–314.

Pavel, arkhim. O polivatel'nom kreshchenii otpoved' staroobryadtsam [Pavel, the archimandrite. On water christening, rebuke to Old Believers]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897v. Vol. 1. P. 334–336.

Pavel, arkhim. Otvét moi odnomu vozrazhatel'ny [Pavel, the archimandrite. My response to an opponent]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897g. Vol. 2. P. 156–215.

Pavlova O. A. Edinoverie v kontekste pravitel'stvennoi i tserkovnoi politiki Rossii v XVIII – nachale XX v [Edinoverie in the context of the Russian government and ecclesiastical policy in the 18th – beginning of the 20th century].: avtoref. ... kand. ist. nauk [PhD Diss. (Hist.)]. Nizhniy Novgorod: NGPU, 2007. 30 p.

Pravila uchrezhdeniya edinoveriya 1800 goda [The rules of Edinoverie, the year 1800]. Biblioteka Yakova Krotova [Library of Yakov Krotov]. 2003–2012. URL: <http://krotov.info/acts/18/3/18001027.html> (accessed: 13.02.15).

Sarancha E., svyashch. Zhizneopisanie svyashchenomuchenika Simona episkopa Okhtenskogo [Priest. Biography of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Moscow: Izd-vo edinovercheskogo khrama Arkhangel Mikhaila sela Mikhailovskaya Sloboda, 2011. 58 p.

Sarancha E., ierei. Stoletie Pervogo Vserossiiskogo s'ezda pravoslavnykh staroobryadtsev (edinovertsev) [Priest. The 100th anniversary of the first All-Russian congress of Orthodox Old Believers (Edinovertsy)]. Pravda Pravoslaviya: Periodicheskoe izdanie edinovercheskoi obshchiny khrama Arkhangel Mikhaila [The Orthodox truth: a periodical of Edinoverie parish of the Cathedral of Archangel Michael]. Ed. Irinarkh (Denisov), svyashchennoigumen. 2012. No 1. P. 9–10.

Savvin D. Antisimfoniya [Antisymphony]. Akademiya Trinitarizma [The Trinitarian Academy]. 2002. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0017/001a/00171047.htm> (accessed: 13.02.15).

Savvin D. Tserkovnyi raskol XVII veka kak koren' posleduyushchikh russkikh bed [The Church schism of the 17th century as a root of the subsequent Russian troubles]. Russkaya Ideya [The Russian Idea]. 2006. URL: <http://www.rusidea.org/?a=12015> (accessed: 13.02.15).

Shleev S., svyashch. Edinoverie i ego stoletnee organizatsionnoe sushchestvovanie v Russkoi Tserkvi [Priest. Edinoverie and its centenary organized existence in the Russian Church]. Put' na Golgofu. Dukhovnoe nasledie svyashchennomuchenika Simona, episkopa Okhtenskogo [The road to Calvary. Spiritual legacy of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Ed. N. P. Zimina. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2005a. Vol. 2. P. 103–508.

Shleev S., svyashch. K voprosu: kakoi episkop nuzhen edinoveriyu? [Priest. Answering the question regarding the kind of bishop Edinoverie needs]. Put' na Golgofu. Dukhovnoe nasledie svyashchennomuchenika Simona, episkopa Okhtenskogo [The road to Calvary. Spiritual legacy of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Ed. N. P. Zimina. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2005b. Vol. 2. P. 79–102.

Smirnov V. V. Padenie III Rima [The fall of the third Rome]. Dukhovnye osnovy vozrozhdeniya Russkogo Pravoslavnogo Tsarstva [Spiritual bases for revival of the Russian Orthodox World]. St. Petersburg: Skifiya, 2008. 160 p.

Staroobryadchestvo: Litsa, predmety, sobytiya i simvoly [The Old Belief. Faces, objects, events and symbols]. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya [Experience of the encyclopedia]. Eds. S. G. Vurgaft, I. A. Ushakov. Moscow: Tserkov', 1996. 318 p.

Subbotin N. I. Eshche 15 let sluzheniya Tserkvi bor'boyu s raskolom (moya perepiska s arkhim. Pavlom za 1879–95 gg.) [Another 15 years of church service fighting the schism (my correspondence with the archimandrite Pavel, 1879–1895)]. Moscow: Sinodal'naya tipogr., 1904. 907 p.

Subbotin N. I. O sushchnosti i znachenii raskola v Rossii [On the essence and significance of the schism in Russia]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1892. 48 p.

Svod deistvuyushchikh postanovlenii o raskol'nikakh [The code of current decrees regarding the schismatics]. B. m., B. g. 17 p.

Tikhomirov L. A. Zakonoproekt o raskol'nikakh [The Bill on schismatics]. Tikhomirov L. A. Rukovodyashchie idei russkoi zhizni [The guiding ideas of Russian life]. Ed. O. A. Platonov. Moscow: In-t rus. tsivilizatsii, 2008. P. 497–500.

Tkachev A., prot. Problema pravoslavno-starobryadcheskogo dialoga [The problem of the Orthodox – Old Believers dialogue]. Pravoslavnoe staroobryadchestvo: informatsionno-analiticheskii sait [The Orthodox Old Believers: information and analytical site]. 2006–2012. URL: <http://www.edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=471> (accessed: 13.02.15).

Tovbin K. M. Russkoe staroobryadchestvo kak otvet na sekularizatsiyu v Rossii [Russian Old Belief as a response to secularization in Russia]. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. 2014. No 4 (65). P. 102–106.

Tyurenkov M. A. 350 let «vroz'»? Vzgl'yad cherez priotkrytuyu katapetasmu [350 years «apart». A glance through half-opened veil of the altar]. *Pravaya.ru*. 2004–2015a. URL: <http://www.pravaya.ru/look/3263> (accessed: 13.02.15).

Tyurenkov M. A. Kredo edinoveritsa [The creed of the Old Believers]. *Pravaya.ru*. 2004–2015b. URL: <http://www.pravaya.ru/column/6885> (accessed: 13.02.15).

Tyurenkov M. A. Pravoslaviye, Edinoveriye, Staroobryadchestvo [Orthodoxy, Edinoverie and Old Belief]: Vystuplenie na XIV Mezhdunarodnyi Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chteniyakh (yanvar'-fevral' 2006 g.) [The speech at the 14th international educational Christmas readings (January–February, 2006)]. *Pravaya.ru*. 2004–2015v. URL: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/6490> (accessed: 13.02.15).

Tyurenkov M. A. Chto nevozmozhno chelovekam – vozmozhno Bogu [What is impossible for mere humans is possible for God]. *Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba* [Russian national line: information and analytical service]. 2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2010/03/26/mihail_tyurenkov_chto_nevozmozhno_chelovekam_vozmozhno_bogu/ (accessed: 13.02.15).

Verkhovskii T., prot. Iskanie staroobryadtsami v XVIII veke zakonnogo arkhieireistva [Archpriest. The Old Believers' search for a legitimate episcopacy in the 18th century]. St. Petersburg: Izd-vo V. Golovina, 1868. 72 p.

Zhmakin V. I., prot. Nachalo edinoveriya (1780–1796) [Archpriest. The beginning of Edinoverie (1780–1796)]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings]. 1900. No 12. P. 979–1004.

Zimina N. P. Zhizneopisanie svyashchennomucheni-ka Simona, episkopa Okhtenskogo [Biography of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2005. 442 p.

Zvezdinskii M. I. Vzgl'yad Filareta mitropolita Moskovskogo na edinoverie i ego otnoshenie k nemu [Perspective of Philaret, the metropolitan of Moscow, on Edinoverie and his attitude towards it]. Moscow: Izd-vo MGU, 1900. 15 p.

Received February 13, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Товбин Кирилл Михайлович

к. флс. н., доцент
Южно-Сахалинский институт (филиал)
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова
пр. Победы, 68, Южно-Сахалинск, Россия, 693007
эл. почта: kimito@yandex.ru

CONTRIBUTOR:

Kirill M. Tovbin

Yuzhno-Sakhalinsk Institute, the branch
of Plekhanov Russian University of Economics
68 Pobeda Av., 693007 Yuzhno-Sakhalinsk, Russia
e-mail: kimito@yandex.ru

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

УДК 930

ПЕТРОЗАВОДСК 7–8 НОЯБРЯ 1918 ГОДА: ГУБЕРНСКИЙ ЦЕНТР В ДНИ ПРАЗДНИЧНЫХ ТОРЖЕСТВ

К. В. Годунов

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Празднование первой годовщины Октября в Петрозаводске рассматривается в качестве особого пространства политической коммуникации (в частности – коммуникации между петроградскими и петрозаводскими организаторами праздника). Поднимается вопрос о факторах, повлиявших на складывание петрозаводской праздничной традиции. Рассматриваются основные особенности звукового и визуального оформления праздника. Автор приходит к выводу о сравнительном единообразии праздничных форм в частях страны, находящимся под контролем большевиков. В то же время приводятся данные, которые позволяют поставить под сомнение тезис о том, что прямое воздействие столичных городов на региональные праздники было решающим фактором, определившим характер церемонии в Петрозаводске (об ограниченности этого влияния свидетельствуют противоречия, дискуссии и столкновения между петроградскими и петрозаводскими большевиками). Большое воздействие на характер торжеств оказали предшествующие праздничные традиции (элементы дореволюционной праздничной культуры и праздники февральского этапа революции) – создатели нового праздника ориентировались на привычные ритуалы и символы. Военные парады, рабочие демонстрации и сакральный характер церемоний легли в основу советского праздника. «Новые» церемонии служили в ситуации гражданской войны одним из средств легитимации нового политического порядка, были важным инструментом сакрализации образа революции.

Ключевые слова: гражданская война; политическая коммуникация; сакрализация; советские праздники; символы.

K. V. Godunov. PETROZAVODSK ON NOVEMBER 7–8, 1918: PROVINCIAL CENTER IN THE DAYS OF CELEBRATIONS

The celebration of the first anniversary of October in Petrozavodsk is analyzed as a special platform for political communication (in particular – between Petrograd and Petrozavodsk organizers of the holiday). The factors affecting the formation of Petrozavodsk holiday tradition are considered. The main audiovisual features of holiday arrangements are discussed. The author comes to conclusion regarding a certain consistency of festive forms

in different parts of the country under Bolshevik rule. Nevertheless, some evidence provided in the paper call into question the assumption that capital cities determined the pattern of celebrations in Petrozavodsk. Contradictions, debates and conflicts between Bolsheviks from Petrograd and Petrozavodsk prove the limited nature of central influence. The previous holiday traditions (elements of prerevolutionary festive culture and celebrations of February stage of the revolution) had a greater impact – the holiday organizers followed habitual rituals and symbols. Military parades and workers' demonstrations along with sacral nature of the ceremonies formed the basis of the Soviet holiday. In the time of the Civil War the "new" ceremonies served for legitimizing the new political order and sacralizing the image of the revolution.

Key words: civil war; political communication; sacralization; Soviet holidays; symbols.

В центре внимания автора статьи – история празднования первой годовщины Октября в Петрозаводске – губернском центре Олонецкого края.

Один из возможных путей исследования феномена раннесоветского праздника – рассмотрение его в качестве особого пространства политической коммуникации. Важно изучить, как организаторы праздника пытались привлечь петрозаводчан к участию в церемонии. Тесно связан с этим и вопрос о том, какое влияние оказал Петроград – столица Северной области – на становление петрозаводского праздничного стиля. Изучение темы в подобном ракурсе важно не только для расширения представлений о таком политико-культурном феномене, как советский праздник, но и для более глубокого понимания особенностей формирующегося в годы гражданской войны политического режима.

Первоначальный план праздничных торжеств обсуждался 4 октября 1918 г. на заседании Олонецкого губернского исполнительного комитета. 24 октября совещание представителей партий, организаций, учреждений, красноармейских частей и частей боевых дружин разработало окончательный план празднований, который на следующий день был утвержден Губисполкомом. Промежуток времени между этими датами был наполнен противоречиями между организаторами праздника.

Дискуссию, в частности, вызвал вопрос о количестве праздничных дней. На заседании 4 октября была заслушана телеграмма наркома внутренних дел РСФСР Г. И. Петровского, в которой указывалось: «празднование годовщины Великой Октябрьской революции начинается с 12 час[ов] дня шестого ноября и продолжается по 7-е ноября включительно» [НАРК, ф. 28, оп. 1, д. 19/141, л. 223]. Ответом членов исполкома стало постановление: «принять телеграмму к сведению, так как нет никакой технической возможности ее выполнить» [НАРК, ф. 28, оп. 1, д. 19/141, л. 223].

В телеграмме (точная дата на документе отсутствует) А. В. Луначарского и А. А. Копятевича руководство Олонецкой губернии было обвинено в намерении организовать продажу алкоголя в праздничные дни: «Северной Коммуной опять получены сведения, что вы хотите к годовщине революции разрешить продажу водки. Еще раз категорически воспрещаем, чтобы Губисполкомом снова был допущен позор раздачи и продажи вина. Примите меры к строгому наказанию всех появляющихся в пьяном виде и искоренению источников пьянства» [НАРК, ф. Р-28, оп. 1, д. 7/30, л. 31].

В ответной телеграмме, подписанной председателем Губисполкома П. Ф. Анохиным, была сделана попытка опровергнуть обвинение: «неужели наш Исполком стоит так низко в глазах Сев[ерной] Коммуны, что Вы допускаете такие предположения, как продажу вина в праздник революции, что являлось бы позором Губревисполкома, состоящего исключительно из старых коммунистов, строго стоящих на страже завоеваний Октябрьской революции» [НАРК, ф. Р-28, оп. 1, д. 7/30, л. 30]. Авторы телеграммы выдвигали и встречное обвинение представителям столицы Северной Коммуны: «Если в прошлом этот акт (продажа алкоголя. – К. Г.) имел у нас место, то только в силу своего безвыходного финансового положения, когда от Центра мы не получали [ни] одной копейки» [НАРК, ф. Р-28, оп. 1, д. 7/30, л. 30].

Несмотря на возникающие противоречия, в некоторых случаях характерные черты формирующихся праздников проявлялись на локальном уровне не менее ярко, чем в столичных городах. В частности, это нашло отражение в обсуждении вопроса об особенностях звукового оформления первой годовщины Октября.

В различных населенных пунктах, находящихся под контролем большевиков, получила распространение идея о том, что население должно быть привлечено к празднику с помощью привычного для него звукового фона. Если организаторы праздника в Петрограде

предлагали использовать колокола, снятые с церкви [ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 2, д. 10, л. 2; ЦГАИПД СПб, ф. 1817, оп. 1, д. 204, л. 4], то в программе празднования Октября в Олонецком уезде колокольный звон напрямую связывался с сакральным характером праздника. В плане торжеств говорилось о том, что «в 9 час. утра во всех церквах уезда в течение 15 минут должен быть колокольный звон, который возвестит наступление великого праздника пролетарской Пасхи» [НАРК, ф. 2, оп. 1, д. 15/179, л. 76]. Отношение к празднику как к особому времени требовало и использования особого звукового фона, воспоминанию о революции необходимо было придать сакральное значение. Трудно судить о том, насколько было распространено подобное представление, но его попытались воплотить в жизнь организаторы торжеств в таком географически отдаленном от Петрограда и Петрозаводска городе, как Витебск [Шамшур, 1989. С. 26].

Сравнение праздника 7 ноября с главным христианским праздником не было уникальной чертой петрозаводских торжеств – годовщина революции описывалась как «Красная Пасха» в различных городах; понятие в том или ином виде встречается в различных источниках: в речах революционных лидеров [ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 2, д. 4, л. 65], в праздничных телеграммах, адресованных «вождям» [ГАРФ, ф. 1235 (ВЦИК), оп. 93, д. 10, л. 12; ф. 1235, оп. 5, д. 19, л. 37], заметках корреспондентов газет. Вероятно, на распространенность этого определения оказали влияние революционные праздники 1917 г. – именно тогда получила развитие традиция особого, «пасхального» восприятия революции [Figes, Kolonitskii, 1999. P. 74, 81; Колоницкий, 2012. С. 36–87]. Ритуалы Февраля, способствовавшие сакрализации образа революции, влияли и на формирование советской праздничной традиции.

Используя религиозные символы и метафоры, организаторы праздника пытались наладить диалог с населением, используя знакомые ему знаки и говоря на понятном ему языке. В Олонецком крае потребность в традиционных обрядах сохранялась в 1920-е годы, как показывает Е. В. Дианова, и в этот период жители деревень справляли религиозные праздники под видом советских [Дианова, 2008].

Идея о колокольном звоне, созывающем горожан к празднику, не была, впрочем, воплощена в жизнь. И в Петрограде, и в Петрозаводске начало праздника было ознаменовано иным звуком, укорененным в дореволюционной праздничной традиции, – артиллерийскими салютами. Салюты были существенной

частью праздничной культуры России, с эпохи Петра I являясь своеобразным символом военных успехов империи. Они были важным элементом и петрозаводских праздников дореволюционного времени, в частности, т. н. «царских дней». Так, пушечные выстрелы начинали празднования, связанные с 200-летием Петра I и открытием памятника основателю Петрозаводска в июне 1873 г. [Капуста, 1993. С. 135].

В 10 часов утра, после тройного салюта, в Народном художественном театре № 1 открылось «соединенное торжественное заседание губернского исполнительного комитета советов, городского совета, уездного исполнительного комитета советов, исполнительного комитета Мурманской ж. д., представителей партийных и профессиональных организаций, красноармейских частей, Онежской флотилии, бюро коллективов, чрезвычайной охраны в здании Народного театра и кинематографа» [НАРК, ф. Р-28, оп. 1, д. 21/156, л. 180]. Открывающее заседание властных структур Петрозаводска задавало тональность церемонии.

Почетными председателями заседания были выбраны В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Карл Либкнехт и Фридрих Адлер. Включение российских и зарубежных лидеров коммунистических и социал-демократических партий в число почетных председателей праздничного собрания свидетельствует о желании организаторов праздника вписать революционную историю Олонецкого края в мировой революционный контекст. Об этом говорит и то обстоятельство, что на праздничном заседании были одобрены тексты приветственных телеграмм Петроградскому Совету, VI Съезду Советов, К. Либкнехту и Ф. Адлеру. Практика поздравлений революционных лидеров была весьма распространена – автору данной работы известно более 200 резолюций заседаний праздничных комиссий в различных населенных пунктах, в виде поздравительных телеграмм направлявшихся «вождям».

На заседании было утверждено решение о переименовании центральных улиц и площадей города в честь деятелей мирового и российского революционного движения. В Петрозаводске появился проспект Карла Маркса, бульвар Карла Либкнехта, улицы Фридриха Энгельса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, А. В. Луначарского [Петрозаводск, 2002. С. 140]; процесс изменения социокультурного пространства города в XX веке прослеживается в статье [Антощенко, Волохова, 2008].

После торжественного заседания началась непосредственно праздничная часть церемонии: «к 12 часам к Советской площади

стекаются в порядке, стройными колоннами участники праздничного парада: отряды революционных партий, советских органов власти, армии и флота и профессиональных союзов с оркестрами, хорами и знаменами» [НАРК, ф. Р-28, оп. 1, д. 21/156, л. 180]. К манифестантам обращались с речами представители губернского и городского советов и представители партий анархистов, левых эсеров и меньшевиков (по 10 минут) [НАРК, ф. Р-28, оп. 1, д. 21/156, л. 180]. Не изученный исследователями праздничной культуры вопрос об отношении представителей левых партий к раннесоветским праздникам важен и требует отдельного рассмотрения. В контексте данной статьи следует указать на то, что участие левых эсеров, меньшевиков и анархистов в праздновании Октября было чертой, отличающей праздничную церемонию в Петрозаводске от церемоний в других городах.

Визуальное оформление Петрозаводска едва ли существенно отличалось от декорирования иных городов. В качестве праздничных украшений использовались прежде всего гирлянды и флаги – наиболее распространенные украшения в годы Гражданской войны. Комиссия по выработке программы празднования I годовщины Октябрьской революции распорядилась «украсить гирляндами снаружи здание городского совета, по телефонным столбам с обеих сторон проспект Карла Маркса от здания городского совета до Советской площади, для чего потребуются 20 возов хвои» [НАРК, ф. Р-460, оп. 1, д. 2/18, л. 170–170 об.].

Важным атрибутом праздника были портреты революционных лидеров, украшавшие фасады зданий. Так, окна Олонецкого губисполкома были украшены портретами К. Маркса, В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева [НАРК, ф. Р-460, оп. 1, д. 2/18, л. 170–170 об.].

К празднику в городе были выстроены три художественные арки. Этот символ являлся частью культуры дореволюционной эпохи – триумфальная арка украшала общественную пристань Петрозаводска в 1914 г. (см. фотоизображение в издании [Сады..., 2003. С. 150]. Если ее значение выражал лозунг «За Веру, Царя и Отечество!», то смысл арки, украшавшей площадь 25 октября в праздничные дни 1918 г., заключался в лозунге «Да здравствует Совет народных комиссаров!»). Распространенное в дореволюционной культуре украшение продолжало использоваться и после 1917 г., оставалось важной частью советского политического стиля.

Советские праздники были поводом для проявления политики заботы – увеличения продуктовых пайков, амнистий, устройства

бесплатных просмотров кинофильмов и театральных постановок. Петрозаводск в этом отношении не стал исключением – к празднику были организованы бесплатные обеды «для бедняков» и запланирована «частичная амнистия» [НАРК, ф. Р-28, оп. 1, д. 19/141, л. 199].

Одним из проявлений политики заботы стали праздничные концерты, в организации которых приняли участие и петроградские артисты. Телеграммы, направленные представителями различных военных частей в Петроградский Совет, выражали благодарность за организацию этих концертов и были формой изъявления лояльности революции [ЦГА СПб, ф. 6276, оп. 3, д. 27, л. 47–48]. Данные документы, казалось бы, подтверждают мнение исследовательницы советского периода истории Карелии: «Руководители местных Советов, партийных организаций и трудящихся (Олонецкого. – К. Г.) края с большой любовью встречали петроградских большевиков и давали высокую оценку их неутомимой работе» [Богданова, 1965. С. 15–16].

Петроградцы, вместе с тем, вспоминали о поездке в Петрозаводск по-иному. Глава делегации артистов, принявших участие в праздничном шествии 7 ноября, докладывал Петроградскому Совету: «наш оркестр шел во главе Олонецких войск партии коммунистов. Настроение было самое лучшее, вся масса была на демонстрации» [ЦГА СПб, ф. 6276, оп. 3, д. 27, л. 41]. Далее, однако, автор доклада отмечал, что коммуникация петроградских активистов с петрозаводчанами носила противоречивый характер: «По прибытии в г. Петрозаводск и долгого искания помещения пришлось устроиться музыкантам и делегатам в 1-й теплушке, артистам был дан вагон 2 класса для ночлега, но почему-то в 12 час. ночи были выгнаны в самой отвратительной и грубой форме, и потому артистам пришлось ночевать в вокзале III класса» [ЦГА СПб, ф. 6276, оп. 3, д. 27, л. 41]. Данный документ – еще одно свидетельство того, что степень влияния Петрограда на характер петрозаводских праздников не следует преувеличивать.

Центральным событием второго дня празднования стал военный парад. В соответствии с планом 8 ноября части Красной Армии должны были пройти «перед лицом советов» [НАРК, ф. Р-2, оп. 1, д. 37/451, л. 20]. Организаторы праздника наделяли парад особым смыслом: «В настоящее время, когда Российский пролетариат призван стать на защиту нарождающейся Всемирной Революции, последнее решающее слово принадлежит его оружию. На русскую Красную Армию обращены взоры всего пролетарского мира» [НАРК,

ф. Р-2, оп. 1, д. 37/451, л. 20]. Подобное описание роли армии не было специфической чертой петрозаводской церемонии – воинские части играли важную роль в структуре праздников во многих городах Советской России [ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 2, д. 10].

Можно сказать, что некоторые черты праздника в Петрозаводске отличали его от празднований Октября в иных городах (весьма важной особенностью было участие в праздновании представителей левых партий). Важно вместе с тем зафиксировать и факт сравнительного единообразия праздничных форм в частях страны, контролируемых большевиками. Это сходство подчеркивал и корреспондент газеты «Беднота», изучивший отчеты о проведении празднования годовщины Октября в различных населенных пунктах: «Описания праздников в деревнях похожи между собою: везде шествия, митинги, речи и революционные песни; флаги, знамена, спектакли, концерты и вечеринки» [Беднота, 1918. 23 нояб.]. Встает вопрос о причинах этого сходства.

Едва ли оно может быть объяснено лишь ориентацией на столичные образцы: как было показано, коммуникация петроградских и петрозаводских организаторов подчас носила весьма противоречивый характер. Представляется, что не менее важную роль в формировании праздничного канона сыграл иной фактор – организаторы праздника в различных городах независимо друг от друга ориентировались на опыт предшествующих праздников.

Революционные праздники 1917 г. представляли собой соединение традиций военного парада, религиозной церемонии и рабочей демонстрации [Stites, 1987. P. 25; Колоницкий, 2012. С. 36–57]. Центр Олонецкого края не стал в этом отношении исключением: как и во многих городах страны, февральский этап революции проходил в Петрозаводске в форме праздника – новые органы власти образовывались в результате митингов, а состоявшийся 9 марта праздник Свободы включал в себя военный парад и молебен [Петрозаводск, 2002. С. 198–199].

Во время празднования годовщины Октября продолжился процесс символического освоения «буржуазных» улиц, начатый в 1917 году. Е. Ю. Дубровская полагает, что процесс освоения бывшего ранее враждебным социально-пространства, занимаемого до революции царскими чиновниками, священнослужителями и представителями купечества, начался в Петрозаводске в ходе майских торжеств 1917 г. [Дубровская, 2010. С. 65–67].

Эти элементы праздника в явном или скрытом виде сохраняются в советской праздничной

традиции. Религиозная церемония исчезает из советских празднований, но можно говорить об их сакральном характере – об этом свидетельствуют, в частности, обсуждение особого звукового фона праздника, характеристика годовщины Октября в качестве «пролетарской Пасхи». Организаторы праздника пытались описать масштаб происходящих в Советской России изменений в том числе и с помощью религиозных метафор, воспоминанию о революции они придавали почти религиозное напряжение. Демонстрация и парад сохраняют свое значение; процессы, начатые во время первых революционных праздников (а иногда и ранее), будут продолжены и осенью 1918 г. Значение праздников февральского этапа революции было чрезвычайно велико – их можно считать временем перехода от праздничной культуры имперской эпохи к советской праздничной традиции.

В ходе раннесоветских праздников элементы предшествующих праздничных традиций трансформировались, подвергались «перекодировке» и приобретали дополнительные смыслы, становясь средством распространения новых политических ценностей. Если учесть это обстоятельство, в действиях создателей советского праздничного канона можно увидеть определенную логику: предлагая в качестве звукового фона праздника колокольный звон, разрабатывая маршрут шествий, выбирая украшения, организаторы празднования годовщины революции в различных городах независимо друг от друга ориентировались на определенный культурный код праздника. Советский праздник соединил в себе мотивы, аллюзии, образы, которые должны были служить целям радикального преобразования страны.

Литература

Антощенко А. В., Волохова В. В. Монументальный образ «провинциальной» столицы (прогулка по центру Петрозаводска) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 393–411.

Богданова Г. Н. Работа петроградских агитаторов в Олонецкой губернии (в 1918–1919 гг.) // Юбилейная научная конференция, посвященная 25-летию университета (1940–1965 гг.): Тез. докл. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1965. С. 15–16.

Государственный архив Российской Федерации (в тексте – ГАРФ).

Дианова Е. В. Религиозные праздники в Карелии в 1920-е гг. // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 127–136.

Дубровская Е. Ю. «Новый» человек в «новом» обществе: революционные символы преобразования действительности и праздничная культура Карелии 1917–1920-х гг. // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: Исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 64–74.

Капуста Л. И. Праздники старого Петрозаводска // Север. 1993. № 6. С. 132–135.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НАРК).

Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1703–2003. Петрозаводск: Периодика, 2002. 512 с.

Сады и парки в истории Петрозаводска. Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. 158 с.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (в тексте – ЦГАИПД СПб).

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (в тексте – ЦГА СПб).

Шамшур В. В. Празднества революции: Организация и оформление советских массовых торжеств в Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1989. 160 с.

Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, L., 1999.

Stites R. The Origins of Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power: the Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe. Stockholm, 1987. P. 23–42.

Поступила в редакцию 11.06.2015

References

Antoshhenko A. V., Volohova V. V. Monumental'nyj obraz «provincial'noj» stolicy (progulka po centru Petrozavodskaja). [Monumental image of the «provincial» capital (a walk around the centre of Petrozavodsk)]. *Ochevidnaja istorija. Problemy vizual'noj istorii Rossii XX stoletija* [Obvious history. Problems of visual history of Russia in the 20th century]. Cheljabinsk: Kamennyj pojas, 2008. P. 393–411.

Bogdanova G. N. Rabota petrogradskih agitatorov v Oloneckoj gubernii (v 1918–1919 gg.) [Work of Petrograd agitators in the Olonets province, 1918–1919]. *Jubilejnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 25-letiju universiteta (1940–1965 gg.)*. Tezisy dokladov [Jubilee scientific conference on the 25th anniversary of the university (1940–1965). Abstr. rept.]. Petrozavodsk: Karel'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. P. 15–16.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of historical and political documents in St. Petersburg] (in text – CGAIPD SPb).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg] (in text – CGA SPb).

Dianova E. V. Religioznye prazdniki v Karelii v 1920-e gg. [Religious holidays in Karelia in the 1920's]. *Pravoslavie v Karelii: materialy III regional'noj nauchnoj konferencii, posvjashhenoj 780-letiju kreshhenija karelov* [Orthodoxy in Karelia. Proceeding of the 3rd scientific conference devoted to the 780th anniversary of christening of Karelians]. Petrozavodsk, 2008. P. 127–136.

Dubrovskaja E. Ju. «Novyj» chelovek v «novom» obshchestve: revoljucionnye simvolny preobrazovanija dejstvitel'nosti i prazdnichnaja kul'tura Karelii 1917–1920-h gg. [The «new» man in the «new» society. Revolutionary symbols of transforming reality and festive culture in Karelia, 1917–1920]. *Prazdnichnye tradicii i novacii narodov Karelii i sopredel'nyh territorij: Issledovanija,*

istochniki, istoriografija [Holiday traditions and novations of the people of Karelia and adjacent territories. Research, sources and historiography]. Petrozavodsk, 2010. P. 65–67.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation] (in text – GARF).

Kapusta L. I. Prazdniki starogo Petrozavodskaja [Holidays of old Petrozavodsk]. *Sever* [North]. 1993. No 6. P. 132–135.

Kolonickij B. I. Simvolny vlasti i bor'ba za vlast' [Symbols of power and the struggle for power]. K izucheniju politicheskoi kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda [Studying the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii, 2012. 320 p.

Nacional'nyj arhiv Respubliki Karelija [National Archive of the Republic of Karelia] (in text – NARK).

Petrozavodsk. Hronika treh stoletij. 1703–2003 [Petrozavodsk. Chronicle of three centuries. 1703–2003]. Petrozavodsk: Periodika, 2002. 512 p.

Sady i parki v istorii Petrozavodskaja [Gardens and parks in the history of Petrozavodsk]. Petrozavodsk: PetroPress, 2003. 158 p.

Shamshur V. V. Prazdnestva revoljucii: Organizacija i oformlenie sovetskih massovyh torzhestv v Belorussii [Celebrations of the Revolution. Organization and decoration of Soviet mass celebrations in Belorussia]. Minsk: Nauka i tehnika, 1989. 160 p.

Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, L., 1999.

Stites R. The Origins of Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution. *Symbols of Power: the Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe*. Stockholm, 1987. P. 23–42.

Received June 11, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:**Годунов Константин Валерьевич**

аспирант

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ул. Петрозаводская, 7, Санкт-Петербург,

Россия, 197110

эл. почта: kostyagodunov@yandex.ru

тел.: 89210199789

CONTRIBUTOR:**Godunov, Konstantin**

St. Petersburg Institute of History,

Russian Academy of Sciences

7 Petrozavodskaya St., 197110 St. Petersburg, Russia

e-mail: kostyagodunov@yandex.ru

tel.: 89210199789

УДК 393 (470.22)

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Р. Ф. ТАРОЕВОЙ)

С. А. Минвалеев

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена анализу похоронно-поминальной обрядности кондопожских карелов-людиков, которая выявляется на основе материалов первой этнографической экспедиции, совершенной к лудикам в 1956 г. под руководством Р. Ф. Тароевой. Рассматриваются основные циклы погребального ритуала, такие как подготовка покойника к захоронению, похороны и поминальная обрядность. Делается вывод о том, что в похоронно-поминальной обрядности, бытовавшей у кондопожских лудиков до 1950-х годов, присутствовали компоненты различного происхождения: народные и христианизированные, а также появившиеся под влиянием городской среды.

Ключевые слова: карелы; лудики; традиционная культура; похоронно-поминальная обрядность; экспедиции.

S. A. Minvaleev. THE FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE LUDICS (BASED ON THE R. F. TAROEVA'S FIRST ETHNOLOGICAL EXPEDITION)

The paper deals with the analysis of the funeral and memorial rites of the Ludic Karelians of the Kondopoga District. The information on the rites is based on the materials of the first ethnological expedition of R. F. Taroeva which took place in 1956. Such fundamental cycles of the funeral rites as preparing a body for burial, funeral and memorial rites, are described. It is concluded that until the 1950's the funeral and memorial rites of the Ludics had components of different origins: folk and Christian components as well as the ones originated under the influence of the urban environment.

Keywords: Karelians; Ludics; traditional culture; funeral and memorial rites; expeditions.

Лудики – одна из субэтнических групп карельского народа. Их численность в настоящее время оценивается в 4–5 тысяч человек, но только около 300 из них являются носителями лудиковского наречия [Родионова, 2013. С. 94]. Лудиковское наречие карельского языка было выделено лингвистами на основе языковых особенностей, в которых более, чем

в ливвиковском наречии, заметен вепсский субстрат. Арвид Генетц, собиравший в 1871 г. языковой материал у лудиков, назвал последних «северным авангардом вепсов» [Прибалтийско-финские народы..., 1995. С. 39]. Сами лудики называют себя *lyydiläized* или *lyydiköt* и считают представителями карельского народа. Что же представляет собой их традиционная

культура в этнокультурном пространстве Карелии, насколько она едина, до сих пор остается загадкой. Если обратиться к работам этнографов, то можно обнаружить, что, как правило, они изучали традиционную культуру людиков в составе карельской народной культуры, не отделяя ее от южнокарельской. Сейчас ответить на вопрос о традиционной культуре этого субэтноса становится все сложнее, поскольку большая часть людиковских деревень обрусела или опустела. В этой ситуации большое значение имеют поиски различных источников по данной проблеме.

Среди них значимую роль занимают материалы экспедиционных исследований, которые проводились в районах традиционного проживания этой группы карелов. К поселениям людиков относятся Михайловское, Святозеро, Пряжа, Виданы, Спасская Губа, Святнаволок, Пялозеро, Юркостров, Тивдия, Ерши, Сележское, Сопоха, Койкары, а также к настоящему времени полностью обрусевшие деревни Половина, Логмозеро, Нижние Виданы, Кончезеро. Как отмечает А. П. Баранцев, это деревни юго-восточной Карелии, которые узкой прерывистой цепью тянутся от реки Свирь и ее притока Важинки через нижние участки рек Шуи и Суны до озера Сандал [Баранцев, 1975. С. 3–4].

Обзор истории изучения людиковского фольклора был сделан научным сотрудником ИЯЛИ КарНЦ РАН Л. И. Ивановой, а людиковского диалекта – А. П. Родионовой [Иванова, 2013; Родионова, 2013]. Судя по составленным фольклористической и лингвистической историографиям, приоритет в изучении людиков принадлежит финляндским исследователям, таким как известный языковед Даниэль Европеус, собиравший материал в 1845 г.; фольклорист Аксель Аугуст Борениус-Ляхтеенкорва и языковед Арвид Генетц, побывавшие у людиков в 1871–1872 гг.

В 1905 г. у людиков проводил исследования Юхо Куйола. Результаты его трудов были обнародованы в 1944 г. в виде словаря людиковского языка. В 1950–1956 гг. профессор Хельсинкского университета Пертти Виртаранта записал рассказы о крестьянской жизни карелов-людиков от Степана Годарёва (1884 г. р.), уроженца д. Гальозеро (Кондопожский район РК). Позже, в 1963–1984 гг. профессор опубликовал их. Они составили невероятный объем – пять томов образцов людиковской речи [Virtaranta, 1963, 1964, 1976, 1984].

Первым российским исследователем был педагог, краевед и этнограф Николай Теофилактович Лесков, собиравший по поручению Императорского Географического общества

Рис. 1. Роза Федоровна Тароева

материал в южной Карелии летом 1892 г., в том числе и в людиковских деревнях Пряжа и Святозеро. Сам Лесков был уроженцем д. Святозеро.

Изучение людиков российскими учеными было продолжено уже в советское время. С образованием в 1930 г. Карельского научно-исследовательского института (преобразованного в 1937 г. в КНИИ культуры) начинается изучение диалектов карельского языка под руководством Дмитрия Владимировича Бубриха. Прерванное Великой Отечественной войной, оно возобновляется лишь в конце 1940-х годов. В 1946 г. исследователь вепсского языка Николай Иванович Богданов выезжал в диалектологическую экспедицию к людикам Михайловского с/совета, в результате которой были заполнены диалектологические вопросники, составлен русско-карельский словарь людиков Михайловского с/совета и образцы людиковской речи [Богданова, Винокурова, 2006. С. 46–47].

Как можно видеть, до середины XX века полевые исследования среди карелов-людиков проводились лишь языковедами и фольклористами, которые собирали этнографический материал, руководствуясь своими задачами.

Рис. 2. Маршрут экспедиции 1956 г., графически представленный Р. Ф. Тароевой (кругом обозначена территория, где был собран материал по похоронно-поминальной обрядности)

Однако с 1955 г. Институтом языка литературы и истории начинают регулярно проводиться этнографические экспедиции. Они связаны с приходом в Институт после окончания аспирантуры и защиты в 1955 г. кандидатской диссертации по карелам КАССР на тему «Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. (по материалам района Калевалы)» профессионального этнографа Розы Федоровны Тароевой (после замужества – Никольской), уроженки людиковской деревни Мунозеро (рис. 1). При секторе истории была образована «этнографическая группа», которую составили молодой кандидат наук и четыре лаборанта-исследователя. В 1958 г. к этой группе присоединился пришедший на работу в ИЯЛИ Владимир Владимирович Пименов, впоследствии – известный вепсский этнограф. Так был образован мощный тандем двух профессиональных этнографов [Винокурова, Логинов, 2010].

В 1956 г. Р. Ф. Тароева вместе со студентами и искусствоведами совершила крупную экспедицию к людикам в Петровский район (ныне Гирвасское, Кончезерское и Петровское сельские поселения Кондопожского района), в результате которой были собраны интереснейшие и богатые деталями этнографические материалы. Эту экспедицию по праву можно назвать первой этнографической

экспедицией ИЯЛИ к людикам. Экспедиция проходила с 19 по 30 июня и затем продолжилась с 7 по 28 августа 1956 г. Тогда же, в период с 14 по 24 июля, Роза Федоровна самостоятельно совершила поездку к людикам в Юркостровский с/совет (Петровский район) и в Медвежьегорский район на территорию проживания собственно карелов. За весь срок экспедиции были исследованы людиковские поселения Мунозеро, Пялозеро, Койкары, Юркостров, Чула, Спасская Губа, а также на данный момент уже давно исчезнувшие поселения – Пуйгуба, Тюппега, Куджино (рис. 2).

В тот период Роза Федоровна работала над написанием монографии «Материальная культура карел КАССР», поэтому научный интерес, в русле которой проходила эта первая этнографическая поездка, в большей степени затрагивал предметную, вещественную сторону их быта. Тем не менее во время этой экспедиции были собраны материалы, касающиеся и духовной культуры карелов: обряды жизненного цикла, календарные и церковные праздники, приметы и заговоры.

Сейчас материалы этой первой этнографической экспедиции к карелам-людикам хранятся в научном архиве КарНЦ РАН (далее НАКНЦ) [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 39–45]. Они представляют особую ценность, поскольку до сих пор практически не использованы учеными. Лишь

совсем небольшое количество сведений об окказиональных обрядах и обрядах жизненного цикла было включено в монографию Р. Ф. Тароевой, посвященную материальной культуре карелов [Тароева, 1965. С. 16–17]. Полевые дневники 1956 г., содержащие ценную информацию об обрядовой жизни карелов, остались, например, за пределами знаменитых монографий Ю. Ю. Сурхаско [1977, 1985]. Видимо, архивные материалы указанных экспедиций оказались в свободном доступе для исследователей уже после выхода Розы Федоровны на пенсию в 1987 г. Введение в научный оборот материалов той экспедиции актуально и потому, что специальных работ, касающихся обрядов и верований людиков, вообще не существует.

Данная статья посвящена анализу материалов по традиционной погребальной и поминальной обрядности кондопожских людиков, которые рассеяны по полевым дневникам студенток Н. И. Исаевой и Ф. А. Тихоновой. В обязанности этих участников экспедиции входил сбор сведений об обрядах жизненного цикла кондопожских карелов-людиков. Сфера похоронно-поминальной обрядности представляет интерес, так как ей свойственна особая устойчивость во времени, в отличие от свадебных и родильных обрядов. К тому же материал, касающийся похоронного цикла карелов-людиков, в экспедиционных дневниках представлен более широко по сравнению, например, со сведениями о родильной обрядности. Информацию о похоронных ритуалах можно найти в деле № 44, составленном Н. И. Исаевой в объеме 65 листов. Также материалы Ф. А. Тихоновой в деле № 43 (77 листов) могут дополнить деталями эту область обрядов жизненного цикла.

Экспедиционные материалы по похоронно-поминальной обрядности людиков содержат информацию о таких ритуальных процессах, как подготовка покойника к захоронению, непосредственно погребение и поминки. Данные описания похоронно-поминальных обрядов кондопожских карелов-людиков основаны на рассказах тех людей, чья молодость протекала в первые десятилетия XX в. Таким образом, они отразили срез карельской погребальной традиции людиков, функционирующей до 1950-х годов. В основном собранные данные по похоронно-поминальной обрядности мало отличаются от тех, что приведены в монографии Ю. Ю. Сурхаско «Семейные обряды и верования карел», одна из глав которой посвящена общей характеристике этого ритуала. Но есть некоторые обряды и их детали, которые в указанной работе нигде не упоминаются, их мы и рассмотрим подробнее. Кроме того,

в советский атеистический период в науке старались обходить стороной обряды христианского происхождения. Именно о них в материалах данной экспедиции можно найти очень интересную информацию.

Сведения о наступлении смерти и фактах, связанных с кончиной, не были зафиксированы в рассматриваемых материалах. Лишь А. И. Никитина из людиковской деревни Койкары вспоминает причины высокой смертности в карельских деревнях, видимо, еще в дореволюционные времена: «Больниц не было. Оспа косила многих» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, л. 27].

После смерти покойника мыли на соломе, расстеленной на полу. Также могли мыть покойника на простыне, что, видимо, является более поздним обычаем, пришедшим в обрядовую жизнь народа под влиянием христианства [Слепинин, 2006. С. 9]. Аналогичный обычай проводить омовение тела на простыне мы находим у сямозерских карелов [Логинов, 2008. С. 293]. Покойника одевали в чистую одежду. Информация об одежде варьирует в разных деревнях. В деревне Наволок покойника хоронили в той же одежде, какую он носил при жизни. В Юркострове одевали умершего «во что есть». Также приводится информация, что в Святнаволоке покойника одевали в заранее приготовленную одежду. Исключение касалось молодых, для которых из-за неожиданности смерти в таком возрасте шили специальную одежду (д. Койкары). Одежда участников похорон не отличалась от повседневной, «одевают то же, что и носят: рубашки, туфли, ботинки» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, л. 5]. В Койкарах участники похорон в большинстве случаев одевались во все черное.

В похоронно-поминальной обрядности различных народов существенное место занимают представления о дальнем и трудном пути покойника на тот свет. В круге данных представлений актуализирована обувь умершего, которая необходима для преодоления этого пути. У карелов также очень большое значение придавали обуви умершего [Сурхаско, 1985. С. 68]. Об этом свидетельствует упоминаемый в записях нетипичный случай хоронить детей без обуви, рассказанный жительницей деревни Наволок А. С. Макеевой. У нее в возрасте трех лет умерла дочь, а семья была бедна и не могла позволить себе отдать лишнюю пару пускай даже детской обуви в могилу. Мать похороненной дочери вспоминала, что очень сокрушалась из-за того, что приходится хоронить ее трехлетнюю дочь босиком. А когда она через две недели хоронила уже другую дочь, то на земле у могилки первой обнаружила детские следы, отчего она очень плакала, что так похоронила

дочь, босую. Этот случай, несомненно, указывает на веру народа в возможность выходов покойников или их душ из могилы, что в прошлом разделяли практически все карелы. Участница экспедиции Ф. А. Тихонова после записи этого случая так и пометила у себя в дневнике: «Следовательно, она (т. е. информант. – М. С.) и сейчас верит в загробную потустороннюю жизнь» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, л. 6].

В обследованных деревнях покойника согласно православной традиции хоронили на третий день. Например, информант А. И. Никитина сообщила, что тело в доме держали всего два дня, таким образом получается, что на третий день назначались похороны. Тем не менее в дату погребения могли вноситься изменения. Так, А. И. Овчинникова из Кургановой Сельги говорила о том, что только «на 4-й день делают гроб» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 16].

Покойника помещали на лавку под иконы в передний угол, предварительно постелив под ним солому. Тело умершего могли также положить на стол, что свидетельствует об изменении строгой традиции [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 15]. Накрывали покойника домашним полотном. Судя по полевым материалам, в 1950-е годы в людиковских деревнях еще широко сохранялась традиция причитывания. Причитывать приглашали кого-нибудь из родственников умершего, а не профессиональных плакальщиц, как было в более позднее время.

Важное значение в похоронной обрядности христианских народов занимают ночные бдения у покойника, сопровождаемые ночными молитвами [Слепинин, 2006. С. 16]. В 1950-е годы в людиковских деревнях, несмотря на проводимую в советской стране атеистическую политику, ночные бдения у покойника сохранялись. Сначала сидели родственники, которых могли сменить другие участники похорон, например знакомые умершего. В Наволоке приводится информация, что у покойника сидели старушки. Ночные сидения сопровождалось пением молитв. Е. С. Наумова из Юркострова приводит интересные подробности, связанные со временем ночных бдений: всех гостей в полночь угощали чаем, но в три часа ночи все расходились, и у гроба уже никто не сидел [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 41]. Скорее всего, в крестьянских представлениях три часа ночи означало конец этого времени суток, конец ночных сидений. Каждое утро также пили чай и ставили чашку с чаем у покойника вместе с закуской или стряпней, угощая таким образом душу покойного.

В исследуемое время гроб не красили и не обшивали материей. Соблюдение обычая делать деревянный гроб по возможности

скромным, видимо, связано с соблюдением христианских традиций в этих местах [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 11]. Сведения о подстилочном материале для гроба различаются. Так, кондопожские карелы использовали в основном в качестве подстилки в гроб березовые листья, а также набивали ими подушки для покойника. Такое упоминание встречается и в монографии Ю. Ю. Сурхаско [1985. С. 69]. В то же время в деревнях Юркостров и Святнаволок экспедицией зафиксированы сведения об изменении этой традиции: набивкой для подушки покойного стала служить вата вместо березовых листьев. Такой переход на использование ваты в качестве подстилки в гроб вместо доступных березовых листьев говорит о внедрении городских новаций в культурно-обрядовую жизнь сельского населения. Листья в гробу накрывали сверху холстом (*пáлтена*), а покойника богатые родственники накрывали кисеей, бедные – тем же холстом.

В день похорон покойника перемещали в гроб и по четырем сторонам гроба крестообразно зажигали свечи. Эти действия совершали согласно правилам православного обряда, требующим возле гроба зажигать свечи, которые желательно расставить с четырех сторон крестообразно (или только у головы). Считается, что огонь свечи символизирует надежду на переход усопшего в загробный мир [Слепинин, 2006. С. 12.]. С покойником прощалась сначала родня, а затем все остальные. Родственники-мужчины, прежде чем вынести гроб с телом из избы, опускали его в передней комнате на порог, а затем в коридоре. У карелов было принято, что во время таких «остановок» причитальщица обычно с помощью плачей прощалась за покойного с «хожеными местами» [Сурхаско, 1985. С. 84]. Но рассматриваемые экспедиционные материалы не предоставляют сведений об участии причитальщиц во время выноса гроба.

По данным информантки А. С. Макеевой, после выноса покойника в доме пол редко моют («пол не моют, а только подметают»; «пол после покойника редко моют») [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 5; д. 43, л. 5]. Такое поведение является отходом от ритуала традиционного очищения помещения, когда мытье избы после выноса покойника символизировало изгнание «калмы» – смертельной, неизлечимой болезни, которая могла передаваться от покойника [Сурхаско, 1985. С. 82]. Не все сопровождали покойного на кладбище, обязательно кто-то оставался дома, чтобы готовить поминальный обед.

Обычно летом гроб несли на плечах, а зимой доставляли до места захоронения на санях. В Кургановой Сельге записано поверье, что

если среди провожающих нет той родни, которую хотел бы видеть покойный, то тело якобы тяжелеет [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 17]. В полевых материалах был записан и более древний вариант транспортировки гроба – на санях. В монографии Ю. Ю. Сурхаско есть описание этого архаичного обычая доставки гроба до кладбища даже в летнее время [Сурхаско, 1985. С. 82]. Аналогичная традиция соблюдалась многими народами России (русскими, коми, вепсами). В основе ее лежали представления, что мир мертвых, куда отправляется умерший, это мир зимы и холода. В деле № 43 говорится, что гроб на санях везли уже редко; видимо, такая древняя традиция у людиков отходила в прошлое. Упоминание об обычае переноски гроба на шестах можно найти в материалах другой экспедиции – 1957 года, когда этнографическая группа, также под руководством Р. Ф. Тароевой, исследовала деревни Пряжинского и Олонецкого районов [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 48, л. 32]. Такой обычай был широко распространен у собственно карелов и ливвиков в деревнях, расположенных недалеко от кладбища [Сурхаско, 1985. С. 84].

По христианскому обычаю по дороге на кладбище покойника доставляли в церковь на отпевание. В Святнаволоке священник во время отпевания умершего в церкви клал пепел ладана на грудь покойника, и уже после этого покойнику в лицо никто не смотрел вплоть до закрытия крышки гроба [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 51]. Объяснение такого ритуала можно найти в православной литературе, посвященной обряду погребения: «По Уставу (Уставу Русской православной церкви. – С. М.) на тело также полагается возлить елей прямо из лампы и посыпать пепел из кадила в ознаменование того, что жизнь христианина, как огонь или фимиам, угасает для земли, но не для неба» [Слепинин, 2006. С. 25].

Вопреки утверждению Ю. Ю. Сурхаско, что обряд выкупа земли для покойника в виде бросания медных денег в могилу был распространен повсеместно, встречаются и такие поселения у людиков, где этот обычай не соблюдался. В деревне Юркостров была записана информация об особенностях исполнения здесь обрядов, связанных с погребальной землей. Священник совершал очистительный обряд: кадил свежерытую могилу. Затем приступали к погребению. Землю бросали не только в могилу, но и на грудь покойнику, приговаривая по-карельски: «*Муас пйя тулид и муахе мянед*» – «*От земли родился, земле и предайся*» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 43]. По мнению К. К. Логинова, «обряд "выкупания земли" медными

монетами... – явный пережиток погребального жертвоприношения» [Логинов, 1993. С. 163]. Информация о заколачивании крышки гроба варьирует. В различных деревнях заколачивали гроб по-разному: где-то делали это перед опусканием гроба в могилу, а где-то уже после. Видимо, такая вариативность обуславливалась нестрогим соблюдением этой части похоронной обрядности. По сведениям Ю. Ю. Сурхаско, в прошлом крышку гроба не забивали железными гвоздями, а закрепляли с помощью деревянных шипов [Сурхаско, 1983. С. 93]. Экспедиционные материалы отразили изменение этой традиции: гроб стали заколачивать железными гвоздями.

О постепенном распространении инноваций свидетельствует также информация о предметах, с помощью которых гроб опускали в могилу. В прошлом у карелов повсеместно гроб в могилу опускали на полотенцах. По мнению ученых, такая деталь обряда была связана с древним представлением о полотенце как «дороге» в иной мир [Косменко, 1983. С. 52–54]. В экспедиционных материалах Р. Ф. Тароевой можно обнаружить постепенное угасание древней традиции: в 1950-е годы иногда нижний конец гроба опускали уже не на полотенце, а на веревке, а головной – по-прежнему, на полотенце. Погребальные полотенца дарили старушкам, участвовавшим в обмывании покойника. Ситец, которым был покрыт гроб еще при выносе, отдавали беднякам [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 51].

В экспедиционных материалах встречаются указания о месте расположения кладбища у сохранившейся часовни в д. Наволок. Судя по сделанному рисунку и записям, основными надгробными памятниками в этой деревне были восьмиконечные кресты, иногда с крышей (рис. 3).

Повсеместно в полевых материалах упоминается о том, как народ по пути от кладбища к дому покойного останавливался посередине пути и садился на пни (у некоторых информантов – на камни или снег). Часто этот обряд сопровождался обращением к покойному: «*До этого места дойди и больше не ходи*». Участники похорон тем самым просили покойника не навещать их дома, доходить только до половины пути от кладбища. Тот же ритуал мы находим и у сегозерских карелов [Конкка, 1980. С. 29]. В основе этого обряда лежали поверья о постоянных приходах покойника домой после его смерти и беспокойстве такими приходами живых, основанные на страхе перед мертвыми.

Сразу после кладбища родственники поминали покойного (*пóминойта*) в его доме

Рис. 3. Страница из полевых материалов с эскизом часовни и надгробных крестов в д. Наволок

поминальным обедом. Иногда поминали прямо на кладбище у свежей могилы, для этого участники похорон брали с собой рыбу, рыбники и ягодный кисель (*кисель*). Кисель всегда оставался традиционным блюдом похоронно-поминальной обрядности, особенно овсяный, как самый древний вид киселя, или на картофельном крахмале, появившемся в более позднее время. Также поминки устраивались на сороковой день после похорон. В экспедиционных записях можно найти достаточно информации о составе поминального стола: это обязательно кисель, рыбники, носившие название *курники*, калитки, белые пироги, пироги с толокном и крупой, суп, обычно рыбный; из напитков – чай, наливка. Кто был побогаче, угощал водкой. Помимо общепринятого запрета на употребление в пищу во время поминок мясных блюд у койкарских и юростровских людиков существовал также запрет на употребления в пищу картофеля. Это неудивительно, ведь у многих российских народов картофель появился поздно и долгое время считался «нечистым, дьявольским» растением [Усачева, 2009. Т. 3. С. 473].

В Святнаволоке также был распространен такой вид поминок, как «полусорочкины», отмечаемый на двадцатый день после похорон [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 52]. Блюда «полусорочин» не отличались от приготавливаемых в остальные поминальные дни: рыба, пироги, последним блюдом всегда подавали кисель.

Итак, на основании рассмотренных в статье материалов можно прийти к выводу, что

20- Часовня разделена на знаменитые (наши). Часовня одностолбчатая с башенкой наверху (около) с решётками. Окна с решётками (одно над другим) расположены в знаменитых. Часовня (наподобие башни) Окна расположены в два яруса: 2-с одной стороны и 4-с другой. Часовня деревянная. Башня 8-угольная. Памятников и надгробных крестов никаких нет. Могилы только кресты и т.п.

Вер. Койкара, Юростров
Тавринов А.И. - 50 лет
Деревня раньше состояла из 3-х рядов. Дома окнами выходили к реке. Деревня расположена на берегу реки Суна. Во время гранаданской в

в похоронно-поминальной обрядности, бытовавшей у кондопожских людиков до 1950-х годов, присутствовали компоненты различного происхождения: народные и христианизированные, а также появившиеся под влиянием городской среды (использование ваты для подготовки гробовой постели, гвоздей при заколачивании гроба, веревок при опускании гроба в могилу). Несмотря на то что в данный период практически у всех этнографических групп карелов ритуал похоронного цикла имел единую традиционную основу, у людиков этот обряд обнаружил некоторые особенности. Они проявились в обряде выкупа земли, в отсутствии влажной уборки дома после выноса покойника и т. д. Выявленные особенности пока предварительные, их следует проверить с помощью привлечения других источников.

На данный момент представляется перспективным собрать сведения о бытовании похоронно-поминальной обрядности в настоящее время в сохранившихся деревнях, которые были обследованы экспедицией 1956 г., и сравнить их с прежними материалами. Такое сравнение позволит выявить инновации.

Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтничном пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей».

Литература

Баранцев А. П. Фонологические средства лудиковской речи (дескриптивное описание). Л.: Наука, 1975. 280 с.

Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения Н. И. Богданова) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 35–74.

Винокурова И. Ю., Логинов К. К. Р. Ф. Никольская и становление этнографической науки в Карелии // Труды КарНЦ РАН. 2010. № 4. С. 132–140.

Иванова Л. И. Фольклор карелов-лудиков: история собирания и современное состояние // Живая старина. 2013. № 3. С. 30–33.

Логинов К. К. Похоронно-поминальная обрядность // История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка, И. И. Муллонен, В. Д. Рягоева. Петрозаводск: Петргу, 2008. С. 291–300.

Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 228 с.

Конкка У. С. Семейные праздники // Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л.: Наука, 1980. С. 7–88.

Косменко А. П. Функция и символика вепского полотенца (по фольклорно-этнографическим данным) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Кар. фил. АН СССР, 1983. С. 38–55.

Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йокипии; Ред. рус. издания П. Мутанен. Ювяскюля: Атена, 1995. 504 с.

Родионова А. П. Elgendät libo toimitat?: о личном опыте исследования карелов-лудиков // Материалы

XLII Международной филологической конференции 11–16 марта 2013 года. Уралистика / Под ред. доц. Н. Н. Колпаковой. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 93–97.

Слепинин К. Православный обряд погребения. Акафист за единоумершего. СПб.: Сатись; Держава, 2006. 64 с.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977. 239 с.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л.: Наука, 1985. 174 с.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л.: Наука, 1965. 223 с.

Усачева В. В. Картофель // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 473–475

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä I–V. Kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta / Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia. Helsinki: Suomalaisugrilainen Seura, 1963, 1964, 1976, 1984.

Архивные источники

Исаева Н. И. Материалы этнографической экспедиции в Петровский р-н Карельской АССР, 1956 г. // Научный архив КарНЦ РАН – НАКНЦ, фонд 1, опись 29, дело 44, 65 л.

Титова Л. Н. Материалы этнографической экспедиции в Олонецкий и Пряжинский р-ны КАССР, 1957 г. // НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 48, 66 л.

Тихонова Ф. А. Материалы этнографической экспедиции в Петровский р-н Карельской АССР, 1956 г // НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, 77 л.

Поступила в редакцию 08.04.2015

References

Barancev A. P. Fonologicheskie sredstva ljudikovskoj rechi (deskriptivnoe opisanie) [Phonological means of the Ludic speech (description)]. Leningrad: Nauka, 1975. 280 p.

Bogdanova G. N., Vinokurova I. Ju. Nikolaj Ivanovich Bogdanov: chelovek i uchjonyj (k 100-letiju so dnja rozhdenija N. I. Bogdanova) [Nikolay Ivanovich Bogdanov: a person and a scientist (to the 100th anniversary of N. I. Bogdanov's birth)]. Sovremennaja nauka o vepсах: dostizhenija i perspektivy (pamjati N. I. Bogdanova) [Modern science about the Veps: achievements and perspectives (in memory of N. I. Bogdanov)]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2006. С. 35–74.

Ivanova L. I. Fol'klor karelov-ljudikov: istorija sobiranija i sovremennoe sostojanie [Folklore of the Ludic Karelians: history of collecting and modern state]. Zhivaja starina [Living antiquity]. 2013. No 3. P. 30–33.

Loginov K. K. Pohoronno-pominal'naja obrjadnost' [Funeral and memorial rites]. Istorija i kul'tura Sjamozer'ja [History and culture of Syamozero]. Eds. V. P. Orfinskogo, I. E. Grishinoj, A. P. Konkka, I. I. Mullonen, V. D. Rjagoeva. Petrozavodsk: PetrGU, 2008. P. 291–300.

Loginov K. K. Semejnye obrjady i verovanija russkich Zaonezh'ja [Family rituals and beliefs of the Russians from Zaoneshje]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 1993. 228 p.

Konkka U. S. Semejnye prazdniki [Family holidays]. Duhovnaja kul'tura segozerskih karel konca XIX – nachala XX v. Eds. U. S. Konkka, A. P. Konkka. Leningrad: Nauka, 1980. P. 7–88.

Kosmenko A. P. Funkcija i simbolika vepsskogo polotenca (po fol'klorno-jetnograficheskim dannym) [The function and symbolism of the Veps towels (based on folklore and ethnographic data)]. Fol'kloristika Karelii. Petrozavodsk: Kar. fil. AN SSSR, 1983. P. 38–55.

Pribaltijsko-finskie narody: Istorija i sud'by rodstvennyh narodov [Baltic and Finnish nations. History and destiny of kindred nations]. Ed. M. Jokipii; Ed. rus. iss. P. Mutanen. Juvjaskjulja: Atena, 1995. 504 p.

Rodionova A. P. Elgendät libo toimitat?: o lichnom opyte issledovanija karelov-ljudikov [Elgendät libo toimitat?: on personal research experience of the Ludic Karelians]. Materialy XLII Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferencii 11–16 marta 2013 goda. Uralistika [Proc. of

the 43rd int. philological conference, March 11–16, 2013. Uralic studies]. Ed. N. N. Kolpakovoj. St. Petersburg: SPbGU, 2013. P. 93–97.

Slepinin K. Pravoslavnyj obrjad pogrebenija. Akafist za edinoumershego [Orthodox burial rites. Canticles to the dead]. St. Petersburg: Satis; Derzhava, 2006. 64 p.

Surhasko Ju. Ju. Karel'skaja svadebnaja obrjadnost' [Karelian wedding rituals]. Leningrad: Nauka, 1977. 239 p.

Surhasko Ju. Ju. Semejnye obrjady i verovanija karel [Family rituals and beliefs of the Karelians]. Leningrad: Nauka, 1985. 174 p.

Taroeva R. F. Material'naja kul'tura karel (Karel'skaja ASSR) [The material culture of the Karelians (the Karelian ASSR)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 223 p.

Usacheva V. V. Kartofel' [Potatoes]. Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar' v 5 tomah [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.]. Ed. N. I. Tolstoj; Institut slavjanovedenija RAN. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009. Vol. 3. P. 473–475.

Vinokurova I. Ju., Loginov K. K. R. F. Nikol'skaja i stanovlenie jetnograficheskoj nauki v Karelii [R. F. Nikol'skaja as a founder of ethnographic science in Karelia]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Trans. KarRC RAS]. 2010. No 4. P. 132–140.

Arkhivnye istochniki [Archival materials]

Isaeva N. I. Materialy etnograficheskoj ekspeditsii v Petrovskii r-n Karel'skoi ASSR, 1956 g. [Materials of ethnographic expedition to the Petrovsky district of the Karelian ASSR]. *Nauchnyi arkhiv KarNTs RAN – NAKNTs* [KarRC RAS. *Scientific archives – NAKNTs*], fonds 1, inventory 29, file 44, 65 l.

Titova L. N. Materialy etnograficheskoj ekspeditsii v Olonetskii i Pryazhinskii r-ny KASSR, 1957 g. [Materials of ethnographic expedition to the Olonets and Pryazha districts of the Karelian ASSR]. *NAKNTs*, fon. 1, in. 29, f. 48, 66 l.

Tikhonova F. A. Materialy etnograficheskoj ekspeditsii v Petrovskii r-n Karel'skoi ASSR, 1956 g. [Materials of ethnographic expedition to the Petrovsky district of the Karelian ASSR]. *NAKNTs*, fon. 1, in. 29, f. 43, 77 l.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä I–V. Kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia*. Helsinki: Suomalaisugrilainen Seura, 1963, 1964, 1976, 1984.

Received April 08, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Минвалеев Сергей Андреевич

аспирант
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: minvaleevs@gmail.com
тел.: +79814001906

CONTRIBUTOR:

Minvaleev, Sergey

Institute of Language, Literature and History, Karelian
Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: minvaleevs@gmail.com
tel.: +79814001906

УДК 821.511.111

ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

М. В. Казакова

Петрозаводский государственный университет

Анализируются тематические особенности билингвальной лирики национальных карельских поэтов О. Мишина – А. Хийри (поэта-ингерманландца, пишущего на русском и финском языках), А. Волкова (поэта-карела, пишущего на русском языке и ливвиковском наречии карельского языка), Н. Абрамова (поэта-вепса, пишущего на русском и вепском языках). Творческий путь они начинают на русском языке, как языке с более развитой структурой, имеющем длительную литературную традицию и обладающем большими возможностями для реализации творческих замыслов, а затем переходят к творчеству на родном национальном языке, осознав собственную национальную идентичность и долг перед своим народом и своими предками в сохранении и развитии национальной культуры. Создание самостоятельных произведений на двух языках требует от писателей и поэтов хорошего владения родным национальным языком, знания культуры и традиций своего народа. Русский же язык является для них некой исходной точкой, на которую национальные поэты и писатели имеют возможность опереться для достижения художественного мастерства. На каком языке они бы ни писали – на русском или родном национальном – они говорят о родном крае, о своем народе, о проблемах сохранения национальной культуры и языка, о родной природе, любовь к которой впитали с молоком матери. Сохранить и приумножить богатства родного края, культуры и языка, передать этот клад будущему поколению – основные темы билингвального творчества национальных поэтов Карелии.

Ключевые слова: художественный билингвизм; национальный поэт Карелии; национальный язык; национальная идентичность; Олег Мишин – Армас Хийри; А. Волков; Н. Абрамов.

M. V. Kazakova. BILINGUAL TEXT'S FEATURES IN THE HISTORY OF KARELIAN LITERATURE

This article analyses typical themes and features of bilingual lyric poetry of national Karelian poets O. Mishin – A. Hiiri (ethnic Ingrian Finn, who writes verses in the Finnish and Russian languages), A. Volkov (ethnic Karelian, who writes verses in the Livvi dialect of Karelian and Russian languages), N. Abramov (ethnic Vepsian, who writes verses in the Veps and Russian languages). These national poets began their creative development using the Russian language because it has a more developed structure, a longer literary tradition and more potential and resources for realizing their creative ideas as well. Later on, having acknowledged their national identity and duty to the nation and ancestors to reserve and develop the national culture, they turned to their national mother tongue. When creating an original work in more than one language national authors and poets are expected to be fluent in their national mother tongue, know the culture and traditions of their nation. National poets and authors view the Russian language as a certain point of

reference for achieving artistic maturity. Whatever language they use – Russian or their national mother tongue – they write about their native land and nation, about preserving national culture and language, and about their nature love for which is bred in the bone. Preserving and increasing the great riches of their native land, culture and language, and passing this treasure on to the next generation – these are the typical themes of bilingual works of national Karelian poets.

Key words: Artistic bilingualism; national Karelian poet; national language; national identity; Oleg Mishin – Armas Hiiri; A. Volkov; N. Abramov.

Как писать историю литературы? Этот вопрос стоит перед филологами в полемических статьях, в рецензиях и предложенных ими версиях истории литературы определенного народа (народов). Для любой дискуссии характерно наличие прямо противоположных точек зрения. Например, нарратолог Вольф Шмидт полагает: «Любая история литературы – нарратив, руководимый, как и все нарративы, субъективной точкой зрения. Объективные истории литературы так же невозможны, как и объективные истории политических происшествий» [Шмидт, 2012. С. 164]. В то же время исследователь находит, что «субъективные» истории литературы имеют право на существование, и предлагает свои подходы к ее интерпретации. Авторы рецензии на первый том «Истории литературы Урала», напротив, полны оптимизма. Исполненные интереса к рецензируемому исследованию, они характеризуют его как «первый опыт создания академической истории литературы отдельного региона» [Абашев, Абашева, 2014. С. 369], что не соответствует истине. В Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН еще в 2002 году были изданы «История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века» и «История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века» [Дюжев, 2002а, б]. В 2008 году издание было продолжено в монографии «История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века в двух томах» [Дюжев, 2008].

Приоритет, как видим, принадлежит отнюдь не уральским специалистам, но нельзя не согласиться, что их диапазон шире: они рассмотрели литературу Урала как «региональное единство трех национальных блоков – тюркского, русского и финно-угорского» [История..., 2012. С. 32]. На Европейском Севере России региональное единство национальных блоков – русского и финно-угорского – пока рассмотрено в локальных историях литературы Карелии. Что касается русской и саамской литературы Мурманской области, то этот национальный блок предметом академического анализа еще не стал.

История литературы Карелии уже насчитывает три версии: 1954, 1969, 1994–1997–2000 годов. Последнюю отличает не только анализ произведений советской эпохи, что было главным в предшествующих трудах, но и характеристика письменной традиции, бытовавшей на данной территории, начиная с XII века, а также фундаментальное исследование карельского и ингерманландского фольклора, литературно-фольклорного памятника «Калевала» и безусловное напоминание о том, чем являлись для русской культуры записанные в Олонецкой губернии эпические творения и севернорусские причитания [Карху, 1994; Алто, 1997, 2000].

Новым также стал раздел «Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей». Поскольку это действительно был первый опыт подобного рода, то в данный контекст наряду с творчеством писателей, работавших на двух языках (О. Мишина – А. Хийри, Р. Такала, П. Лукина, А. Волкова, О. Мишиной, В. Вейкки), включено творчество литераторов, писавших только на русском языке, но при этом ярко продемонстрировавших свою национальную идентичность (Э. Кононов, Т. Вякя) или попытавшихся вспомнить свои финно-угорские корни (Эд. Алто, А. Пуйкконен, Р. Мустонен).

Несмотря на противоречивую позицию исследователей, они тем не менее заявили о необходимости введения в историю литературы России, помимо русского и иноязычного контекстов, третьего – билингвального [Опыт..., 2000. С. 361–388]; последний и является предметом анализа в настоящей статье.

Напомним, что художественный билингвизм как процесс создания произведений на двух языках довольно распространенное явление во всем мире. Россия всегда была, есть и будет многонациональной страной, многие граждане которой говорят не только на русском, но и на своем родном языке. Учитывая эти обстоятельства, принято говорить о проблеме национально-русского билингвизма в России.

В исследованиях, посвященных художественному билингвизму, речь чаще всего идет об

обращении писателей-билингвов к русскому языку как к языку, на котором им проще выражать свои творческие замыслы. Г. Гачев пишет, что «писатели в своем родном языке не имеют такой развитой системы, и потому родной язык их сковывает» [Гачев, 1988. С. 145].

Что касается Республики Карелия, которая в силу своей территориальной, исторической и культурной специфики всегда была многонациональной (на этой земле испокон веков проживают вепсы, карелы, финны и русские), то здесь мы наблюдаем несколько иной процесс. Некоторые национальные писатели, начиная творческий путь как русскоязычные (ингерманландец О. Мишин – А. Хийри, карел А. Волков, вепс Н. Абрамов), постепенно обращаются к родным языкам и продолжают свое творчество уже как писатели-билингвы, создавая самостоятельные произведения как на русском, так и на своем родном языке.

Пальма первенства принадлежит Армасу Иосифовичу Мишину (1935 г. р.), подписывающему свои произведения на русском языке именем Олег Мишин, на финском – Армас Хийри.

В годы Великой Отечественной войны финское население Ленинградской области (той части, что именовалась Ингерманландией) эвакуировалось в Сибирь, откуда им было запрещено возвращаться на родную землю. Так финн-ингерманландец по рождению после войны оказался в маленьком карельском городке Пудоже, где в основном проживают русские. Неудивительно, что родной язык стал забываться, поэтому первые поэтические книги Мишина были написаны на русском языке.

Однако, войдя в круг писателей Карелии, молодой литератор сблизился с карельскими поэтами Т. Сумманеном, выходцем из семьи красных финнов, и Я. Ругоевым, чьей родиной была калевальская земля. И финн, и карел писали на финском языке. Хотя с 1956 года финский язык перестал функционировать в Карелии как государственный, тем не менее в литературной среде его статус был достаточно высок. Мишину было у кого поучиться. В 1976 году у него, автора стихотворных сборников на русском языке, выходит в свет первая книга на финском «Ikkunani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир»), подписанная именем Armas Hiiri.

Хотя Александр Луквич Волков (1928 г. р.) на семь лет старше, его первая книга стихов на русском языке вышла только в 1993 году. Своему поэтическому рождению он обязан волне национального возрождения второй половины 1980–1990-х годов. Именно в это время создаются учебники на трех диалектах карельского

и вепского языков. На родном диалекте – ливвиковском – уже писал Владимир Брендоев (1931–1990), о котором шутя говорили, что он стал писать на карельском, не зная, что такого языка не существует. Тем не менее начало было положено, в 1997 году выходит книга стихов на карельском языке и у Волкова.

Николай Викторович Абрамов (1961 г. р.) свою первую книгу на вепском языке «Koumekümne koume» («Тридцать три») издал в 1994 году; она стала первой и в зарождающейся вепской литературе. Само название весьма показательно. Хотя автор в своих интервью отрецивается от параллелей с образом Христа, тем не менее его ощущение зачинателя, первотворца литературного языка стихи передают. Что касается предшествовавших этой книге стихов на русском языке, то они публиковались в периодической печати и коллективных сборниках. Переход на родной язык Абрамову дался нелегко. «Будучи двуязычным, он поначалу думал по-русски, но писал на вепском языке. Когда он стал мыслить образами родного языка, его стихи приобрели подлинно народное звучание» [Зайцева, 2000. С. 425].

Таким образом, на территории Республики Карелия в последние десятилетия наблюдается следующий процесс: писатели-билингвы, начинающие свой творческий путь на русском языке, как языке с более развитой структурой и имеющем длительную литературную традицию, а также обладающем большими возможностями для реализации творческих замыслов, переходят к творчеству на родном национальном языке, осознав свою национальную идентичность и долг перед своим народом и своими предками в сохранении и развитии своей национальной культуры.

Используя два языка в своем творчестве, писатели аккумулируют опыт двух культур, тем самым обогащая свое творчество и расширяя границы самовыражения.

На каком бы языке поэты ни писали (на родном или русском), для их творчества характерна национальная специфика. Являясь частью культуры своего народа, они стремятся раскрыть и познать его национальные основы, его культуру, тем самым донести до окружающего мира идею национальной уникальности, воздать дань своему народу, своим предкам, не дать им раствориться среди народа-доминанта.

Литература Карелии функционирует на четырех языках: на русском и на трех прибалтийско-финских: финском, карельском и вепском. И, как мы сказали, есть писатели, работающие в двух контекстах, русском и финно-угорском.

Последний контекст как единое целое в «Истории литературы Карелии» также не был рассмотрен; когда проект только задумывался, никто не предполагал, что появятся книги на карельском и вепсском языках, поэтому творчество В. Е. Брендоева, карела-ливвика, и М. Пахомова, карела-людика, воспринималось как исключение и было бегло рассмотрено в контексте финноязычной литературы [Алто, 1997. С. 170–171].

Если бы исследование вышло сразу по его завершении (все три тома утверждены к печати в 1992 году), то не было бы в третьем томе ни раздела «Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей», ни раздела «Вепсская литература». Несмотря на усилия ответственного редактора, исполнителя раздела «Литература на карельском языке» найти не удалось.

Литературу на финском и новописьменных карельском и вепсском языках попытался представить в качестве единого финно-угорского контекста Э. Г. Карху, написавший «Послесловие к “Истории литературы Карелии” в 3-х томах» [Карху, 2000. С. 433–444].

В данной статье из этого контекста мы выделим творчество трех ведущих поэтов-билингвов и попытаемся показать, какие темы, мотивы и образы являются общими для их финно-угорских и русских произведений. Это будет предварительным этапом исследования билингвального контекста в литературе Карелии.

Прежде чем перейти к конкретному анализу лирики трех поэтов, оговорим: если речь идет о русских стихах А. И. Мишина, то пишем его русское имя «О. Мишин», если о финских – пишем «А. Хийри» и приводим стихи на двух языках: финском и в переводе на русский. Стихи на карельском и вепсском А. Волкова и Н. Абрамова соответственно цитируем в оригинале и в переводе с указанием имени переводчика.

В настоящей статье для анализа были выбраны следующие сборники 1990–2000-х годов: А. Волков «Вечный огонь» = «Iguine tuli», Н. Абрамов «Поговорим, брат» = «Pagiškam, ve!l », О. Мишин – А. Хийри «Песнь ингерманландца» («Inkeriläisen laulu»), «Сквозь ливни и метели», «Рябиновая Родина» («Pihlajainen kotimaa»). Кроме того, мы нашли возможным использовать в статье некоторые стихи О. Мишина – А. Хийри из сборников 1970-х годов.

Переживание за судьбу своего народа, своей малой родины, языка и культуры обуславливает и тематическую направленность билингвального творчества поэтов. Все они когда-то покинули отчий дом, свои родные села, разлучились со своими «корнями». Разными были причины, которые побудили их к этому,

по-разному сложились их судьбы на чужбине, но сближает и объединяет всех их безграничная любовь к своему родному краю, к своей малой родине.

С болью говорят поэты о покинутых деревнях, разрушенных и обветшалых селах, о том, что человек постепенно отдаляется от своих корней, от гармоничного сосуществования с природой.

Omua muadu et voi löydiä tostu,
Eigo sidä vaihtua toizeh sua,
Omua muadu ei sua dengah ostua,
Kuynälien kel sanot: »Oma mua».

[Волков, 2000. С. 26–27]

Нет на свете с Родиной сравненья,
Нет на свете Родины милей,
«Родина!» – не скажешь без волненья,
И нет тоски по Родине большей.

[авторизованный перевод А. Волкова]

Если в произведениях А. Волкова беспокойство за судьбу родины связано с надеждой на ее возрождение, как, например, в стихотворении «Iguine tuli» («Вечный огонь»): «Hakatut mečiköt kazvetah yläh, / Čometah uvvessah hävinnyöt kylät, / N’opatah jogiloi puhtahat järvet» («Вижу: опять деревеньки добреют, / Залежи, пустоши – пашней чернеют, / Ввысь поднимаются снова леса, / В реках, озерах – вода, как роса») [авторизованный перевод А. Волкова], то у Мишина возвращение «в родные отцовские дали» уже невозможно, и это накладывает трагический отпечаток на тему малой родины в его творчестве. Его родина везде и нигде, но самое главное, что пытается донести до нас поэт, – это то, что свою малую родину он не утратил, она всегда с ним – в воспоминаниях детства, в запахе травы, в величии деревьев, в раскатах весенней грозы. «Inkeri on minussa ja sinussa» («Ингерманландия во мне и в тебе»), восклицает лирический герой, и пока мы живы и помним о ней, она будет жить в наших сердцах, несмотря на свою трагическую судьбу и трагическую судьбу ее народа, который «разметали по миру».

Мысли прежние, мысли грустные.
Все ль ты помнишь, мой край-горюн?..

[Hiiri, 1995. С. 117]

Так пишет поэт в своих русских стихах. Сквозь грусть и тоску о потерянном отчем доме, о безвозвратно утраченном родном селе у А. Хийри появляются жизнерадостные строки о других, не менее любимых краях, где

лирический герой, хотя и не в полной мере, смог восполнить утрату родного села, родного края, своей малой родины.

Petrozavodsk! Kuin kannel, laulu kaikuu.
Elämän läpi rakkautemme soi.
Petrozavodsk! Sen sinä muistat kaiken,
läti meidän, Petroskoi.

[Hiiri, 2008. С. 27]

Петрозаводск! Песня раздается,
как кантеле.
Наша любовь звучит всю жизнь.
Петрозаводск! Ты все это помнишь,
Наш навеки, Петрозаводск.

С темой утраченной родины связана и тема утраты родного языка, которая встречается в билингвальном творчестве поэта. Лирическому герою не дает покоя мысль, что он позволил себе забыть «язык отцовский», что лишь отдельные слова («мама, папа, хлеб, солнце, земля») остались в его памяти.

Уважение и любовь к своему народу побудили Мишина, по сути, заново выучить родной финский язык и продолжить свой поэтический путь уже как поэт-билингв. Финский язык стал для него неким связующим звеном, ниточкой, протянувшейся от настоящего к прошлому, соединившей его со своими корнями, со своим народом. Об этом он пишет в стихах не только на финском, но и на русском языке.

Неважно где – далеко или близко –
Сегодня от меня мой край родной,
Отечество мое – язык мой финский,
И значит, родина всегда со мной.

[Мишин, 2004. С. 205]

Вторят Мишину и строки, посвященные родному карельскому языку, поэта-карела А. Волкова. Для него карельский язык – «это ангел-хранитель / Нашей Родины, наших имен», который дарован нам «от природы, от Бога» и является духовным наследием наших предков.

У Николая Абрамова, чье детство прошло в деревне Ладва Ленинградской области, родина – это прежде всего светлое воспоминание о детстве, о матери, о родном крае, где «с детства все знакомо, / что пуще жизни берегут, / что величают отчим домом, / и то, что Родиной зовут!» [Абрамов, 2005. С. 72]. В этих воспоминаниях лирический герой его стихов черпает силу для борьбы с обыденностью и пустотой повседневной жизни. Его «вольное сердце» стремится обратно «в родимые веси», подальше от серого города, где «ни земли, ни неба». Лирического героя стихов Н. Абрамова волнует и пугает неотвратимое наступление города на

село, его всеразрушающая бездуховность, которая способна поглотить то немногое настоящее, что еще осталось, – культурное наследие его предков, которое с каждым днем все сложнее сохранить и тем более – передать своим детям и внукам.

Но вслед за сгоревшим,
безжалостным веком,
Все больше мне хочется
быть – человеком.
[Абрамов, 2005. С. 73]

Музыка его родины – это «мычание коров», «юности вешние воды», «шум листвы», «звон ручья». Природа родного края со своей чистотой и гармоничностью выступает в лирике Н. Абрамова как укор цивилизованному городскому миру, оторванному от своей духовной основы. Природа восполняет потерянное равновесие, внутреннюю гармонию, баланс хорошего и плохого в надорванной душе лирического героя.

Даже если весь мир изменить
никому не дано,
Были в нем, только в нем – красота,
и любовь, и вино...
И как будто на горной реке вдруг
сломаеть весло,
Только сам ты решаешь – добро
выбирать или зло.
[Абрамов, 2005. С. 88]

Э. Л. Алто пишет, что «для современной поэзии Карелии, в том числе финноязычной, отношение к природе как к миру возвышенного, идеального, достойного подражания стало традиционным. В русле этой традиции пишет и Мишин» [Алто, 1997. С. 164].

В билингвальной лирике О. Мишина – А. Хийри взаимоотношения природы и человека раскрываются во всем возможном многообразии. Здесь человек – это и восхищенный созерцатель природы: «Порою летней каждый день, / меня в пути встречая, / она мне дарит плеск и звень / и клич гортанных чаек» [Мишин, 2004. С. 162]; это и трогательный ее заступник, воспринимающий природу как своего близкого друга, например, в стихотворении «Synkeän metsän takana» («За мрачным лесом»): «Kukaties mutkia elämäni / metsäkin ajatteli. / Se kun nyt huokaa vierelläni / kuin ystävä taikka veli» («Кто знает о поворотах в моей жизни / думает лес. / Он сейчас вздыхает рядом со мной / как друг или брат»); это и безразличный обыватель, живущий одним днем и жаждущий безгранично пользоваться ее дарами: «Я забита щепой и корой. / Я теку чертыхаясь. / Что вы, люди, творите со мной? / Я, река, задыхаюсь» [Там же. С. 310].

Мишин всем своим творчеством стремится достучаться до современного человека, пробудить в нем ответственность за свои поступки перед природой, перед будущими поколениями, перед тем миром, который достанется им в наследство.

Рьяным защитником родной природы, ее звонкоголосым певцом является и поэт-кареел А. Волков. Размышляя «о нравственном потенциале человека, он ставит ему в пример карельское озеро, которое сохраняет свою чистоту и красоту, радуется человека своей незамутненной первозданностью. Таким, по мнению поэта, и должен быть современник – чистым в помыслах, в служении вечным идеалам и чаяниям народа» [Чикина, 2011. С. 40–41].

Kai on vahnu, kai on uuzi,
Kai täs nagrau, rapou mukki.
Igiä vahnemat on kivet,
Allon nopiteltut, nuoltut,
Mustellah net aijat kibiet,
Suat da tuhandet kos kuoltih.
[Волков, 2000. С. 20–21]

Все неподдельно, вплоть до смеха,
Все первозданно и все – ново.
Седой валунник старше века,
Весь исцелованный волной,
Лихие судьбы человека
Его минули стороной.
[авторизованный перевод А. Волкова]

Другим часто повторяющимся символом родной природы в поэзии А. Волкова является звездное небо. Образ звезды в его творчестве – это и образ далекой любимой родины, куда всей душой стремится лирический герой его стихов: «Моя милая, бедная юность / Мне приснилась далекой звездой ...» [Волков, 2000. С. 72]; это и образ далекого, пока еще непредсказуемого будущего со своими надеждами и сомнениями: «Где Бог миллиарды звезд рассеял, / Через космическую тьму / Слова мои: «Москва», «Россия» – / Узнают братья по уму» [Там же. С. 77]; это и путеводная звезда, указывающая путь в жизни: «За это – молитва Богу, / Чтоб я не ушел в никуда, / Пока мне везет немного, / Пока над тропею звезда» [Там же. С. 86].

Образы озер и звезд, являющиеся символами малой родины, родительского дома, также характерны и для двуязычного творчества О. Мишина – А. Хийри. Но для него образ родины в большей степени связан с образом рябины – «святого дерева земли». Для Мишина святость воспоминаний об утраченной некогда родине – неоспорима. Эти красные ягоды

рябины – как огоньки, освещающие весь жизненный, да и творческий путь поэта.

Что здесь отыщу, за горами-отрогами,
На этих когда-то чужих берегах,
Святые рябины утраченной родины
И песни кукушек в березняках.
[Мишин, 2004. С. 206]

Любовью к родному дому, родному краю, близкому другу, природе, любовью к женщине наполнены стихи Мишина. Свою любовь он сравнивает с двумя соснами, которые «живут одной землей, одною высью». И если их разлучить, то «не выдержат их корни, оборвутся, и упадут они, и разобьются» [Мишин, 1978. С. 73].

Любовная лирика громко заявила о себе и в творчестве Н. Абрамова. Любовь к женщине так же, как и любовь к родине, помогает лирическому герою не потерять себя в этом мире, который у Абрамова безжалостен и безумен, возвращает «надежду и веру» в будущее.

Kuti keväs'kurged – sinun vaihed,
Kuti manzikaine – sinun muhu.
Saubas ukсед, korktad oma seinäd,
Sindai varastada – eile enamb väged.
[Абрамов, 2005. С. 10]

Губы твои – земляничная россыпь,
Голос твой – в небе весенний журавль.
Плачет душа, но чиста, как слеза...
Кто мое сердце возьмет на поруки?
[авторизованный перевод Н. Абрамова]

Любовь поэта – возвышенное, всепоглощающее, неистовое чувство; его любимая женщина – «ангел-хранитель», сошедший с небес «в безжалостный мир, на безумную, грустную землю». Благодаря любимой лирический герой начинает видеть окружающий его мир сквозь призму своего чувства, пытается отыскать в нем светлые краски.

В Карелии на сегодняшний день писателей и поэтов, пишущих на русском и родном национальном языке, не так уж и много. Хотя наличие трех поэтов-билингвов (а их в Карелии больше) говорит о том, что билингвальный контекст в литературе Карелии – это реалии сегодняшнего дня, которые необходимо изучать.

Русский язык имеет богатую литературную традицию. Большинство национальных писателей и поэтов Карелии, владеющих русским и родным национальным языком, выбирают русский язык как язык поэтического творчества на первоначальном этапе своего творческого становления, и позже, когда им удастся достигнуть определенного художественного мастерства, они начинают писать на своих родных

национальных языках, осознав долг перед своим народом в сохранении и развитии культуры и языка своих предков.

На первом этапе, как показывает материал нашей статьи, мы рассмотрели только тематический репертуар лириков и нашли, что его основной мотив – это любовь к Родине – большой России и малой родине, родине своих предков, говорящих на дорогом сердцу поэта наречии.

Сохранить и приумножить богатства родного края, культуры и языка, передать этот клад будущему поколению – основной мотив билингвального творчества национальных поэтов Карелии.

Kaikuččel – ičeze mägi,
Kaikuččel – ičeze koum...
Tähthaižen homencel nägen,
Dengoid vöi kormanäs om.
[Абрамов, 2005. С. 6]

Каждому – вера и слово,
Каждому – посох и путь.
Вспомни родных своих снова.
Дом и язык не забудь.
[авторизованный перевод Н. Абрамова]

Литература

Абашев В., Абашева М. Уральская словесность в культурном ландшафте: виды, перспективы, границы // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 369–375.

Абрамов Н. Поговорим, брат. Петрозаводск: Периодика, 2005. 107 с.

Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. СПб.: Наука, 1997. 244 с.

Волков А. Iguine tuli=Вечный огонь. Petrozavodsk: Периодика, 2000.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988.

Дюжев Ю. И. История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002а. 230 с.

References

Abashev V., Abasheva M. Ural'skaya slovesnost' v kul'turnom landshafte: vidy, perspektivy, granitsy [Ural literature in the cultural landscape: types, perspectives and boundaries]. *Voprosy literatury* [Literary issues]. 2014. No 1. P. 369–375

Abramov N. Pogovorim, brat [Let's have a talk, brother]. Petrozavodsk: Periodika, 2005. 107 p.

Alto E. L. Finnoyazychnaya literatura Karelii [Finnish literature of Karelia]. St. Petersburg: Nauka, 1997. 244 p.

Chikina N. V. Sovremennoe sostoyanie literatury na karel'skom yazyke [Modern state of Karelian literature]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2011. 120 p.

Дюжев Ю. И. История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002б. 240 с.

Дюжев Ю. И. История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века: в 2 т. Петрозаводск, 2008. Т. 2. 390 с.

Зайцева Н. Г. Вепсская литература 1990-х годов // История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. Т. 3. С. 420–432.

История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2000. Т. 3. 456 с.

История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. // Языки славянск. культуры. М., 2012. 608 с.

Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. СПб.: Наука, 1994. Т. 1. 239 с.

Карху Э. Г. Послесловие к «Истории литературы Карелии»: в 3-х томах // История литературы Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. Т. 3. С. 433–444.

Мишин А. Тревожность: стихи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 119 с.

Мишин О. Сквозь ливни и метели: стихи, поэмы, 1954–2004. Петрозаводск: Карелия, 2004. 487 с.

Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей / Мишин А. И. Общая характеристика; Маркова Е. И. Олег Мишин (Армас Хийри); Савкина И. Л. И. М. Петров (Тойво Вякя) (1901–1984) // История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. Т. 3. С. 361–388.

Чикина Н. В. Современное состояние литературы на карельском языке. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 120 с.

Шмидт В. История литературы с точки зрения нарратологии // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 157–174.

Hiiri A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976. 95 s.

Hiiri A. Inkeriläisen laulu: runoja, runoelma. Petroskoi: Verso, 1995. 127 s.

Hiiri A. Pihlajainen kotimaa: runoja, suomennoksia, muistelmia. Petroskoi: Periodika, 2008. 205 s.

Поступила в редакцию 25.03.2015

Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]. Moscow: Sov. pisatel', 1988.

Istoriya literatury Karelii v 3 t [The history of Karelian literature in 3 vols.]. Petrozavodsk: KRC of RAS, 2000. Vol. 3. 456 p.

Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v. [A history of Ural literature. Late 14th – 18th century]. *Yazyki slavyan. kul'tury* [Languages of Slavic Culture]. Moscow, 2012. 608 p.

Karkhu E. G. Karel'skii i ingermanlandskii fol'klor v istoricheskom osveshchenii [Karelian and Ingerman folklore in the historical perspective]. *Istoriya literatury Karelii* [The history of the literature of Karelia]. St. Petersburg: Nauka, 1994. Vol. 1. 239 p.

Karkhu E. G. Posleslovie k «Istorii literatury Karelii» v 3-kh tomakh [The epilogue to «The history of Karelian literature» in 3 vols.]. *Istoriya literatury Karelii* [The history of Karelian literature]. Petrozavodsk: KarRS of RAS, 2000. Vol. 3. P. 433–444.

Mishin A. Trevozhnost': stikhi [Anxiety: poems]. Petrozavodsk: Kareliya, 1978. 119 p.

Mishin O. Skvoz' livni i meteli: stikhi, poemy, 1954–2004 [Through rainfalls and snowstorms: verses and poems, 1954–2004]. Petrozavodsk: Kareliya, 2004. 487 p.

Opyt bilingvizma v tvorchestve karel'skikh pisatelei. *Mishin A. I.* Obshchaya kharakteristika; *Markova E. I.*

Oleg Mishin (Armas Khiiri); Savkina I. L. I. M. Petrov (Toivo Vyakhya) (1901–1984) [Bilingual experience in the works of Karelian writers. *Mishin A. I.* General characteristics; *Markova E. I.* Oleg Mishin (Armas Khiiri); *Savkina I. L. I. M. Petrov (Toivo Vyakhya) (1901–1984)*]. *Istoriya literatury Karelii v 3 t* [The history of Karelian literature in 3 vols.]. Petrozavodsk: KarRS of RAS, 2000. Vol. 3. P. 361–388.

Shmidt V. Istoriya literatury s tochki zreniya narratologii [History of literature from the narratological point of view]. *Voprosy literatury* [Literary issues]. 2012. No 5. P. 157–174.

Volkov A. Iguine tuli=Vechnyi ogon' [Eternal fire]. Petrozavodsk: Periodika, 2000.

Zaitseva N. G. Vepsskaya literatura 1990-kh godov [Vepsian literature of the 1990's]. *Istoriya literatury Karelii: v 3 t.* [The history of Karelian literature in 3 vols.]. Petrozavodsk: KarRS of RAS, 2000. Vol. 3. P. 420–432.

Hiiri A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976. 95 s.

Hiiri A. Inkeriläisen laulu: runoja, runoelma. Petroskoi: Verso, 1995. 127 s.

Hiiri A. Pihlajainen kotimaa: runoja, suomennoksia, muistelmia. Petroskoi: Periodika, 2008. 205 s.

Received March 25, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Казакова Мария Владимировна

преподаватель
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: mvk-2013@bk.ru
тел.: 89214595529

CONTRIBUTOR:

Kazakova, Maria

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: mvk-2013@bk.ru
tel.: 89214595529

УДК 94 (470)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ ПОСЛЕ ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ

Г. В. Сузи

Петрозаводский государственный университет

В статье рассматриваются изменения в управлении лесной промышленностью Советской Карелии в 1940–1941 годах. В 1930-е годы руководство республики утратило контроль над лесозаготовками на своей территории. Но после окончания Зимней войны в состав новообразованной Карело-Финской союзной республики вошли бывшие финские территории – Карельский перешеек и Северное Приладожье с крупными целлюлозно-бумажными и деревообрабатывающими предприятиями. Из-за появления новых потребителей древесины прежняя схема лесозаготовок должна была измениться. Руководство КФССР не допустило создания ведомственного «анклава» на новых территориях республики, когда бы союзные наркоматы – Наркомлес СССР и Наркомбумпром СССР – полностью контролировали и лесозаготовки, и переработку древесины внутри новых районов республики. Лидеры КФССР убедили центральные органы власти в том, что могут самостоятельно производить лесозаготовки на всей территории республики, и справились с этой задачей.

Ключевые слова: лесная промышленность; Карельский перешеек и Северное Приладожье; Зимняя война.

G. V. Suzi. REORGANIZATION OF TIMBER INDUSTRY IN THE SOVIET KARELIA AFTER THE WINTER WAR

The paper focuses on the changes in timber industry management in the Soviet Karelia in 1940–1941. In the 1930's the government of the republic lost control over logging. However, after the Winter War the former Finnish territories – the Karelian Isthmus and the Northern Ladoga region with several large pulp and paper mills and woodworking enterprises – were annexed to the newly formed Karelo-Finnish Union Republic. It resulted in the changes of the logging scheme and flows of raw wood. The governing body of the Karelo-Finnish SSR prevented the formation of a departmental “enclave” with union People’s Commissars – for timber and paper industries – entirely controlling logging and wood processing on the new territories. The leaders of the Karelo-Finnish SSR managed to persuade the central authorities in their ability to supply raw wood for the new factories and regained control over logging on the whole territory of the republic.

Keywords: timber industry; the Karelian Isthmus and Northern Ladoga region; the Winter War.

Лесная промышленность в Республике Карелия на протяжении всего XX века была основой экономического развития края. К началу века лесопиление давало 66,3 % стоимости всей ее промышленной продукции [История..., 2005. С. 129–130, 133]. После революции акцент на лесном комплексе экономики Советской Карелии стал еще сильнее, так как руководство страны нуждалось в экспорте леса для получения валюты, необходимой для закупки оборудования за рубежом.

Степень экономической и политической автономии республики в составе Советского Союза были взаимосвязаны. В частности, отношения центра и республики выражались в том, как была распределена ответственность за лесозаготовки и деревообработку. В 1920-е годы, во время расцвета экономической автономии Советской Карелии, республиканский трест «Кареллес» контролировал 85 % лесов и был крупнейшим лесозаготовителем на ее территории. Четверть доходов от экспорта древесины руководство республики могло оставлять себе для развития отрасли и закупки нового машинного оборудования [Autio, 1997. Р. 259].

Курс на ускоренную индустриализацию и усиление планового характера экономики на рубеже 1920–30-х годов привели к сужению прав республиканского руководства в управлении лесной промышленностью. Союзный центр в 1930 году взял под свой контроль все леса страны, к тому же лесозаготовительные организации и перерабатывающие заводы республики перешли под управление центральных, а не региональных органов власти. Для Советской Карелии это означало постепенную утрату прежних привилегий и подчинение ее экономики нуждам центра [Autio, 2002. Р. 77]. К концу 1930-х годов основной объем лесозаготовок на территории КАССР производили тресты Наркомлеса СССР: «Южкареллес» и «Севкареллес», а также Беломорско-Балтийский комбинат ГУЛАГа НКВД [Советская лесная экономика..., 2005. С. 360, 376, 384].

В то же время нежелание центральных властей Советского Союза вкладывать средства в развитие других отраслей промышленности республики усугубляло монокультурный характер ее экономики и зависимость от лесного комплекса [Килин, 2012а. С. 63, 74]. Как и на рубеже веков, в 1930-е годы Советская Карелия в основном поставляла необработанную древесину, так как для строительства деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных предприятий требовались средства, которые она могла получить лишь из союзного бюджета. В 1930-е годы Советская Карелия постепенно

превращалась в периферию и в географическом, и в ментальном смысле [Autio, 2002. Р. 85–86], став сырьевым придатком советской лесной экономики и не участвуя в ее управлении.

В данной статье рассматриваются изменения в управлении лесной отраслью промышленности Советской Карелии после окончания Зимней войны и преобразования Карельской автономной республики в Карело-Финскую союзную республику. Ставится вопрос о том, насколько успешными были попытки ее руководства вернуть себе контроль над лесозаготовками в республике в 1940–1941 гг., когда к КФСР перешли бывшие финские территории с многочисленными деревообрабатывающими и целлюлозно-бумажными комбинатами и фабриками.

Совместным постановлением «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФСР и Ленинградской области» от 28 мая 1940 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР передали Наркомлесу КФСР лишь 23 небольших лесозавода (1–3 рамы на каждом) на новых территориях республики. Более крупные лесозаводы (4–6 рам) и 8 крупнейших деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных комбинатов перешли в ведение Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности СССР и Наркомата лесной промышленности СССР [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1024, л. 86, 92, 94].

Это решение было обоснованным, так как молодая союзная республика не располагала ни материальными, ни людскими ресурсами для восстановления и пуска этих восьми предприятий. Общая стоимость работ по их восстановлению, возложенных на спецстроительство НКВД, составила около 160 млн руб. [Килин, 2002б. С. 139]. Весь бюджет Карело-Финской ССР, включая дополнительные дотации из центра на освоение новых территорий, в 1940 году равнялся 293 млн руб. [ГАРФ, ф. Р-6757, оп. 2, д. 59, л. 100]. Поэтому передача крупных промышленных объектов в ведение союзных наркоматов не вызвала сопротивления со стороны республиканского руководства.

Пуск восьми предприятий намечался в период с августа 1940 года по февраль 1941 года [Смирнова, 2006. С. 49], поэтому уже весной-летом встал вопрос о снабжении их сырьем. До 1940 года древесина на заводы Карельского перешейка и Северного Приладожья поставлялась частично из внутренних районов Финляндии, относящихся к бассейну Сайменской водной системы, частично из бассейна Ладожского озера. После установления новой государственной границы поставки сырья из внутренних районов Финляндии прекратились.

В то же время руководство СССР стремилось восстановить производство бумаги и целлюлозы на новых предприятиях в неизменном виде и достигнуть его довоенных показателей [Смирнова, 2006. С. 49], а для этого требовалось высококачественное сырье в прежнем объеме. Наркомлес СССР видел выход в увеличении объема лесозаготовок непосредственно на новых территориях, где находились комбинаты и фабрики – на Карельском перешейке и в Северном Приладожье. Постановлением Экономического Совета и Совета Народных Комиссаров СССР от 8 мая 1940 года были созданы два треста, подчинявшихся Наркомлесу СССР: «Выборглес» и «Сердобольлес». По подсчетам наркома лесной промышленности Н. М. Анцеловича, эти тресты должны были заготавливать до 5 млн кубометров древесины в год, чтобы полностью обеспечить нужды новых предприятий [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 24, д. 1357, л. 13].

С этим решением руководство КФССР не согласилось. Оно утверждало, что обеспечивать лесоперерабатывающие и целлюлозно-бумажные предприятия «новых районов» лишь за счет лесозаготовок на Карельском перешейке и в Северном Приладожье было невозможно. В долгосрочной перспективе их запасов хватило бы на удовлетворение всех нужд этих предприятий лишь на относительно короткий срок [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 24 а, д. 1979, л. 4]. Например, лесозапасы Карельского перешейка оценивались лишь в 50 млн кубометров древесины [РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 1534, л. 20].

До 1940 года лесозаготовки на Карельском перешейке и в Северном Приладожье не были сплошными и производились в разных местах. Все заводы и комбинаты были оборудованы подъездными железнодорожными путями, а некоторые из них, например заводы в Кексгольме и Питкяранте, имели к тому же и выход к Ладожскому озеру и могли снабжаться древесиной по воде [РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 696, л. 1]. Поэтому не было необходимости производить лесозаготовки в непосредственной близости от предприятий.

Руководство республики не только заботилось о сохранении лесов на новых территориях, но и стремилось усилить свой контроль над лесозаготовками на территории всей республики. Задачи, которые ставили перед собой СНК и ЦК КП (б) КФССР, можно сформулировать так:

1. Получить контроль над лесозаготовительными трестами Наркомлеса СССР: «Севкареллес», «Южкареллес» и лесоперерабатывающим трестом «Карелдрев», действовавшими в старых районах республики.

2. Добиться ликвидации треста «Выборглес», действовавшего на Карельском перешейке, и получить контроль над трестом «Сердобольлес», занимавшимся лесозаготовками в Северном Приладожье.

3. В перспективе уменьшить вырубку лесов в новых районах и обеспечить сырьем новые предприятия на Карельском перешейке и в Северном Приладожье за счет увеличения лесозаготовок в старых районах республики.

21 мая 1940 года первый секретарь ЦК КП (б) Г. Н. Куприянов, председатель СНК КАССР П. В. Соляков и другие руководители республики направили в Москву ходатайство о реорганизации Наркомата лесной промышленности КФССР [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 24 а, д. 1945, л. 4–5]. Они просили передать под контроль Наркомлеса КФССР тресты «Севкареллес», «Южкареллес» и «Карелдрев», а также разрешить организацию на новых территориях собственными силами трестов «Ладогалес» и «Ладогадрев».

Обоснование просьбы заключалось в том, что объединение лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности под управлением Наркомлеса КФССР ликвидирует чересполосицу, параллелизм в работе лесхозов и леспромхозов, подчиняющихся разным ведомствам, свяжет воедино процессы заготовки древесины и ее дальнейшей переработки. Мельком говорилось и о том, что это позволит вывозить за пределы республики больше готовой продукции и меньше сырой древесины [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 24 а, д. 1945, л. 17–18].

Несмотря на рисуемые карельской стороной выгоды и перспективы, правительство СССР и Экономический Совет отклонили все предложения по реорганизации управления лесной промышленностью Советской Карелии, заявив, что она имеет всесоюзное значение и должна управляться напрямую из Москвы [Веригин, 2000. С. 25–26]. По тем же причинам руководство страны не согласилось снизить нормы по вывозке древесины за пределы республики [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 24 а, д. 1945, л. 20].

Возможно, отказ был связан и с тем, что руководство республики не смогло убедительно аргументировать свою позицию и привести точные сведения об объеме имеющейся древесины, возможности ее заготовления и транспортировки. Такие просчеты с его стороны случались не в первый раз. Например, план капитальных работ по КФССР, представленный в августе 1940 года правительством КФССР в Совет Народных Комиссаров и Экономический Совет СССР, был отклонен именно по причине его слабой проработанности и отсутствия

детальных подсчетов [РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 691, л. 218–220].

В сентябре 1940 года руководство КФССР повторило свою попытку. На сей раз оно основательно подготовилось к диалогу с высшими органами власти страны по вопросу реорганизации управления лесной отраслью. Были выработаны конкретные предложения по пересмотру основных лесозаготовительных районов и намечены иные пути доставки древесины к перерабатывающим комбинатам и заводам в новых районах.

Аргументация вновь сводилась к тому, что запасы древесины на Карельском перешейке, в районе деятельности «Выборглеса», невелики, около 15 млн кубометров, поэтому его необходимо ликвидировать и сохранить только трест «Сердобольлес», сократив общее число лесхозов, работающих на новых территориях. Еще одним доводом была нерентабельность содержания многочисленного управленческого аппарата трестов, из-за чего возрастала себестоимость каждого кубометра заготавливаемого сырья [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 24 а, д. 1979, л. 3–6].

Общая потребность целлюлозно-бумажных предприятий и лесоперерабатывающих заводов на новых территориях оценивалась в 3270 тысяч кубометров древесины (еловых и сосновых балансов), 870 тыс. кубометров дров в год. Так как лишь часть сырья и дров – 1600–1800 тыс. куб. м – могла заготавливаться непосредственно в новых районах, то недостающая часть должна была доставляться на эти предприятия и заводы с нескольких направлений: водной поставкой из бассейнов Ладожского озера и канала им. Сталина через Свирь и Ладожское озеро, железнодорожной поставкой по дороге Петрозаводск–Суоярви–Выборг [РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 690 а, л. 19–22].

Еще одним поставщиком древесины на предприятия Карельского перешейка и Северного Приладожья должен был стать район населенного пункта Реболы и верховья реки Суны. Для того чтобы разгрузить Кировскую железную дорогу, лидеры Советской Карелии предложили построить новую железную дорогу Суоярви–Лендеры, которая позволяла бы напрямую доставлять сырье из намеченных районов, в обход основного пути Кировской железной дороги [РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 690 а, л. 23].

Эти доводы убедили центральные органы в том, что руководство республики в состоянии самостоятельно обеспечить древесиной крупные заводы и комбинаты на новых территориях. 22 октября 1940 года был ликвидирован трест «Выборглес», а управление трестами «Сердобольлес», «Южкареллес» и «Севкареллес»

передавалось Наркомлесу КФССР [Веригин, 2000. С. 26]. Лидеры республики добились своих целей, но брали на себя большую ответственность, так как от заготовки и доставки древесины зависело производство дефицитной целлюлозы и бумаги.

Руководство республики справилось с этой задачей. За второе полугодие 1940 года на новых территориях было заготовлено 350 тыс. куб. м древесины, при этом большая часть (246 тыс. кубометров) – за октябрь–декабрь [НАРК, ф. Р-2716, оп. 1, д. 13/92, л. 48], когда за заготовку уже отвечал Наркомлес КФССР.

Планы по варке целлюлозы на новых предприятиях за первое полугодие 1941 года были выполнены на 70 %, по выпуску древесной массы – на 101 %, по бумаге – на 102 %, по картону – на 75 % [РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 869, л. 12]. Недоработки объяснялись недостатком рабочей силы, в особенности ведущих квалификаций, недоброкачеством некоторых трофейных материалов, нарушениями сроков сдачи и ввода в действие объектов по вине подрядчиков [РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 869, л. 10]. Претензий со стороны Главкарелбумпрома к республиканским властям по поводу поставок древесины не было.

Трофейная древесина объемом более полумиллиона кубометров [РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 822, л. 42], оставшаяся еще от финнов, облегчила снабжение новых предприятий. К тому же до лета 1941 года предприятия все еще находились в стадии пуска [РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 869, л. 10], не работали на полную мощность и поэтому требовали меньшего количества сырья. Например, до своей остановки в конце июня 1941 года комбинат в Иоханнесе успел произвести за первую половину года 10,5 тысячи тонн целлюлозы [Народное хозяйство..., 1991. С. 82], перевыполняя план в январе–апреле ежемесячно в среднем на 17 % [Советская лесная экономика..., 2005. С. 383]. Однако, работая на полную мощность, этот завод должен был давать 40 тысяч тонн целлюлозы в год [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 69, л. 8].

Несмотря на «смягчающие» обстоятельства – наличие трофейной древесины и умеренные планы для новых предприятий – Наркомлес КФССР старался заготовить как можно больше древесины. С конца октября 1940 года он отвечал за лесозаготовки, прежде находившиеся в ведении Наркомлеса СССР. И республиканский наркомат справился с выполнением плановых заданий не хуже, а в чем-то и лучше, чем общесоюзный. Например, трест «Северолес» в составе Наркомлеса СССР заготовил за октябрь 106 тысяч кубометров деловой древесины, или 21,9 % от плана четвертого квартала [НАРК,

ф. Р-2716, оп. 1, д. 28/289, л. 21], а под управлением Наркомлеса КФССР за ноябрь–декабрь – 303 тысячи, или 62 % от общеквартильного плана [НАРК, ф. Р-2716, оп. 1, д. 13/92, л. 69].

Из-за появления новых крупных потребителей древесины на Карельском перешейке и в Северном Приладожье прежняя схема лесозаготовок изменилась не только в Советской Карелии, но и в Ленинградской области. Если прежде основным потребителем на Северо-Западе был Ленинградский промышленный узел, то теперь к нему добавились предприятия на бывших финских территориях. К 1942 году объем поставок для Ленинградского промышленного узла должен был составить 7,7 млн кубометров древесины, для предприятий на новых территориях КФССР – 5,3 млн кубометров [РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 1535, л. 40].

Институтом Гипролестранса была разработана генеральная схема промышленного освоения лесов КФССР, Ленинградской области и западной части Вологодской области с 1942 года. Она по-новому определяла границы лесозаготовительных районов, объемы лесозаготовок, пути транспортировки древесины и ее потребителей. Предложения СНК и ЦК ВКП (б) КФССР о снабжении древесиной новых предприятий за счет увеличения лесозаготовок в старых районах республики были детально рассмотрены и преимущественно поддержаны Наркомлесом СССР.

Основным лесозаготовителем в республике становился Наркомлес КФССР, который должен был дать в 1941 году 9,4 млн кубометров из общего объема заготовок по республике в 14,5 млн кубометров [Год..., 1941. С. 24]. Рубка леса должна была производиться в основном на старых территориях – в Ковдо-Керетском, Беломорском и Петрозаводском лесозаготовительных районах (совместно в 1942 году должны были заготовить более 9 млн кубометров) [РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 1535, л. 78] и в Ребольских лесных массивах. Новые предприятия должны были снабжаться древесиной частично за счет лесозаготовок непосредственно на Карельском перешейке и в Северном Приладожье (1,5 млн куб. м) [РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 1535, л. 14 об.], но большая часть (3,5–4 млн куб. м) должна была доставляться сплавом из бассейна Онежского озера по Свири и Ладожскому озеру или по Кировской железной дороге через Суоярви [РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 1535, л. 40].

Реализация новой схемы лесозаготовок была отложена из-за начала Великой Отечественной войны. Однако и после ее окончания руководству республики удалось сохранить за собой контроль над заготовкой древесины [НАРК,

ф. Р-2717, оп. 1, д. 31/277, л. 13], несмотря на то, что в 1945 году ее объем по сравнению с 1940 годом сократился примерно в 6 раз и составил лишь 1,78 млн кубометров [Макуров, 1979. С. 60]. Древесина из Советской Карелии продолжала поступать на предприятия Карельского перешейка и после его передачи в состав Ленинградской области в 1944 году [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 1097, л. 9, 19]. В 1949–1964 годах была построена Западно-Карельская железная дорога, которая связала Ребольские лесные массивы с Северным Приладожьем и Карельским перешейком, на чем власти республики настаивали еще в начале 1940-х годов.

На мой взгляд, лидеры Карело-Финской ССР, в первую очередь Г. Н. Куприянов, П. В. Соляков и П. С. Прокконен, в 1940–1941 годах не допустили создания ведомственного «анклава» на Карельском перешейке и в Северном Приладожье, когда бы союзные наркоматы Наркомлес и Наркомбумпром СССР полностью контролировали и лесозаготовки, и переработку древесины внутри новых районов республики. Из-за появления крупных потребителей древесины прежняя схема лесозаготовок и пути транспортировки древесины должны были пересматриваться. В новых условиях руководство республики смогло убедить центр в том, что может производить все лесозаготовки на территории КФССР и снабжать древесиной как новые районы, так и потребителей за пределами Советской Карелии.

Литература

Веригин С. Г. Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940–1941 гг. Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): матер. междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 6 июня 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 18–28.

Год творческого созидания: к первой годовщине образования Карело-Финской ССР: 31-III-1940–31-III-1941: сб. статей. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941. 62 с.

Государственный архив Российской Федерации (в тексте – ГАРФ).

История экономики Карелии. Кн. 1 / Ред. В. Г. Баданов, Н. А. Кораблев, Ю. А. Жуков. Петрозаводск: Петропресс, 2005. 191 с.

Килин Ю. М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012а. 143 с.

Килин Ю. М. Советская Карелия в 1939–1941 гг.: от автономии к союзной республике. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012б. 199 с.

Макуров В. Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период (1945–1955). Петрозаводск: Карелия, 1979. 78 с.

Народное хозяйство Карелии, 1926 г. – июнь 1941 г.: док. и материалы / Сост. Л. И. Вавулинская. Петрозаводск: Карелия, 1991. 238 с.

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НАРК).

Российский государственный архив социально-политической истории (в тексте – РГАСПИ).

Российский государственный архив экономики (в тексте – РГАЭ).

Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. 249 с.

References

God tvorcheskogo sozidanija: k pervoj godovshine obrazovanija Karelo-Finskoj SSR: 31-III-1940–31-III-1941 [A year of artistic creativity: the first anniversary of the Karelo-Finnish SSR: 31-III-1940–31-III-1941]: sb. statej. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Finskoj SSR, 1941. 62 p.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State archive of the Russian Federation] (in text – GARF).

Istorija jekonomiki Karelii [The history of Karelian economy]. B. 1. Eds.: V. G. Badanov, N. A. Korablev, Ju. A. Zhukov. Petrozavodsk: Petropress, 2005. 191 p.

Kilin Ju. M. Pograničnaja okraina velikoj derzhavy: Sovetskaja Karelija v 1923–1938 gg. [The periphery of the great power: Soviet Karelia in 1923–1938]. Petrozavodsk: PetrGU, 2012a. 143 p.

Kilin Ju. M. Sovetskaja Karelija v 1939–1941 gg.: ot avtonomii k sojuznoj respublike [Soviet Karelia in 1939–1941: from the autonomy to the union republic]. Petrozavodsk: PetrGU, 2012b. 199 p.

Makurov V. G. Razvitie lesnoj promyšlennosti Evropejskogo Severa SSSR v poslevoennyj period (1945–1955) [Development of timber industry in the European North of the USSR after the war (1945–1955)]. Petrozavodsk: Karelija, 1979. 78 p.

Narodnoe hozjajstvo Karelii, 1926 g. – ijun' 1941 g.: dok. i materialy [The economy of Karelia, 1926 – June 1941: doc. and materials]. Ed. L. I. Vavulinskaja. Petrozavodsk: Karelija, 1991. 238 p.

Nacional'nyj arhiv Respubliki Karelija [The National archive of the Republic of Karelia] (in text – NARK).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-političeskoj istorii [Russian state archive for social and political history] (in text – RGASPI).

Sovetskaja lesnaja ekonomika, Moskva-Sever, 1917–1941: sb. dok. i materialov / Сост.: В. Г. Макауров, А. Т. Филатова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. 441 с.

Autio S. Soviet Karelian Forests in the Planned Economy of the Soviet Union, 1928–1937 // Rise and Fall of Soviet Karelia. Helsinki: Kikimora Publications, 2002. P. 71–90

Autio S. Transition of Soviet Karelian forest economy from 1926 to 1932. Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. P. 258–269.

Поступила в редакцию 15.04.2015

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki [Russian state archive of the economy] (in text – RGAJe).

Смирнова Е. П. Zaselenie i osvoenie novyh rajonov Karelo-Finskoj SSSR v 1940-e gody [Settlement and development of the new regions of the Karelo-Finnish SSR in the 1940's]: diss. ... kand. ist. nauk [PhD Diss. (Hist.)]. Petrozavodsk, 2006. 249 p.

Sovetskaja lesnaja jekonomika, Moskva-Sever, 1917–1941 [Soviet forest economics, Moscow-North, 1917–1941]: sb. dok. i materialov. Eds. V. G. Makurov, A. T. Filatova. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2005. 441 p.

Verigin S. G. Obrazovanie Karelo-Finskoj SSR i osvoenie «novyh territorij» v 1940–1941 gg. Respublika Karelija: 80 let v sostave Rossijskoj Federacii (stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti) [Formation of the Karelo-Finnish SSR and development of the «new territories» in 1940–1941. The Republic of Karelia: 80 years in the Russian Federation (establishment and evolution of state system)]: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., (Petrozavodsk, 6 ijunja 2000 g.). Petrozavodsk, 2000. P. 18–28.

Autio S. Soviet Karelian Forests in the Planned Economy of the Soviet Union, 1928–1937. *Rise and Fall of Soviet Karelia*. Helsinki: Kikimora Publications, 2002. P. 71–90

Autio S. Transition of Soviet Karelian forest economy from 1926 to 1932. Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики [Russia and Finland in the 20th century. To the 80th anniversary of the Finnish independence]. St. Petersburg, 1997. P. 258–269.

Received April 15, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сузи Григорий Валерьевич

соискатель

Петрозаводский государственный университет,
пр. Ленина, 33, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: grigory.suzi@gmail.com
тел.: 89535495055

CONTRIBUTOR:

Suzi, Grigory

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: grigory.suzi@gmail.com
tel.: 89535495055

ХРОНИКА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ» (к юбилею Игоря Николаевича Черных)

Ежегодный Тверской научно-методический семинар «Тверская земля и сопредельные территории в древности» за два десятилетия своего существования сформировался в оригинальное и в ряде смыслов даже уникальное научное и общественное явление, значимое как в российском, так и в международном масштабе. Поэтому кажется уместной попытка охарактеризовать черты, выделяющие семинар на фоне других схожих мероприятий. Представленный анализ основывается в первую очередь на собственных наблюдениях автора, которому выпало счастье участвовать в большинстве заседаний семинара, упустив лишь несколько первых лет. В то же время феномен Тверского семинара неоднократно обсуждался за эти годы со многими постоянными участниками, и, надеюсь, изложенные ниже соображения разделяются большинством из них.

Решение о проведении семинара было принято в 1993 г. на I Тверской археологической конференции. С тех пор семинар проводится ежегодно на базе Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ). Раз в пять лет проводятся Тверские археологические конференции, в рамках которых работает секция, представляющая традиционную проблематику семинара и в значительной степени сформированная его постоянными участниками.

Первоначально основу участников семинара составили специалисты по археологии каменного века из научных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, ведущие полевые исследования на территории Тверской области. С первых же заседаний в нем участвовали и археологи из разных регионов Европейской части России. В первые годы оформился круг обсуждаемых тем, связанных в первую очередь с археологией мезолита–неолита лесной полосы Восточной Европы. Семинар сразу стал научной площадкой, нацеленной на обсуждение не вопросов региональной археологии, а проблем, связанных с изучением каменного века определенной географической зоны после завершения оледенения.

Вскоре география, представляемая участниками семинара, расширилась до Забайкалья и Приморья на востоке и Белоруссии и Литвы на западе. Сохранение первоначального названия при таком охвате неоднократно вызывало иронические замечания и, очевидно, требовало осмысления. Основная тема V Тверской международной археологической конференции (март 2013 г.) была сформулирована как «Тверская земля и сопредельные территории

от палеолита до Новейшего времени. «Со-предельность территорий» в археологическом аспекте».

Территориальный охват исследований, представляемых на семинаре, в целом соответствует лесной полосе Евразии. Вероятно, прежде всего природно-климатические факторы обусловили определенное сходство и синхронность социально-культурных процессов на этих территориях после завершения ледникового периода, наиболее отчетливо проявившиеся в возникновении феномена лесного неолита. Очевидно и существование региональных и субрегиональных культурных различий в пределах лесной полосы, которые могли формироваться под влиянием как экологических, так и социальных факторов. Анализ результатов археологических исследований сопредельных территорий, обладающих собственной культурной спецификой, дает возможность выявить как общие, так и локально-специфические тенденции культурного развития и оценить влияние на него различных социальных и природных факторов.

Обсуждение проблематики голоценового каменного века лесной полосы Евразии привлекает и исследователей, чьи интересы связаны как с более ранними (верхний и финальный палеолит), так и с более поздними (энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век) периодами, а также с изучением примыкающих географических зон – тундры и лесостепи. Основной состав представлен археологами, но постоянными участниками являются также специалисты по естественным наукам – геологи, географы, палеозоологи, минералоги, специалисты по радиоуглеродному датированию. Ежегодно в течение четырех дней заслушиваются более пятидесяти устных докладов и сообщений, проводится обсуждение стендовых докладов. Число участников обычно приближается к семидесяти.

В соответствии с заявленным форматом мероприятия (семинар подразумевает подробное обсуждение представляемых докладов) дискуссия является важнейшей его составляющей. В программе Тверского семинара вопросы и обсуждение каждого выступления предусмотрены регламентом. Конечно, далеко не все доклады могут вызвать бурное обсуждение. Негласной, но неукоснительно соблюдаемой обязанностью председателя заседания, членов оргкомитета и постоянных участников является формирование дискуссии, выступление с вопросами и суждениями по поводу заслушанных выступлений. Даже наименее проблемные доклады имеют методические аспекты,

обсуждение которых предполагается названием семинара. Короткие выступления после каждого доклада позволяют выявить наиболее дискуссионные вопросы, обсуждение которых продолжается в конце заседания.

Возникновению и развитию дискуссии благоприятствует и весьма демократическая атмосфера семинара. Выступления оппонентов часто достигают высокой степени бескомпромиссности и эмоционального накала, невзирая на порой существенные различия в степенях и званиях. Таковы правила, и они принимаются всеми участниками. Возможно, изначально дискуссионный характер семинару придавало соперничество представителей двух основных археологических школ страны – ленинградской-петербургской и московской – расходившихся долгие годы в понимании многих проблем археологии, в том числе археологии мезолита-неолита. Расхождения на уровне региональных школ теперь уже в прошлом, и не в последнюю очередь благодаря Тверскому семинару.

За годы заседаний его участниками, представляющими учреждения и научные школы из разных регионов России, было выработано общее понимание многих проблем современных археологических исследований. Острота дискуссий не снизилась, но на базе семинара возникло научное сообщество, объединенное близкими исследовательскими интересами и общей понятийно-методологической платформой для изучения проблематики голоценового каменного века лесной полосы Евразии. Участниками этого сообщества из разных регионов и научных институтов России, а также из ряда зарубежных исследовательских центров, благодаря установившимся контактам с высокой эффективностью реализуется множество научных проектов.

Во многом благодаря научному руководителю семинара д. и. н. Л. В. Кольцову вопросы изучения собственно мезолита как отдельного периода доистории стали важной частью обсуждаемых тем. По наблюдению постоянного участника семинара к. и. н. А. В. Волокитина, еще в конце прошлого века эпоха мезолита, как правило, была объектом изучения специалистов по смежным эпохам – палеолиту и неолиту. Тверской семинар, по-видимому, стал одним из главных факторов, способствовавших в нашей стране формированию современной проблематики исследований мезолита и появлению исследователей, специализирующихся на его изучении.

Среди ключевых тем, обсуждавшихся на семинаре за последние годы, можно назвать

развитие систем жизнеобеспечения и коммуникаций древних человеческих сообществ, мобильность доисторических коллективов, значение экзотических предметов и импортов для моделирования социокультурных процессов прошлого, пути и время распространения керамики и производящего хозяйства, в целом переосмысление феномена неолитизации. Велик интерес участников к экспериментальной археологии, направленной на моделирование древних технологий.

Раз в два года ТГОМ выпускает Тверской археологический сборник, содержащий материалы заседаний двух семинаров или конференции и семинара. К настоящему времени издано 10 выпусков – объемных изданий, являющихся настольными книгами любого российского специалиста по мезолиту и неолиту. В сборниках представлены статьи по всем наиболее актуальным современным проблемам изучения голоценового каменного века. Опубликованы многие опорные археологические комплексы. Изложены получившие широкое признание методики анализа различных археологических и геоархеологических источников.

Огромное значение имеет образовательно-воспитательная роль Тверского семинара. На заседаниях всегда присутствуют студенты и аспиранты, доклады молодых исследователей получают полноценную и порой довольно жесткую критику. Но такое обсуждение, как и возможность наблюдать критическое обсуждение докладов авторитетных коллег, общую дискуссию, вычленяющую наиболее актуальные проблемы науки, прекрасно мотивирует стремление к научному росту. Многие из тех, кто впервые попал на семинар выпускником института

или университета, сейчас являются авторитетными учеными, занимают ответственные должности в различных научных учреждениях.

Значимость Тверского семинара уже давно вышла за пределы собственно российской археологии – очевидно, обсуждаемые проблемы важны не только для российских специалистов. Практически с первых лет работы семинара в нем регулярно принимают участие ученые из ряда стран Восточной, Северной и Центральной Европы. Единственным сдерживающим фактором для расширения международного участия является использование русского языка в качестве рабочего. Может быть, несколько преждевременно давать формальные оценки феномену Тверского семинара, однако представляется, что по многим проявлениям это не что иное, как становление новой научной школы.

В этом году отмечался юбилей председателя оргкомитета семинара Игоря Николаевича Черных, кандидата исторических наук, заместителя директора ТГОМ по научной работе, заслуженного работника культуры РФ. Успешная работа семинара в огромной степени является личной заслугой юбиляра. И. Н. Черных составляет программу заседаний и осуществляет научное редактирование Тверских археологических сборников. Его усилиями обеспечивается безупречная логистика мероприятия, в том числе возможность участия многих молодых археологов. Но главное – в первую очередь юбиляром была создана особая атмосфера, сделавшая Тверской семинар чем-то большим, нежели просто ежегодное научное мероприятие.

Д. В. Герасимов

ЮБИЛЕИ И ДАТЫ

*К юбилею Карельского научного центра РАН
К юбилею Института языка, литературы
и истории КарНЦ РАН*

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ВЛАСОВА (к 90-летию со дня рождения)

1 октября 2015 г. исполняется 90 лет со дня рождения Марии Николаевны Власовой (1925–2008), ученого, общественного деятеля, возглавлявшей в течение почти 24 лет Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

М. Власова родилась в Олонце в семье служащего. В 1933 году семья переехала в Петрозаводск, где Мария Николаевна поступила в первый класс 13-й средней школы. С началом Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., она эвакуировалась вместе с матерью в с. Лопатки Челябинской (ныне Курганской) области, где в 1943 г. окончила среднюю школу.

В том же году Мария Николаевна поступает на исторический факультет Московского государственного университета, окончив который с отличием в 1948 г., была рекомендована в аспирантуру по специальности «новая история». Но, желая заниматься историей Карелии, Мария Николаевна приехала в Петрозаводск и в сентябре 1948 г. поступила на работу в Институт языка, литературы и истории Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР младшим научным сотрудником. Одновременно ее приняли в аспирантуру с командированием к Ленинградскому отделению Института истории АН СССР. Приемные экзамены в аспирантуру Мария Николаевна сдала на «отлично», о чем свидетельствует протокол от 16 ноября 1948 г., подписанный председателем

приемной комиссии, в то время директором ИЯЛИ КФ базы АН СССР Д. В. Бубрихом.

Избранная тема исследования потребовала от аспирантки свободного владения финским языком, и Мария Николаевна взялась за его изучение. Однако для осуществления этой задачи времени оказалось недостаточно, и по просьбе Марии Николаевны, поддержанной ее научным руководителем, доктором исторических наук А. В. Предтеченским, срок обучения в аспирантуре был продлен на 6 месяцев. В 1952 г. М. Н. Власова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Рабочий класс Финляндии в первой русской революции (1905–1907 гг.)», в которой освещены события, развернувшиеся в Финляндии под непосредственным воздействием первой русской революции, и работа социал-демократической партии страны.

Вся трудовая деятельность Марии Николаевны связана с Карельским филиалом АН СССР (позднее – Карельским научным центром РАН). После окончания аспирантуры с мая 1952 г. она работала в должности младшего научного сотрудника сектора истории, ученого секретаря Президиума Карельского филиала АН СССР (1952–1957) и Института языка, литературы и истории (1958–1962), с 1962 г. – зав. сектором истории, а с марта 1965 г. до выхода на пенсию в 1988 году являлась директором Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, установив своего рода рекорд директорского долголетия.

Мария Николаевна – автор более 80 научных работ. Она занималась изучением проблем финляндского рабочего движения в первые годы XX века, в результате чего был опубликован ряд статей, а в 1961 г. – монография «Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905–1907)» – первый обобщающий труд по данной проблеме, построенный на солидной источниковедческой основе. Работавший в то время доцентом Петрозаводского государственного университета (впоследствии – профессор) И. И. Кяйвяряйнен так отозвался о научном труде М. Н. Власовой: «Следует признать, что среди популярных и пропагандистских книг, посвященных революции 1905–1907 гг. в Финляндии, труд М. Власовой, вслед за сочинением Коллонтай, носит характер подлинно научного, квалифицированно выполненного исследования». В 1965 г. Марии Николаевне было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «история СССР».

Внимание исследователя привлекли также проблемы истории Карелии начала XX века

и советской Карелии 1920–30-х годов, которым посвящен ряд статей и две главы в первом обобщающем двухтомном труде по истории нашего края – «Очерках истории Карелии» («Карелия в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)» и 1–3 параграфы главы «Советская Карелия в годы борьбы за создание фундамента социалистической экономики СССР (1926–1932)»). Мария Николаевна приняла участие в подготовке «Очерков истории Карельской организации КПСС» (глава 5 «Борьба Карельской партийной организации за социалистическую индустриализацию и подготовку коллективизации (1926–1928 гг.)»), была одним из составителей сборника воспоминаний участников гражданской войны в Карелии («За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне». Петрозаводск, 1963), научным редактором ряда работ по истории Карелии и Финляндии. Она состояла членом специализированного совета Петрозаводского государственного университета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук.

Как директор института М. Власова приложила много сил и энергии для развития советско-финляндских научных связей. С 1970 г. она являлась членом, а с 1976 по 1987 годы – сопредседателем советско-финляндской рабочей группы по научному сотрудничеству в области истории, избиралась членом Национального комитета историков СССР и Советского комитета финно-угроведов. М. Власова активно участвовала в организации и работе советско-финляндских симпозиумов историков, выступала с докладами на всесоюзных конференциях скандинавистов, международных конгрессах финно-угроведов. Научная и научно-организационная работа М. Н. Власовой, ее высокий профессионализм получили заслуженное признание не только у нас в стране, но и за рубежом. В 1974 г. она была избрана иностранным членом-корреспондентом Общества финской литературы, а в 1984 г. – членом-корреспондентом Исторического общества Финляндии.

Много сил и внимания Мария Николаевна уделяла подготовке молодых научных кадров. В годы ее руководства институт пополнился высококвалифицированными специалистами в области языкознания, литературы, археологии, этнографии и истории.

Успешную научную и научно-организационную работу Мария Николаевна сочетала с активной общественной деятельностью. С 1955 по 1959 годы она являлась депутатом и зам. председателя Верховного Совета КФССР (КАССР) 4-го созыва, с 1966 по 1970 годы – депутатом

Верховного Совета СССР 7-го созыва и членом постоянной комиссии Совета Национальностей по народному образованию, науке и культуре, членом Парламентской группы СССР. В 1968–1969 годах принимала участие в работе Межпарламентского Союза в составе делегаций Парламентской группы СССР в Дакаре (Сенегал) и Вене (Австрия).

М. Власова избиралась членом партбюро и зам. секретаря партбюро филиала АН СССР, членом Петрозаводского городского комитета комсомола, ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР (затем – Карельского обкома комсомола), Петрозаводского горкома партии, членом Карельского областного комитета КПСС (с 1971 по 1979 гг.), являлась делегатом 24-го съезда КПСС с правом решающего голоса, активно работала в качестве нештатного лектора Карельского обкома партии. В 1954–1955 гг. являлась членом республиканского комитета профсоюза работников культуры КФСР.

В течение 18 лет Мария Николаевна принимала участие в работе правления Карельского отделения Общества «СССР-Финляндия», с 1975 по 1988 годы возглавляла Карельский комитет защиты мира, являлась членом республиканского совета по работе среди женщин,

членом правления Республиканского общества по распространению политических и научных знаний. Много времени уделяла популяризации исторических знаний в общественно-политических журналах республики «Север» и «Пуналиппу», в республиканских и местных газетах, по радио и телевидению, в лекционной пропаганде.

Какие бы высокие посты ни занимала Мария Николаевна, она всегда оставалась самой собой: простой в общении, душевной и доброжелательной, внимательной к нуждам и заботам коллег.

За многолетнюю плодотворную научную и общественную деятельность М. Н. Власова была награждена орденами «Знак Почета» (1966) и Дружбы народов (1975), медалями «За доблестный труд», «Борцу за мир», «Ветеран труда», почетными грамотами разных уровней. Она удостоена почетного звания заслуженного деятеля науки Карельской АССР (1980 г.). В 1987 г. решением Петрозаводского городского Совета за особые заслуги перед городом в области развития науки Марии Николаевне присвоено звание «Почетный гражданин города Петрозаводска».

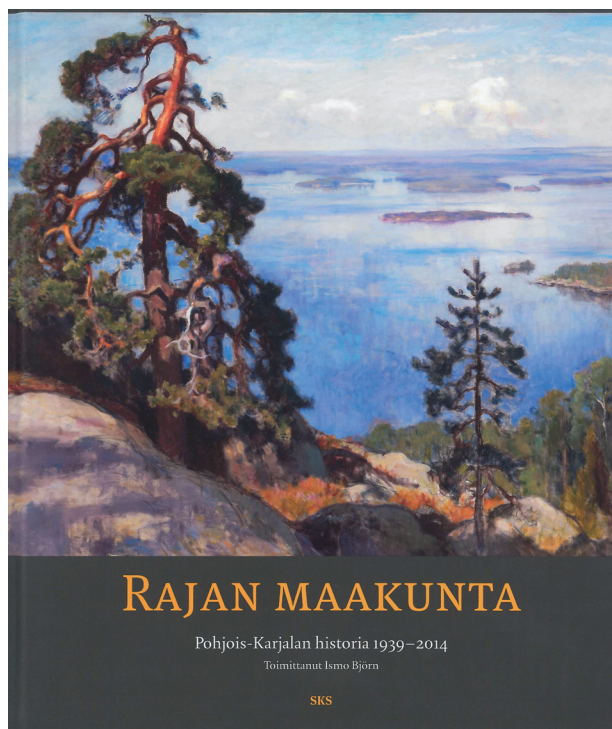
Л. И. Вавулинская

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Rajan maakunta. Pohjois-Karjalan historia 1939–2014. Ismo Björn (Toim.). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. 458 s. (Пограничная провинция. История провинции Северная Карелия 1939–2014. Редактор Исмо Бьерн. Хельсинки: Финское Литературное общество, 2014. 458 с.)

Изданная в Финляндии осенью 2014 года книга «Пограничная провинция» является пятой в серии трудов, посвященных истории финской провинции Северная Карелия. В ней представлена история развития этого региона за последние 75 лет. Начиная эту серию профессор Хейкки Киркинен, второй и третий том написал известный в Финляндии исследователь карельского народа Вейо Салохеймо, а четвертый том явился плодом коллективного труда под общей редакцией доктора философии Киммо Катаяла. В аннотации последней книги указывается, что «Северная Карелия являлась границей как в буквальном, так и в переносном смысле: она находилась на границе с востоком и на границе с южной, промышленной Финляндией». Не удивительно, что «развитие провинции происходило более непредсказуемо и изменения здесь были более резкими, чем в других регионах Финляндии».

Как и четвертый том по истории Северной Карелии, книга «Пограничная провинция» также написана коллективом авторов. Следует отметить, что их подбор был достаточно продуман. Основные авторы книги, несомненно, являются не просто специалистами в своих областях, но и знатоками региона, поскольку живут и работают именно в Северной Карелии. Например, профессор университета Восточной Финляндии Тапио Хямюнен хорошо известен своими трудами по демографии Финской Карелии и миграциям карельского населения, ректор этого же университета Пертту Вартиайнен является крупнейшим специалистом в области общественной географии региона,

а доктор философии, доцент Паси Туунайнен давно заслужил репутацию лучшего знатока истории Зимней войны не только в Финляндии, но и за рубежом.

Поскольку большинство российских читателей, проявляющих интерес к описываемому региону, вряд ли смогут прочесть эту книгу на финском языке, есть смысл остановиться более подробно на ее содержании. Книга состоит из введения и пяти частей. Введение написал редактор книги, доктор философии Исмо Бьерн, известный в финских исторических кругах своими исследованиями по истории лесного хозяйства. Текст введения отличает особый стиль, присущий этому автору и способный увлечь любого читателя.

Первая часть книги озаглавлена «Пограничная провинция и люди». Как видно из заголовка,

здесь делается акцент на роль границы в жизни провинции. В первой главе этой части читатель знакомится с событиями, происходившими в регионе во время Зимней войны и так называемой «войны-продолжения» 1941–1944 годов. Затем следует описание жизни финского карельского приграничья в соседстве с Советской и позднее Российской Карелией. Следующая глава вновь возвращает читателя к периоду войны и послевоенному периоду, дает представление об эвакуационных процессах, во время которых тысячи финнов были переселены в Северную Карелию из аннексированных Советским Союзом территорий. Особый упор здесь делается на анализ ассимиляции этого населения в новых условиях проживания и влиянии эмигрантов на дальнейшее развитие провинции. Глава, посвященная демографии и занятиям населения, содержит большое количество статистических данных по этим вопросам. В заключении первой части дается краткое описание развития населенных пунктов исследуемой территории.

Вторая часть называется «Провинция сельского и лесного хозяйства», и открывается она главой о развитии лесной промышленности в регионе, написанной Исмо Бьерном. Для российского читателя особенно любопытными в этой главе могут быть сведения о торговле древесиной с Советским Союзом и впоследствии с Россией. История послевоенного развития сельского хозяйства Северной Карелии, основанного прежде всего на животноводстве и производстве молока, представлена во второй главе. Завершает вторую часть книги анализ изменений, происшедших в сельском обществе региона. Здесь описывается бурный рост небольших поселений, связанный с развитием лесной промышленности, и их трагическое исчезновение после того, как на смену человеку пришла высокопродуктивная техника. Довершило опустошение сельской местности вступление Финляндии в Европейский Союз, повлекшее за собой гибель небольших по размеру ферм и земельных хозяйств.

Третья часть книги озаглавлена «Экономическая жизнь и региональное развитие». Согласно названию, в ней представлена общая картина развития промышленности в регионе, включающая описания некоторых предприятий и фирм, сыгравших ключевую роль в экономике Северной Карелии. Вторая глава этой части содержит информацию об изменениях в региональной политике провинции, в частности, о возрастающей роли «столицы» региона, города Йозенсуу. Третья часть книги является самой короткой, и, очевидно, для придания ей некото-

рого объема здесь помещены восемь страниц с изображениями вымпелов различных поселений провинции, не несущими практически никакой информации.

Четвертая часть – «Построение государства всеобщего благосостояния и перемены» – состоит из трех глав. В первой рассматриваются изменения в сфере образования. Читатель узнает о переменах, происходивших в системе школьного образования, например, о распространении и последующем исчезновении народных школ. Затем следует анализ развития системы профессионального обучения в регионе, а в заключение приводятся краткие сведения о возникновении и становлении высшей школы в г. Йозенсуу. Во второй главе этой части книги дается описание изменений, происшедших в исследуемый период в социальной политике провинции. Завершает же четвертую часть глава, посвященная анализу ресурсов рабочей силы и трудовой занятости населения в селах и городах провинции.

Последняя, пятая часть книги знакомит читателя с культурной и спортивной жизнью Северной Карелии, а также с современным состоянием лютеранской церкви в провинции. В частности, здесь исследуется процесс формирования «культурной идентичности» региона, обретавшей свои специфические черты на «границе между культурами пластика и бересты». Особое место в современной культурной жизни провинции занимала и занимает популярная музыка, берущая свое начало из народных музыкальных традиций. По мнению автора главы о музыкальной жизни, влияние карельских традиций, приграничное положение и стремление завоевать свое место в музыкальном мире привели к формированию «забавной и даже экзотической музыкальной провинции». Спортивная жизнь в регионе освещена кратко, но краткость не умаляет содержательности этой главы. Завершает пятую часть и всю книгу глава о лютеранской церкви в Северной Карелии. Кроме официальной церкви этот регион известен деятельностью религиозных течений, имеющих место внутри лютеранской церкви, так называемых «движений пробуждения», таких, например, как лестадинство. Автор главы вкратце останавливается и на их характеристиках.

Наряду с известными и авторитетными исследователями в написании книги участвовали и молодые представители научного мира Северной Карелии, а также люди, не связанные с наукой, что наложило на книгу свой отпечаток. Разный содержательный и стилистический уровень текстов дает ощущение «разношерст-

ности» и некой разобщенности картины. С другой стороны, это практически всегда неизбежно, когда речь идет о результатах коллективно-го труда.

Вообще, издания подобного рода, как правило, не могут удовлетворить ожиданий всех и каждого. Всегда найдется читатель, которого интересует какая-то определенная тема и который считает, что именно эта тема освещена недостаточно. В данной книге, например, почти отсутствует анализ современной роли государства в жизни провинции. Любители изобразительного искусства не найдут в ней никаких сведений о состоянии дел в этой сфере в регионе, хотя Северная Карелия сыграла большую роль в развитии финской живописи. Вызывает недоумение и отсутствие внимания составителей книги к жизни православной церкви в этой самой «православной» провинции Финляндии. Православие, правда, упоминается в разделе, посвященном эвакуации населения из аннексированных территорий, но этого явно недостаточно.

Обращает на себя внимание и практически полное отсутствие анализа современных связей с Россией. В последние годы Россия, и Республика Карелия в частности, оказывает очень сильное влияние как на экономику, так и на культурную жизнь провинции, однако авторы книги либо вовсе не упоминают об этом, либо ограничиваются лишь двумя-тремя фразами в конце своих глав. Российские туристы, наводнявшие регион в последние годы и приносявшие миллионы в бюджет государства и отдельных предпринимателей, практически не видны на страницах этого издания.

Этим недостаткам, очевидно, не следует придавать особого значения, поскольку подобного рода «многоплановые» труды нередко содержат определенные лакуны в содержании. Тем не менее их составители должны учитывать и стараться освещать по крайней мере основные факторы, влияющие на жизнь и развитие региона. В целом книга оставляет впечатление «лоскутного одеяла», узор которого сшивался хоть и из ярких лоскутов, но без четкого плана. Принципы, по которым формировались отдельные части книги, не совсем понятны и не поддаются логическому обоснованию. Впрочем, если учесть, для кого создавался этот труд, то

не следует быть особенно критичным. Книга не претендует на роль крупного научного труда, хотя и может быть полезна исследователям, заинтересованным этим регионом. Скорее она предназначена для неискушенных читателей, обычных жителей Северной Карелии. Их даже трудно назвать читателями, поскольку они, как правило, ищут в книгах подобного рода лишь знакомые имена и рассматривают фотографии знакомых мест. В этом смысле книга, несомненно, может быть интересной, поскольку в ней представлен обширный поисковый каталог имен и мест, а также имеется большое количество фотографий.

Книга представила бы определенный интерес и для российского читателя, будь она переведена на русский язык. Северная Карелия и ее «столица» город Йоэнсуу пользуются большой популярностью среди жителей российской Карелии, однако сведений о ней на русском языке явно недостаточно. Тысячи туристов, например, фотографировались в объятиях бронзового волка, сидящего на скамейке в центре Йоэнсуу. Однако вряд ли многим из них известно, что волк этот появился не просто так, а является символом региона, и границу, проходящую между двумя Карелиями, часто называют в Финляндии «волчьей границей». Как пишет редактор книги Исмо Бьерн в своем вступлении, в этом названии виден намек на идентичность населения провинции, в нем отразились «окраинное положение и природа» этого края. Как поэтично отмечает автор, когда говорят о «волчьей границе», то подразумевают «неиспорченность, волчью свободу и дикую жизнь в местах, до которых не доходит свет уличных фонарей». И хотя в последнее время редко найдется в Северной Карелии такое место, здесь до сих пор можно найти следы той изначальной культуры, которые во многих других местах Финляндии уже исчезли под влиянием глобальной урбанизации и европеизации.

Российскому читателю остается только надеяться, что хотя бы основные сведения, опубликованные на страницах книги «Пограничная провинция», будут переведены или использованы в туристических буклетах и других информационных изданиях, также предназначенных для туристов.

Ю. Г. Шикалов

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(требования к работам, представляемым к публикации
в «Трудах Карельского научного центра Российской академии наук», с 2015 г.)

«Труды Карельского научного центра Российской академии наук» (далее – Труды КарНЦ РАН) публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной науки: теоретические и обзорные статьи, сообщения, материалы о научных мероприятиях (симпозиумах, конференциях и др.), персоналии (юбилеи и даты, потери науки), статьи по истории науки. Представляемые работы должны содержать новые, ранее не публиковавшиеся данные.

Статьи проходят обязательное рецензирование. Решение о публикации принимается редакционной коллегией серии или тематического выпуска Трудов КарНЦ РАН после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Редколлегия серий и отдельных выпусков Трудов КарНЦ РАН оставляет за собой право возвращать без регистрации рукописи, не отвечающие настоящим правилам.

При получении редакцией рукопись регистрируется (в случае выполнения авторами основных правил её оформления) и направляется на отзыв рецензентам. Отзыв состоит из ответов на типовые вопросы анкеты и может содержать дополнительные расширенные комментарии. Кроме того, рецензент может вносить замечания и правки в текст рукописи. Авторам высылаются электронная версия анкеты и комментарии рецензентов. Доработанный экземпляр автор должен вернуть в редакцию вместе с первоначальным экземпляром и ответом на все вопросы рецензента не позднее чем через месяц после получения рецензии. Перед опубликованием авторам высылаются распечатанная версия статьи, которая вычитывается, подписывается авторами и возвращается в редакцию.

Журнал имеет полноценную электронную версию на базе Open Journal System (OJS), позволяющую перевести предоставление и редактирование рукописи, общение автора с редколлегиями серий и рецензентами в электронный формат и обеспечивающую прозрачность процесса рецензирования при сохранении анонимности рецензентов (<http://journals.krc.karelia.ru/>).

Редакционный совет журнала «Труды Карельского научного центра РАН» (Труды КарНЦ РАН) определил для себя в качестве одного из приоритетов полную открытость издания. Это означает, что пользователям на условиях свободного доступа разрешается: читать, скачивать, копировать, распространять, печатать, искать или находить полные тексты статей журнала по ссылке без предварительного разрешения от издателя и автора. Учредители журнала берут на себя все расходы по редакционно-издательской подготовке статей и их опубликованию.

Содержание номеров Трудов КарНЦ РАН, аннотации и полнотекстовые электронные варианты статей, а также другая полезная информация, включая настоящие Правила, доступны на сайтах – <http://transactions.krc.karelia.ru>; <http://journals.krc.karelia.ru>

Почтовый адрес редакции: 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11, КарНЦ РАН, редакция Трудов КарНЦ РАН. Телефон: (8142) 762018.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Статьи публикуются на русском или английском языке. Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Объём рукописи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам, рисунки) не должен превышать: для обзорных статей – 30 страниц, для оригинальных – 25, для сообщений – 15, для хроники и рецензий – 5–6. Объём рисунков не должен превышать 1/4 объёма статьи. Рукописи большего объёма (в исключительных случаях) принимаются при достаточном обосновании по согласованию с ответственным редактором.

При оформлении рукописи применяется полуторный межстрочный интервал, шрифт Times New Roman, кегль 12, выравнивание по обоим краям. Размер полей страницы – 2,5 см со всех сторон. Все страницы, включая список литературы и подписи к рисункам, должны иметь сплошную нумерацию в нижнем правом углу. Страницы с рисунками не нумеруются.

Рукописи подаются в электронном виде в формате MS Word на сайте <http://journals.krc.karelia.ru> либо на e-mail: trudy@krc.karelia.ru, или же представляются в редакцию лично (г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11, каб. 502). К рукописи желательно прилагать два бумажных экземпляра, напечатанных на одной стороне листа формата А4 в одну колонку.

ОБЩИЙ ПОРЯДОК РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ СТАТЬИ

Элементы статьи должны располагаться в следующем порядке: *УДК* курсивом на первой странице, в левом верхнем углу; заглавие статьи на русском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; инициалы, фамилии всех авторов на русском языке полужирным шрифтом; полное название организации – места работы каждого автора в именительном падеже на русском языке курсивом (если авторов несколько и работают они в разных учреждениях, следует отметить арабскими цифрами соответствие фамилий авторов учреждениям, в которых они работают; если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно); аннотация на русском языке; ключевые слова на русском языке; инициалы, фамилии всех авторов на английском языке полужирным шрифтом; название статьи на английском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; аннотация на английском языке; ключевые слова на английском языке; текст статьи (статья экспериментального характера, как правило, должны иметь разделы: **Введение. Материалы и методы. Результаты и обсуждение. Выводы** либо **Заключение**); благодарности и указание источников финансирования выполненных исследований; списки литературы: с библиографическими описаниями на языке и алфавите оригинала (**Литература**) и транслитерированный в латиницу с переводом русскоязычных источников на английский язык (**References**); таблицы (на отдельных листах); рисунки (на отдельных листах); подписи к рисункам (на отдельном листе).

На отдельном листе дополнительные сведения об авторах: фамилии, имена, отчества всех авторов полностью на русском и английском языке; полный почтовый адрес каждой организации (страна, город) на русском и английском языке; должности, научные звания, ученые степени авторов; адрес электронной почты для каждого автора; телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов).

ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ должно точно отражать содержание статьи* и состоять из 8–10 значимых слов.

АННОТАЦИЯ** должна быть лишена вводных фраз, создавать возможно полное представление о содержании статьи и иметь объем не менее 200 слов. Рукопись с недостаточно раскрывающей содержание аннотацией может быть отклонена.

Отдельной строкой приводится перечень КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ (не менее 5). Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой, в конце фразы ставится точка. Слова, фигурирующие в заголовке статьи, ключевыми являться не могут.

Раздел «Материалы и методы» должен содержать сведения об объекте исследования с обязательным указанием латинских названий и сводок, по которым они приводятся, авторов классификаций и пр. Транскрипция географических названий должна соответствовать атласу последнего года издания. Единицы физических величин приводятся по Международной системе СИ. Желательна статистическая обработка всех количественных данных. Необходимо возможно точнее обозначать местонахождения (в идеале – с точным указанием географических координат).

Изложение результатов должно заключаться не в пересказе содержания таблиц и графиков, а в выявлении следующих из них закономерностей. Автор должен сравнить полученную им информацию с имеющейся в литературе и показать, в чем заключается ее новизна. Следует ссылаться на табличный и иллюстративный материал так: на рисунки, фотографии и таблицы в тексте (рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2 и т. д.), фотографии, помещаемые на вклейках (рис. I, рис. II). Обсуждение завершается формулировкой в разделе «Заключение» основного вывода, которая должна содержать конкретный ответ на вопрос, поставленный во «Введении». Ссылки на литературу в тексте даются фамилиями, например: Карху, 1990 (один автор); Раменская, Андреева, 1982 (два автора); Крутов и др., 2008 (три автора или более) либо начальным словом описания источника, приведенного в списке литературы, и заключаются в квадратные скобки. При перечислении нескольких источников работы располагаются в хронологическом порядке, например: [Иванов, Топоров, 1965; Успенский, 1982; Erwin et al., 1989; Атлас..., 1994; Longman, 2001].

ТАБЛИЦЫ нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица имеет свой заголовок. На полях бумажного экземпляра рукописи (слева) карандашом указываются места расположения таблиц при первом упоминании их в тексте. Диаграммы и графики не должны дублировать таблицы. Материал таблиц должен быть понятен без дополнительного обращения к тексту. Все сокращения, использованные в таблице, поясняются в Примечании, расположенном под ней. При повторении цифр в столбцах нужно их повторять, при повторении слов – в столбцах ставить кавычки. Таблицы могут быть книжной или альбомной ориентации (при соблюдении вышеуказанных параметров страницы).

РИСУНКИ представляются отдельными файлами с расширением TIF (* .TIF) или JPG. При первичной подаче материала в редакцию рисунки вставляются в общий текстовый файл. При сдаче материала, принятого в печать, все рисунки из текста статьи должны быть убраны и представлены в виде отдельных файлов в вышеуказанном формате. Графические материалы должны быть снабжены распечатками с указа-

* Названия видов приводятся на латинском языке КУРСИВОМ, в скобках указываются высшие таксоны (семейства), к которым относятся объекты исследования.

** Обращаем внимание авторов, что в связи с подготовкой журнала к включению в международные базы данных библиографических описаний и научного цитирования расширенная аннотация на английском языке, а также транслитерированный в латиницу список использованной литературы приобретают особое значение.

нием желательного размера рисунка, пожеланий и требований к конкретным иллюстрациям. На каждый рисунок должна быть как минимум одна ссылка в тексте. Иллюстрации объектов, исследованных с помощью фотосъемки, микроскопа (оптического, электронного трансмиссионного и сканирующего), должны сопровождаться масштабными линейками, причем в подрисуночных подписях надо указать длину линейки. Приводить данные о кратности увеличения необязательно, поскольку при публикации рисунков размеры изменятся. Крупномасштабные карты желательно приводить с координатной сеткой, обозначениями населенных пунктов и/или названиями физико-географических объектов и разной фактурой для воды и суши. В углу карты желательна врезка с мелкомасштабной картой, где был бы указан участок, увеличенный в крупном масштабе в виде основной карты.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ должны содержать достаточно полную информацию, для того чтобы приводимые данные могли быть понятны без обращения к тексту (если эта информация уже не дана в другой иллюстрации). Аббревиации расшифровываются в подрисуночных подписях.

ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ. В расширенных латинских названиях таксонов не ставится запятая между фамилией авторов и годом, чтобы была понятна разница между полным названием таксона и ссылкой на публикацию в списке литературы. Названия таксонов рода и вида печатаются курсивом. Вписывать латинские названия в текст от руки недопустимо. Для флористических, фаунистических и таксономических работ при первом упоминании в тексте и таблицах приводится русское название вида (если такое название имеется) и полностью – латинское, с автором и желательно с годом, например: водяной ослик (*Asellus aquaticus* (L. 1758)). В дальнейшем можно употреблять только русское название или сокращенное латинское без фамилии автора и года опубликования, например, для брюхоногого моллюска *Margarites groenlandicits* (Gmelin 1790) – *M. groenlandicus* или для подвида *M. g. umbilicalis*.

СОКРАЩЕНИЯ. Разрешаются лишь общепринятые сокращения – названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеупотребительных.

БЛАГОДАРНОСТИ. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. Пристатейные ссылки и/или списки пристатейной литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления (http://www.bookchamber.ru/GOST_P_7.0.5.-2008). Список работ представляется в алфавитном порядке. Все ссылки даются на языке оригинала (названия на японском, китайском и других языках, использующих нелатинский шрифт, пишутся в русской транскрипции). Сначала приводится список работ на русском языке и на языках с близким алфавитом (украинский, болгарский и др.), а затем – работы на языках с латинским алфавитом. В списке литературы между инициалами ставится пробел.

ТРАНСЛИТЕРИРОВАННЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (References). Приводится отдельным списком, повторяя все позиции основного списка литературы. Описания русскоязычных работ указываются в латинской транслитерации, рядом в квадратных скобках помещается их перевод на английский язык. Выходные данные приводятся на английском языке (допускается транслитерация названия издательства). При наличии переводной версии источника можно указать его библиографическое описание вместо транслитерированного. Библиографические описания прочих работ приводятся на языке оригинала. Для составления списка рекомендуется использование бесплатной программы транслитерации на сайте <http://translit.ru/>, вариант BCI.

Внимание! С 2015 года каждой статье, публикуемой в «Трудах Карельского научного центра РАН», редакцией присваивается уникальный идентификационный номер цифрового объекта (DOI) и статья включается в базу данных CrossRef. **Обязательным условием является указание в списках литературы DOI для тех работ, у которых он есть.**

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ 1-Й СТРАНИЦЫ

УДК 631.53.027.32:635.63

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ РЕЖИМОВ ПРЕДПОСЕВНОГО ЗАКАЛИВАНИЯ СЕМЯН НА ХОЛОДОУСТОЙЧИВОСТЬ РАСТЕНИЙ ОГУРЦА

Е. Г. Шерудило¹, М. И. Сысоева¹, Г. Н. Алексейчук², Е. Ф. Марковская¹

¹Институт биологии Карельского научного центра РАН

²Институт экспериментальной ботаники НАН Республики Беларусь им. В. Ф. Купревича

Аннотация на русском языке

Ключевые слова: *Cucumis sativus* L.; кратковременное снижение температуры; устойчивость.

E. G. Sherudilo, M. I. Sysoeva, G. N. Alekseichuk, E. F. Markovskaya. EFFECTS OF DIFFERENT REGIMES OF SEED HARDENING ON COLD RESISTANCE IN CUCUMBER PLANTS

Аннотация на английском языке

Key words: *Cucumis sativus* L.; temperature drop; resistance.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Таблица 2. Частота встречаемости видов нематод в исследованных биотопах

Биотоп (площадка)	Кол-во видов	Встречаемость видов нематод в 5 повторностях				
		100 %	80 %	60 %	40 %	20 %
1Н	26	8	4	1	5	8
2Н	13	2	1	1	0	9
3Н	34	13	6	3	6	6
4Н	28	10	5	2	2	9
5Н	37	4	10	4	7	12

Примечание. Здесь и в табл. 3–4: биотоп 1Н – территория, заливаемая в сильные приливы; 2Н – постоянно заливаемый луг; 3Н – редко заливаемый луг; 4Н – незаливаемая территория; 5Н – периодически заливаемый луг.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСИ К РИСУНКУ

Рис. 1. Северный точильщик (*Hadrobregmus confuses* Kraaz.)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Ссылки на книги

Вольф Г. Н. Дисперсия оптического вращения и круговой дихроизм в органической химии / Ред. Г. Снатцке. М.: Мир, 1970. С. 348–350.

Патрушев Л. И. Экспрессия генов. М.: Наука, 2000. 830 с.

Knorre D. G., Laric O. L. Theory and practice in affinity techniques / Eds. P. V. Sundaram, F. L. Eckstein. N. Y., San Francisco: Acad. Press, 1978. P. 169–188.

B References:

Vol'f G. N. Dispersiya opticheskogo vrashheniya i krugovoj dikhroizm v organicheskoy khimii [Optical rotatory dispersion and circular dichroism in Organic Chemistry]. Ed. G. Snattske. Moscow: Mir, 1970. P. 348–350.

Patrushev L. I. Ekspressiya genov [Gene expression]. Moscow: Nauka, 2000. 830 p.

Knorre D. G., Laric O. L. Theory and practice in affinity techniques. Eds. P. V. Sundaram, F. L. Eckstein. N. Y., San Francisco: Acad. Press, 1978. P. 169–188.

Ссылки на статьи

Викторов Г. А. Межвидовая конкуренция и сосуществование экологических гомологов у паразитических перепончатокрылых // Журн. общ. биол. 1970. Т. 31, № 2. С. 247–255.

Grove D. J., Loisesides L., Nott J. Satiation amount, frequency of feeding and emptying rate in *Salmo gairdneri* // J. Fish. Biol. 1978. Vol. 12, No 4. P. 507–516.

Noctor G., Queval G., Mhamdi A., Chaouch A., Foyer C. H. Glutathione // Arabidopsis Book. American Society of plant Biologists, Rockville, MD. 2011. doi:10.1199/tab.0142.

B References:

Viktorov G. A. Mezvidovaya konkurentsiya i sosushhestvovanie ehkologicheskikh gomologov u paraziticheskikh pereponchatokrylykh [Interspecific competition and coexistence ecological homologues in parasitic Hymenoptera]. Zhurn. obshh. biol. 1970. Vol. 31, No 2. P. 247–255.

Grove D. J., Loisesides L., Nott J. Satiation amount, frequency of feeding and emptying rate in *Salmo gairdneri*. J. Fish. Biol. 1978. Vol. 12, No 4. P. 507–516.

Noctor G., Queval G., Mhamdi A., Chaouch A., Foyer C. H. Glutathione. Arabidopsis Book. American Society of plant Biologists, Rockville, MD. 2011. doi:10.1199/tab.0142.

Ссылки на материалы конференций

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 125–128.

B References:

Mar'inskikh D. M. Razrabotka landshaftnogo plana kak neobkhodimoe uslovie ustoichivogo razvitiya goroda (na primere Tyumeni) [Landscape planning as a necessary condition for sustainable development of a city (example of Tyumen)]. *Ekologiya landshafta i planirovanie zemlepol'zovaniya: tezisy dokl. Vseros. konf. (Irkutsk, 11–12 sent. 2000 g.)* [Landscape ecology and land-use planning: abstracts of all-Russian conference (Irkutsk, Sept. 11–12, 2000)]. Novosibirsk, 2000. P. 125–128.

Ссылки на диссертации или авторефераты диссертаций

Шефтель Б. И. Экологические аспекты пространственно-временных межвидовых взаимоотношений землероек Средней Сибири: дис. ... канд. биол. наук. М., 1985. С. 21–46.

B References:

Sheftel' B. I. *Ekologicheskie aspekty prostranstvenno-vremennykh mezhhvidovykh vzaimootnoshenii zemlerоек Srednei Sibiri* [Ecological aspects of spatio-temporal interspecies relations of shrews of Middle Siberia]: dis. ... kand. biol. nauk [PhD Diss. (Biol.)]. Moscow, 1985. P. 21–46.

Ссылки на патенты

Патент РФ № 2000130511/28.04.12.2000.

Еськов Д. Н., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

B References:

Patent RF № 2000130511/28. 04.12.2000 [Russian patent No 2000130511/28. December 4, 2000].

Es'kov D. N., Seregin A. G. *Optiko-elektronnyi apparat* [Optoelectronic apparatus]. Patent Rossii № 2122745 [Russian patent No 2122745]. 1998. Bulletin No 33.

Ссылки на архивные материалы

Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии: материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

B References:

Grebenshchikov Ya. P. *K nebol'shomu kursu po bibliografii: materialy i zametki, 26 fevr. – 10 marta 1924 g.* [Brief course on bibliography: the materials and notes, Febr. 26 – March 10, 1924]. OR RNB. F. 41. St. un. 45. L. 1–10.

Ссылки на интернет-ресурсы

Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Демография. Официальная статистика / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 25.12.2015).

B References:

Parinov S. I., Lyapunov V. M., Puzyrev R. L. *Sistema Sotsionet kak platforma dlya razrabotki nauchnykh informatsionnykh resursov i onlainovykh servisov* [Socionet as a platform for development of scientific information resources and online services]. *Elektron. b-ki [Digital library]*. 2003. Vol. 6, iss. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (accessed: 25.11.2006).

Demografija. *Oficial'naja statistika* [Demography. Official statistics]. *Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Federal state statistics service]. URL: <http://www.gks.ru/> (accessed: 25.12.2015).

Ссылки на электронные ресурсы на CD-ROM

Государственная Дума, 1999–2003 [Электронный ресурс]: электронная энциклопедия / Аппарат Гос. Думы Федер. Собрания Рос. Федерации. М., 2004. 1 CD-ROM.

B References:

Gosudarstvennaya Duma, 1999–2003 [State Duma, 1999–2003]. Electronic encyclopedia. The office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow, 2004. 1 CD-ROM.

TABLE OF CONTENTS

A. Yu. Tarasov, M. B. Zobkov. ENEOLITHIC WORKSHOP SITES ON THE WESTERN COAST OF LAKE ONEGA: SPATIAL ANALYSIS	3
T. A. Khoroshun, I. M. Summamen. THE ROLE OF NATURAL SCIENCE METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF ANCIENT CERAMICS IN KARELIA	17
<u>N. A. Korablyov</u> , E. Yu. Dubrovskaya. THE EFFECTS OF WORLD WAR I ON SOCIOECONOMIC LIFE OF THE POPULATION OF KARELIA	28
N. V. Drannikova. "FOLKLORE": THE HISTORY OF THE TERM'S USE AND ITS IMPORTANCE IN THE RUSSIAN SCIENCE	39
E. G. Rakhimova. NATATORIAL BIRDS IN THE KALEVALA METER RUNES	46
A. N. Rakin. DESIGNATIONS OF THE ATMOSPHERIC PHENOMENA IN THE STRUCTURE OF METEOROLOGICAL VOCABULARY OF THE PERMIAN LANGUAGES	56
T. R. Dushenkova. THE CONCEPTS <i>USH'YAN</i> AND <i>KURLAN</i> IN UDMURT LINGUOCULTURE: THE PHENOMENON OF PUBLIC OPINION	62
A. V. Kamitova. THE TOPIC OF "SHYNESS" IN A POEM BY ASHALCHI OKI	69
N. V. Gorinova. SOME ASPECTS OF KOMI DRAMA IN THE 1990's	76
Kirill M. Tovbin. THE ORTHODOX EDINOVERIE AND ITS ROLE IN RUSSIAN SECULARIZATION	83
DOCTORAL STUDENT NOTEBOOKS	
K. V. Godunov. PETROZAVODSK ON NOVEMBER 7–8, 1918: PROVINCIAL CENTER IN THE DAYS OF CELEBRATIONS	97
S. A. Minvaleev. THE FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE LUDICS (BASED ON THE R. F. TAROEVA'S FIRST ETHNOLOGICAL EXPEDITION)	104
M. V. Kazakova. BILINGUAL TEXT'S FEATURES IN THE HISTORY OF KARELIAN LITERATURE	113
G. V. Suzi. REORGANIZATION OF TIMBER INDUSTRY IN THE SOVIET KARELIA AFTER THE WINTER WAR	121
CHRONICLE	
D. V. Gerasimov. Archaeological seminar "Tver land and neighbouring territories in ancient times" (to the anniversary of Igor N. Chernykh)	127
DATES AND ANNIVERSARIES	
L. I. Vavulinskaya. Maria N. Vlasova (on the 90 th anniversary)	130
REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY	
Yu. G. Shikalov. Rajan maakunta. Pohjois-Karjalan historia 1939–2014. Ismo Björn (Toim.). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. 458 s. (Border province. History of North Karelia province, 1939–2014. Ed. Ismo Björn. Helsinki: Finnish Literature Society, 2014. 458 p.)	133
INSTRUCTIONS FOR AUTHORS	136

Научное издание

**Труды Карельского научного центра
Российской академии наук**
№ 8, 2015

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Печатается по решению
Президиума Карельского научного центра РАН*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-48848 от 02.03.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Редактор А. И. Мокеева
Оригинал-макет Г. О. Предтеченский

Подписано в печать 28.08.2015. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура Pragmatica. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,12. Усл. печ. л. 16,51.
Тираж 500 экз. Заказ 300.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50